

история / география / этнография

Станислав Чернявский

Антиох Великий, «царь Азии»

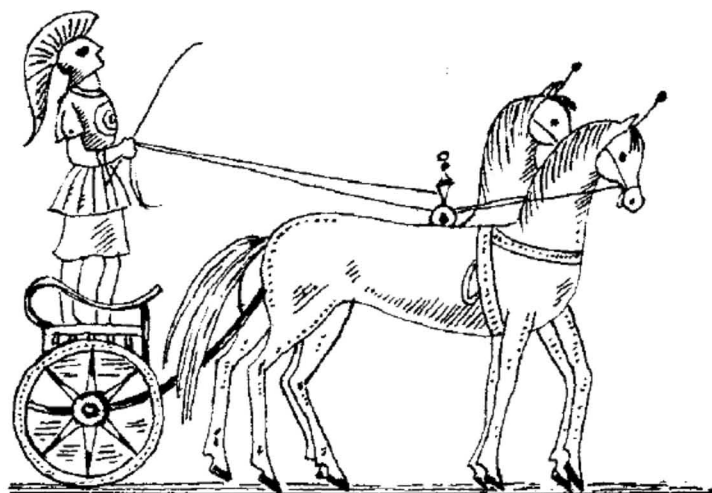

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Станислав Чернявский

Антиох Великий,
«царь Азии»

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 94(569.4)014
ББК 63.3(0)31
Ч-49

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-299-8

© Станислав Чернявский, 2016
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2016

В 241 году до н. э. в Вавилоне появился на свет мальчик, названный Антиохом. Его отцом и матерью были двоюродные брат и сестра — храбрый царь Селевк Каллиник и прекрасная царица Лаодика. Супруги любили друг друга, и ребенок оказался желанным. Это был их второй сын. Старшему отпрыску, названному, как и отец, Селевком, к тому времени исполнилось три года.

Тишину полутемных покоев великого дворца Навуходоносора (там жили родители Антиоха во время остановок в Вавилоне) оглашал детский крик. Пройдет два десятка лет, и этот голос окрепнет, он будет звать в бой тысячи солдат. Его жизнь будет полна необычных перемен, романтических историй, интереснейших встреч. На долю Антиоха выпадет немало сражений. Во многих из них этот отчаянный человек примет участие

как простой солдат, но свою смерть найдет в случайной потасовке во время бунта черни.

Эпоха, в которую жил царь Антиох Великий — один из самых ярких наследников Александра Македонского, — изобиловала замечательными людьми. Каждый из них был не менее велик, чем наш герой. Со многими Антиох встречался, воевал, заключал союзы. Среди них — отважный македонский царь Филипп V и римский полководец Публий Корнелий Сципион Африканский — победитель Ганнибала. А сам Ганнибал одно время служил царю Антиоху и командовал его флотом.

II

Антиох Великий правил страной, которой сегодня нет на карте. Его империя простиралась от Инда до Босфора, то есть включала Ближний и Средний Восток. Он восстановил державу, которую многие считали умершей. Соединив несоединимое, Антиох встретил у своих границ другую державу — Рим, стремившийся к мировому господству. Столкновение было неизбежно, и Антиох бросил вызов Риму. Так бросали вызов судьбе герои античных трагедий. Но был ли наш герой героичен? И насколько он заслужил свою трагическую судьбу?

В древнегреческих мифах часто встречается мотив неотвратимости Рока. Примеров не счесть. Наиболее ярок — Эдип, которому предсказано убить отца и жениться на матери. Он делает то и другое именно благодаря тому, что пытается избежать Рока. Нам жаль Эдипа, но не будем спешить.

У мифов есть обратная сторона, о которой мало кто задумывается. Это — неотвратимость наказания. Оракул не просто предсказывает мрачное будущее, он сообщает о божьей каре за преступления предков. Эдип совершил отцеубийство и кровосмешение. За это его потомки обречены на взаимоистребление, и они гибнут.

Следовательно, миф имел громадное воспитательное значение. Не поступай плохо, иначе наказание неизбежно.

Был ли идеален Антиох Великий — трагический герой и противник Рима? Отнюдь нет. За ним и его семьей тянулся шлейф преступлений. Возможно, его жизнь и смерть современники рассматривали с точки зрения неотвратимости нака-

зания, то есть как живую иллюстрацию древних мифов. Книга об Антиохе позволит понять, как и за что он был наказан.

III

Впрочем, оставим философию философам. Читателю предстоит познакомиться с интереснейшей биографией царя-воина. Его жизнь полна внезапных поворотов. Он взошел на трон двадцатилетним молодым человеком после того, как погиб его старший брат. Вся жизнь Антиоха — это непрерывные войны, тонкие интриги, невероятные приключения. Поэтому книга будет наверняка интересна всем любителям военной и дипломатической истории. В ней собраны занимательные факты из прошлого державы, которая так и не получила названия. Древние греки звали ее «Азиатское царство». В современных учебниках она обозначена как «Сирийское царство» — конечно, под влиянием А. Тойнби с его гипотезой о «сирийской цивилизации», существовавшей якобы несколько тысяч лет. Наконец, некоторые ученые говорят просто о «державе Селевкидов» — таково было название царского рода, к которому принадлежал Антиох. Нам предстоит разобраться в том, что это была за страна, каковы ее границы и почему Антиоха называли Великим, хотя он и потерпел поражение в конце карьеры.

Мы предлагаем читателю отправиться в мир Античности — мир утонченной поэзии и гимнастических залов, ощетинившихся копьями фаланг и стремительных атак тяжелой кавалерии, роскошных пиршеств и миллионов рабов, которые обслуживали элиту. Речь идет о конце III века до новой эры, когда легионы Рима вышли на Восток, преследуя своих врагов, и обнаружили уникальную цивилизацию, названную впоследствии эллинистической.

Часть первая Наследник Александра Великого

Глава 1. Детство и семья

1. Распад империи Александра

В 323 году до новой эры Александр Македонский завершил покорение Иранской империи Ахеменидов. Эта огромная страна включала современную Турцию, Армению, Сирию, Египет, Иран, Афганистан, Пакистан и Среднюю Азию. Для ее разгрома понадобилось всего десять лет. Иранцев оказалось слишком мало, чтобы контролировать огромные густонаселенные пространства. К тому же они были довольно замкнутой кастой, неохотно подпуская к себе неопитов. Поэтому второсортные народы империи равнодушно перенесли смену хозяина. Власть утратила связь с обществом, и расплатой стала гибель. Царство Ахеменидов навсегда исчезло, оставшись лишь как воспоминание на страницах исторических хроник.

Пришедшая на смену держава Александра включала на западе Македонию и федерацию греческих городов, то есть весь Балканский полуостров от Истра-Дуная до Ионического моря (кроме Спарты, которая сохранила самостоятельность). А на

востоке — бывшую державу персов. Начался эллинизм: уникальный период в жизни человеческой цивилизации.

Эллины — это древние греки, давно вымерший народ, от которого уцелели только предметы культуры. Но что такое эллинизм? Термин придумал в XIX веке замечательный немецкий историк И.-Г. Дройзен. Для него эллинизм — это категория времени, то есть эпоха от Александра Македонского до Клеопатры Египетской, после смерти которой место эллинистических монархий занял античный Рим. Современные историки понимают под эллинизмом синтез восточных и западных элементов культуры под греческой гегемонией. Интересна трактовка Л. Н. Гумилева. Этот ученый считал, что эллинизм — это колониальная химера, возникшая в тот момент, когда греки подчинили и эксплуатировали народы Востока, что верно, однако, лишь для восточной части греческих общин. Между тем эллины распространились тогда по всему Средиземноморью. Нынешним Провансом владела греческая колония Массилия (Марсель). Южную Италию и почти всю Сицилию занимали греческие города-государства, враждовавшие друг с другом и с «варварами». Греческие фактории доходили до Испании... Нужно ли их вычеркивать из эллинистической системы? Вряд ли. Значит, правильно оценивать эллинизм именно как эпоху — эпоху преобладания эллинов в тогдашнем «цивилизованном» мире. Она продолжалась с 334 по 30 год до н. э., то есть от начала Восточного похода Александра Великого до смерти египетской царицы Клеопатры.

Родина эллинизма — Древняя Греция. В широком смысле она включала в себя три страны: Македонию, Эпир и Элладу. Македоняне, эллины, эпироты относились друг к другу как русские, украинцы и белорусы. Эллины были «матерью» цивилизации, но погрязли в хаосе, коррупции и взаимных разборках. Они даже не смогли создать единое государство и разделились на бесчисленные городские республики. Эпироты были небольшим консервативным народом, который занимал компактную территорию, они отличались деловитостью, трудолюбием и чурались завоеваний. Наконец, македоняне — окраинный, смешавшийся с варварами народ греческого мира. Этот народ создал сильную монархию и подчинил себе и эллинов, и Эпир. В царствование Александра македоняне захвати-

ли на Балканах Фракию вплоть до Дуная, а на Востоке — «Азиатское царство», то есть державу Ахеменидов.

Увы, эти завоевания оказались непрочными. Люди Греции привыкли жить в небольших государствах-полисах, причем даже там умудрились делиться на партии и враждовать между собой. Это называлось «политика». Вполне закономерно, что после смерти Александра его империя распалась. Только теперь беспокойные эллины оперировали не в пределах своих маленьких городов, а на огромном пространстве «Азиатского царства».

Первым отделился Египет. Отрезанный пустынями, он был естественной крепостью и всегда сохранял независимость. В свое время персы подчинили его ненадолго, всего на десять лет, после чего туда пришел Александр, и страна капитулировала без боя.

В Египте воцарился один из полководцев Александра — Птолемей I Лагид; основанная им династия получила в исторической науке название Птолемеев. В лучшие времена они создали морскую империю, включавшую Киренаику, греческие острова и часть Сирии. Именно наследники Птолемеев станут одними из самых грозных противников Антиоха Великого.

Затем начался развал остальных владений Александра Македонского. Двух его сыновей убили, а полководцы Александра — диадохи — стали создавать отдельные царства. Слово «царь» по-гречески звучало как «базилевс». Войны между базилевсами продолжались сорок лет, причем каждый из них страдал отсутствием какой-либо морали. Наконец в Македонии обосновались базилевсы Антигониды, в Эпире — Пирриды, Эллада вернулась в состояние хаоса, а македоно-фракийское царство на Балканах вообще было разгромлено варварами, причем его эллинистическое население попросту вырезали. Это Фракийское царство было первым, которое пережило кару судьбы за предательство династии Александра Великого и собственные преступления. Впрочем, и Александра жалеть не за что: в его роду и его судьбе множество мрачных историй.

В ходе войн диадохов возникло еще одно эллинистическое государство, расположенное на Востоке. Оно удержало под

своим контролем Иран и Среднюю Азию. Эту территорию эллины называли «верхние сатрапии» (провинции). Дело в том, что греки видели современную карту не так, как мы. По их мнению, Эллада и Македония расположены внизу обитаемого мира, а персы — вверху. Поэтому Александр Великий во время своего похода совершил «анабазис» — восхождение вверх, и самые крайние из завоеванных им земель на востоке — это «верхние» сатрапии. Запомним и усвоим этот термин.

Царем-базилевсом «верхних сатрапий» сделался Селевк I Победитель, македонец по происхождению, один из военачальников Александра. Он женился на знатной иранской красавице и основал династию Селевкидов.

В 301 году до н. э. Селевк присоединил к своим владениям Сирию и восток Малой Азии. Это дало основание некоторым ученым назвать царство Сирийским. Но сам себя он называл «царем Азии». В 381 году до н. э. Селевк победил очередного соперника и присоединил западную часть Малоазийского полуострова. В 379-м отправился на завоевание Македонии, но был убит при неясных обстоятельствах; возможно, в результате солдатского бунта, потому что войско царя, включая отряд индийских слонов, ушло к его врагам. Так у эллинистических правителей на Балканах появились на вооружении слоны; с ними столкнутся римляне на территории Италии во время войны против Пирра...

2. Утраты

История Селевкидов — это череда утрат. Сокращение территорий началось уже при Селевке I. Пятьсот боевых слонов появились в его армии в обмен на несколько областей (современные Пакистан и Афганистан), которые базилевс отдал махарадже Индии. Это была лишь первая утрата, со временем их станет больше.

Летопись потерь включает десятки названий. Отделялись города и целые сатрапии, варвары нападали на окраины и переселялись на территорию царства, империя сокращалась в размерах и постепенно впала в жестокий кризис. Правда, с запада на восток шел непрерывный поток греческих колонистов, но их не хватало для заселения огромных

пространств и ассимиляции старых народов. В общем, перед нами довольно грязная и жестокая история, не имеющая ничего общего с воспетым литераторами и эстетами греческим изяществом.

Эллинистической верхушке удалось наладить комфортный быт за счет колониальной эксплуатации окраин. Для знати выстроили удобные дома с тенистыми садами, для воинов — кабаки со стриптизом (он зародился в Египте и назывался «танец осы»: стриптизерша качалась в танце, подражая движению этого насекомого, и... надевала одежды: private танцовщицы тогда одевались, а не раздевались). Столица державы, огромный эллинистический город Антиохия-на-Оронте, имела даже ночное освещение улиц — впервые в мире! Но и здесь не нужно обольщаться и приходить в восторг. Комфорт одного человека в «цивилизованном» мире возможен лишь за счет комфорта другого. Цивилизация Запада добилась впечатляющих успехов благодаря беспрецедентному ограблению колоний и зависимых стран, а вовсе не из-за мифического «совершенства» своей модели. Это временное состояние, и за него неизбежно наступала расплата в виде вырождения и социальных катаклизмов. Это хорошо видно на примере Селевкидов, где культурные успехи и вырождение династии шли рука об руку.

Но вернемся к веренице утрат. Сразу после убийства Селевка I в его страну вторглись из Европы галаты. Это кельты или галлы, которые были разделены на множество воинственных племен, что не мешало им захватывать одну за другой огромные территории. Под их ударами пало македоно-фракийское царство на Балканах, после чего варвары переправились в Малую Азию и заняли ее центральную часть на реке Галис. Сын Селевка — царь Антиох I — с трудом победил галатов, но умер от ран, полученных на войне с этим народом.

Были и другие враги. На неприступной скале в западной части Малой Азии, у Эгейского моря, стояла крепость Пергам. В ней хранилась богатая казна. Крепость и казну присвоил один ловкий малый, евнух по имени Эвмен. На имеющиеся деньги он набрал наемников и основал Пергамское царство, после чего начал наступление на Селевкидов. Эти войны продолжались несколько десятков лет, причем в лучшие

времена пергамские войска доходили до хребтов Тавра, угрожая Сирии.

Но самым страшным врагом Селевкидов был Египет, которым управляли Птолемеи. Благодатная страна, расположенная по течению великой реки Нил, играла в политической системе эллинизма ту же роль, что Англия в эпоху промышленной революции. У правителей Египта было две задачи. Первая: создать обширную колониальную империю, чтобы обогащаться. Вторая: ради собственного спокойствия обеспечить равновесие в эллинистическом мире, то есть не дать усилиться ни одной державе. Так как ближайшим к Египту и самым обширным царством оказалось «Азиатское», фараоны видели в нем главную опасность и пытались подрывать мощь потенциального противника. Для Селевкидов такой сосед оказался крайне неприятен. Он не давал возможности расслабиться, не позволял заняться внутренними делами. Селевкиды постоянно должны были тратить ресурсы на борьбу с сепаратистами, агентами влияния и прямыми вторжениями. Монолитный, компактный и богатый Египет долгое время не испытывал таких проблем, а значит, был объективно сильнее своего громадного азиатского соседа.

Результаты оказались плачевны. В Малой Азии постоянно тлели конфликты, поддерживаемые египтянами, волновались восточные окраины «Азиатского царства». Наконец фараон Птолемей III провернул блестящую операцию: с помощью своей агентуры убил «царя Азии» Антиоха Теоса (то есть «Господа Бога») и некоторое время правил империей от его имени. Технически это выглядело так: труп Антиоха набальзамировали и поместили под балдахин. По официальной версии царь был болен. Он «советовался» с ближайшими помощниками за шторкой и «давал указания», которые беспрекословно выполнялись. Перед нами уникальный случай, когда мертвый государь правит страной.

Результаты такого правления сказались очень быстро: бюрократический аппарат распался на группировки. Видя, что плод созрел, египтяне вторглись в «Азиатское царство», захватили Сирию, Вавилонию, Мидию, Персию, Сузиану... Тогда на востоке отделились две области, которые не хотели подчиняться Египту, — Парфия и Бактрия. Парфией вскоре за-

владели туранские кочевники — дахи (ираноязычные предки парфян и туркмен), которые вышли из нынешней Туркмении. Их-то и принято называть парфянами в современной науке. Главной силой парфян были конные стрелки и тяжелые кавалеристы, облаченные в панцири вместе с конями.

В Бактрии (ее столицей были Бактры — современный Балх в Северном Афганистане) произошло иное: селевкидский сатрап восстал против египтян и сделался самостоятельным правителем, а затем царем. Этот титул был принят, когда стало ясно, что Бактрии угрожают парфяне, а помощи от далеких Селевкидов не будет. В научной литературе принято называть это царство Греко-Бактрийским. Помимо Северного Афганистана оно включало территорию Согдианы, на которой сегодня расположены Узбекистан и Таджикистан.

Но вернемся на запад. Освобождение земель «Азиатского царства» начал сын Антиоха Теоса — Селевк III, обосновавшийся в Малой Азии. Он действовал на редкость успешно. Стремительные походы, ловкие маневры, удачные сражения — и вот уже Северная Сирия, Вавилония, Мидия, Персида возвратились под власть Селевкидов. Царь получил прозвище Каллиник («Добрый победитель») — за удачливость и милосердие. Именно тогда в Вавилоне у Селевка, занятого покорением восточной части империи, родился сын Антиох. Любящий отец даже не смог повидать жену и сына — он сражался далеко на востоке.

Реконкиста Селевкидов вскоре оборвалась. До Бактрии царь не дошел, в Парфии потерпел поражение, а Южная Сирия осталась за Египтом, причем владения Птолемеев приближались к селевкидской столице — Антиохии-на-Оронте. Они захватили даже «морские ворота Антиохии» — расположенный на побережье порт Селевкия-Пиэрия. Его вернет лишь Антиох Великий, да и то с огромным трудом.

Вдобавок к этому египтяне сумели разжечь мятеж в Малой Азии, и она отделилась от «Азиатского царства». Разрубать эти гордые узлы как раз и придется Антиоху Великому.

Его задача будет сверхсложной. В большой игре за передел владений участвовали не только гиганты, но и мелкие царства, названия которых нам встретятся еще не раз. Север Малой Азии занимали Вифиния и Понт. Первое из этих царств

возглавляли утонченные ценители античных трагедий и однополый любви. Светоний говорит, что последний вифинский царь прославился тем, что лишил девственности Юлия Цезаря. Понтийские цари, напротив, были воинственны и суровы. Это доблестные потомки иранской знати, которые заимствовали у эллинов военные и гражданские технологии, но не отдавали душу взамен. В центре Малоазийского полуострова обосновались разбойники-галаты, нападавшие на всех соседей. На востоке лежала Каппадокия — «страна прекрасных коней», славившаяся своими кавалеристами. Это область горных плато, холодная зимой и жаркая летом.

К востоку от «страны прекрасных коней» высилось Армянское нагорье, изрезанное речными долинами и населенное трудолюбивыми и воинственными людьми. Объединить эти долины оказалось невозможно, поэтому здесь возникло несколько государств, населенных одним народом — армянами. Самой крупной из этих стран была Великая Армения. К западу от нее лежала Малая Армения, которая зависела от Понтийского царства и со временем вошла в его состав. К югу от Малой Армении, в излучине Евфрата, располагались маленькие Софена и Коммагена. Во всех перечисленных странах правили эллинизированные цари, которые строили водопроводы и амфитеатры, прекрасно говорили по-гречески, наслаждались трагедиями Еврипида и комедиями Менандра — в общем, считали себя космополитами. Но это было небезобидно: чем больше начальство увлекалось греческим искусством, тем меньше его понимали простые армяне, которым бабушки и мамы рассказывали в детстве совсем другие сказки. Трещина между правительством и народом всё увеличивалась, пока не превратилась в пропасть. И когда пришли римляне, народ отказал правительству в поддержке. Впрочем, до этого было еще далеко.

Покамест с этими странами и народами взаимодействовали Селевкиды — такие же эллинисты и космополиты, как цари Вифинии, Армении, Бактрии, Каппадокии. Одним из этих царей станет Антиох Великий — может быть, не лучший, но далеко и не худший представитель династии.

3. Детство Антиоха

Про детские годы нашего героя мы ничего не знаем. У него не оказалось талантливого биографа, книги которого дошли бы до нас. Можно реконструировать его жизнь, но это будет лишь пунктир вместо линии, силуэт вместо картины, наполненной красками.

Родившись, эллинский мальчик попадал в гинекей — женскую половину дома или дворца. Она была отделена от андрона — мужской половины. Как выглядели гинекеи во дворцах селевкидских владык? Они состояли из нескольких просторных покоев. Там находилось ложе и несколько клизм (словом «клизмос» называли легкие изящные стулья), прятки и столики с женскими принадлежностями — духами, косметикой. Там же был гардероб. Гречанки одевались легко. Основной вид одежды — это кусок ткани, который обматывали вокруг голого тела и застегивали красивыми фибулами. Такой кусок назывался пеплос. Иногда его заменяли легкой короткой туникой — рубашкой; как правило, тунику использовали как домашнее платье. Зимой поверх обычной одежды накидывали паллий — шерстяной плащ, иногда с капюшоном. Обувью служили куски кожи, снабженные ремешками, которые обматывались вокруг щиколоток, — сандалии. Ели и пили цари с золотой и серебряной посуды, а простолюдины довольствовались керамикой.

Цари любили украшать жилища картинами, статуями, колоннами. Элементы архитектуры легко перерастали в произведения искусства, призванные услаждать взор. Колонны, переходы и капители былых дворцов кое-где сохранились до наших дней, уцелели даже многие статуи в римских копиях, но вот картины погибли, и мы не можем судить об искусстве живописи у древних греков.

Маленькие дети ходили по дому голышом или в туниках. Никто никого особенно не стеснялся. Ватерклозетов в привычном смысле не было, их изобрели только в XVIII столетии. Цари справляли нужду в золотые горшки. Но в целом санитария и гигиена находились на очень высоком уровне. Города обладали канализацией и водопроводом, а сами греки бы-

ли на редкость чистоплотными людьми. Они любили мыться и много времени проводили в бане. Мылись так: распаривали тело, натирали его оливковым маслом и соскребали грязь специальным скребком. Возможно, это даже полезнее для здоровья, чем натираться щелочным мылом или намазываться гелем для душа.

Если одежда эллинов была всё же довольно проста, то прически — дело другое. Парикмахерское искусство достигло небывалых вершин. Прически богатых гречанок отличались разнообразием. В домашних условиях женщины могли просто скрепить волосы узлом на затылке, но для торжественного приема или для посещения театра наряжались в затканые золотом шелковые ткани, завивали волосы и делали укладку. Она могла быть высокой, как муравейник, или живописно-небрежной, с кокетливыми локонами и уложенным в них жемчугом. Эллины любили красоту, а богатые эллины могли себе позволить платить за нее большие деньги.

Прически мужчин были проще, но тоже красивы. Некоторые модники подражали прическе Александра Великого и завивали локоны; но во времена Антиоха было принято коротко стричься, слегка зачесывая волосы вперед. Такие прически мы видим на сохранившихся статуях той эпохи. Ясно, что услуги мужских стилистов тоже стоили недешево.

Денег у царей Селевкидов имелось немало. В их распоряжении были ресурсы богатейших сатрапий. Среди них — Вавилон, где в лучшие времена, по легендам, собирали урожай сам-сто; Сирия с торговыми и ремесленными городами, ткацкими мануфактурами, горнорудными артелями; Мидия с табунами прекрасных коней и отарами жирных тонкорунных овец. Правда, значительная часть этих ресурсов разворывалась, тратилась на общественные постройки, содержание армии и чиновников, но и оставшейся части было достаточно для того, чтобы первые Селевкиды ни в чем не нуждались.

Следовательно, детство царя Антиоха проходило в роскоши, хотя и не безмятежной. Мальчик совсем не видел отца. Селевк начал поход против парфян, но, по некоторым источникам, попал в плен и провел в заточении несколько лет.

Когда царь вернулся на родину, он нашел ее разорванной новой гражданской войной — брат Селевка Антиох «Ястреб» сперва отделил Малую Азию, а затем попытался захватить всё «Азиатское царство». Селевк вновь ходил в походы, сражался и лишь изредка навещал жену и детей. К тому времени Лаодика родила ему дочь, которая впоследствии станет женой царя Понта, ибо Селевкиды вступят в союз с этой страной.

В семь лет Антиоха, как и предписывала традиция, передали на воспитание мужчинам.

Греки-мужчины не любили проводить время дома, предпочитая занятия на свежем воздухе или в портиках — крытых колоннадах, защищавших от летнего солнца. В гимназии эллины обучались гимнастике, в палестре — боевым искусствам, в тенистых рощах, прогуливаясь рядом с учителем, постигали мудрость философии, тайну чисел, красоту стихов.

Северные греки — македоняне — обожали охоту, на которую выезжали верхом. Это была репетиция войны. Здесь отработывали маневр, учились принимать быстрые решения, бесстрашно шли в атаку на зверя. Македонская кавалерия считалась одной из лучших в тогдашнем мире. Лучше были только парфяне.

Антиох вырос образованным и храбрым юношей. Он прекрасно знал греческую литературу, читал и понимал Аристотеля, познакомился с основами управления людьми. А еще владел копьем и мечом и был прекрасным наездником. Хорошая физическая подготовка не раз спасет ему жизнь.

Его отец Селевк любил жену и сыновей, воспринимая их не только как родню, но и как политических соратников. Поэтому Антиох, как только подрос, отправился управлять восточными, «верхними» сатрапиями. Каким было прощание, мы не знаем. Переживал ли подросток из-за разлуки с матерью и отцом? Или его манила неизвестность? Впереди ждали незнакомые народы, говорящие на непонятных языках, таинственные храмы, невиданные дворцы и загадочные боги, совсем не похожие на человекоподобных богов Эллады. Должно быть, воображение Антиоха получило богатую пищу. Но даже если мы ошибаемся и юный царевич хотел остаться подле матери и отца — выбора не оставалось: он не принадлежал себе.

С одной стороны, Антиох должен был в «верхних сатрапиях» пройти школу управления большими территориями, населенными несколькими миллионами подданных. С другой — направление на Восток одного из принцев позволяло стабилизировать политическую систему и избежать бунтов наместников на окраине. Наличие представителя династии часто помогало успокоить людей: вспомним, что в Древней Руси славянские города-государства часто требовали себе какого-нибудь Рюриковича в правители. Долгое время это помогало сохранить иллюзию единства державы, даже в ту эпоху, когда держава распалась.

Вероятно, резиденцией Антиоха стал главный город Мидии — хорошо укрепленные Экбатаны (современный Хамадан в Иране), которые в свое время подробно и со вкусом описал «отец истории» Геродот. Но править там юному наместнику пришлось недолго.

Отцу Антиоха — Селевку Каллинику — исключительно не повезло. В сорок лет он нелепо закончил свою бурную жизнь — упал с лошади, расшибся и умер. Наследником Каллиника сделался старший сын — Селевк Керавн (225—223 годы до н. э.). «Керавн» означает «Молниеносный». Вообще-то Селевк отличался слабым здоровьем, и некоторые ученые полагают, что прозвище дано в насмешку, но это, конечно, не так. Перед нами часть имени, которая помогает отличить одного Селевка от другого, потому что нумеровать царей эллины не умели — это сделали уже впоследствии ученые, для удобства. Так появились Селевк Первый, Антиох Третий, Птолемей Седьмой... А в древности царей отличали с помощью прозвищ. Вероятно, Керавн отличался стремительными порывами и личной храбростью, хотя здоровьем похвастать не мог. Это не упрек и не причина для насмешек. Скажем, русский генералиссимус Суворов тоже не обладал стальным здоровьем, однако был невероятно храбр и подвижен. Возможно, перед нами аналогичный случай.

Керавну повезло еще меньше, чем отцу. Его малоазийские владения захватили соперники — цари Пергама. Селевк выступил в поход, но по дороге, в горах Тавра, был убит одним из своих телохранителей и наемником-галатом. Очень похоже, что убийство подстроили пергамцы. В Антиохии тотчас

собрался совет из высших чиновников и военных, чтобы решить, кто будет править страной. Сын Селевка был младенцем, его не стали делать царем, чтобы избежать смут. Все предпочли Антиоха, который был молод, но всё же не настолько, чтобы подвергнуть страну риску смуты: Антиоху исполнилось двадцать.

Время показало, как серьезно ошибались сановники. Смуты всё же произойдут, и очень свирепые. Впрочем, другой кандидатуры всё равно не имелось.

В Экбатаны помчались ангелы — то есть гонцы, вестники. Они сообщили о смерти Селевка Керавна. Так, по прихоти судьбы и сановников, Антиох III Великий (223—187 годы до н. э.) сделался царем. Впрочем, тогда у него не было прозвища «Великий». Оно появится позже, когда Антиох повторит подвиг Александра Македонского и дойдет до границ Индии. А пока двадцатилетний юноша оставил «верхние сатрапии» и стремительно бросился на запад. Вскоре он приехал в прекрасную и многолюдную столицу Селевкидов — Антиохию-на-Оронте (сейчас это турецкий городок Антакья). Здесь голову Антиоха привели в порядок царские парикмахеры, а затем, в торжественной обстановке, юный базилевс возложил на себя диадему — затканную золотом головную повязку, которая была символом монархической власти в мире эллинов. Так началось новое царствование.

Глава 2. Бюрократы против военных

1. В столице

Перед отъездом на запад Антиох отдал «верхние сатрапии» в управление двум братьям-военачальникам, которые пользовались авторитетом среди солдат. Старший из братьев, Молон, получил Мидию, а младший, Александр, — Персиду. Казалось, восток страны в надежных руках. Не то было на западе.

Прибыв в Антиохию, молодой базилевс обнаружил, что западная армия дезорганизована, казна пуста, а при дворе имеются две враждебные группировки: военные и бюрократы.

Бюрократов возглавлял временщик Гермий — ученый талантливый грек из малоазийской области Кария, земляк «отца истории» Геродота. Гермий, как многие греки, приехал из своего захолустья в Сирию, чтобы делать карьеру. Это ему удалось благодаря собственной ловкости и помощи земляков-эллинов. Схематично это выглядело так. Покидая свои полисы, эллины больше не чувствовали себя гражданами маленького мирка. Они переставали быть афинянами, спартанцами или галикарнасцами, а делались просто эллинами. И держались группой, продвигая своих.

Партия Гермия оказалась очень сильна. Сам Гермий был опасным человеком. Знаменитый античный историк Полибий характеризует временщика как жестокого, хитрого и надменного субъекта.

Другую партию — военную — возглавил стратег Эпиген. Стратег и чиновник ненавидели друг друга.

В партию военных входили македонские командиры, но она имела важный недостаток: отсутствие единства. Дело в том, что командиры были двух сортов. Часть из них — это потомки соратников Селевка I. Таким был, например, стратег Ахей Младший, с которым мы еще не раз встретимся на этих страницах. Более того, Ахей принадлежал к царской семье. Его отец Ахей Старший был внуком Селевка I и активно участвовал в «смуте мертвого царя». Но в описываемое время Старший уже умер, и «старомакедонских военных» возглавил его сын. Мужчины в этой семье постоянно заключали браки с представительницами старшей линии Селевкидов. Поэтому Ахей приходился Антиоху одновременно троюродным и двоюродным братом.

Другая группировка — это македоняне второй и третьей волны, которые покидали свою родину, чтобы, как и эллины, поискать счастья при дворах царей «Азии» или Египта. Похоже, именно этих людей возглавлял Эпиген. Наличие группировок ослабляло военных в борьбе с бюрократами, ибо последние могли играть на противоречиях в стане врагов. Так и случилось.

Для начала царю Антиоху нужно было делать выбор, на кого опереться, и он выбрал бюрократов, потому что думал не о войне, а о том, как сохранить стабильность и управляемость.

Ему нужны были дельные гражданские советники, которые вели бы финансовые дела, собирали налоги и обладали опытом деловой переписки.

Гермий очаровал юного царя. Антиох назначил его управлять делами царства, то есть сделал «премьер-министром». Это решение приветствовала партия «гражданских», но оно вызвало резкое неудовольствие Молона и Александра, правивших «верхними сатрапиями». Вероятно, Молон считал себя кем-то вроде вице-короля, а Гермий ограничивал его влияние. Наместники «верхних сатрапий» стали подумывать об отделении от империи. Так возникла еще одна партия — сепаратистов.

Но на время их оставили в покое. Гораздо больше Гермий боялся не далекого Молона, а близкого Эпигена и его солдат. Что было делать с ними? Гермий нашел изящный выход: собрал армию в предгорьях Тавра, реорганизовал и велел отбить утраченные малоазийские владения. Это означало серьезную войну с Пергамом и горными племенами.

Во главе этой армии Гермий поставил стратега Ахея Младшего, родственника царя Антиоха и вождя «старомакедонской партии». Армия с энтузиазмом приветствовала этот выбор, зато Эпиген остался без войск. Партия военных была расколота. Вместе с Ахеем удалили солдат-македонян, которых Гермий заменил в столице наемными эллинами из разных городов. Эти наемники подчинялись только временщику, но не македонским офицерам. Влияние Гермия в центре страны резко усилилось, и это опять же не могло понравиться наместникам окраин. Мятеж Молона стал вопросом времени.

Зато македонское войско под началом авторитетного полководца продемонстрировало неожиданную прыть. Ахей Младший перевалил Тавр и подчинил горные области на юге малоазийского полуострова — Ликию, Памфилию и Писидию. Это было тем более удивительно, что ситуация в Малой Азии казалась безнадежной. Пергамский царь Аттал I — главный враг Антиоха III в регионе — чрезвычайно усилился и захватил почти все владения Селевкидов на полуострове. Со своими войсками он дошел до самого Тавра. В 222 году до н. э. Ахей собрался с силами и нанес ответный удар. Полководец перевалил Тавр, выдержал несколько крупных сражений и разбил

пергамского царя. Война продолжалась два года. За это время Ахей отвоевал Галатию, прошелся по Лидии, занял Сарды, вышел на побережье Эгейского моря, захватил Ионию, затем повернул на север и занял Эолиду. Писидию, Ликию и Памфилию полководец оставил в тылу. Фактически эти области отпали от Пергама и обрели независимость. В них жили греки, разбросанные в городах на побережье, а также много мелких племен, которые немедленно стали враждовать между собой. По этнической пестроте области напоминали современный российский Дагестан.

Со своей стороны Гермий заключил союз против Пергама с царями Понта и Каппадокии, причем понтийский базилевс Митридат II выдал за Антиоха свою дочь Лаодику. Это было греческое «царское» имя. Понтийские правители носили иранские имена Митридатов, а вот женщин называли по-гречески — в основном Лаодиками.

Понтийскую принцессу привезли в Антиохию-на-Оронте и пышно отпраздновали свадьбу. Так Антиох породнился с потомками старой иранской знати. Любил ли он жену? Вряд ли. В его жизни будет много других женщин, в том числе законных супруг (эллинистические цари являлись многоженцами), из чего можно заключить, что Антиох — легко увлекающаяся личность. Он брал женщин в свой гинекей по любви или в случае политической необходимости, но не хранил верность ни одной из них.

Видимо, союз с Понтийским царством и Каппадокией стал решающим фактором для побед Ахея. Другой фактор — симпатии местного населения. Лидийцы предпочли необременительное подчинение далекому «царю Азии» назойливой власти пергамских владык. В итоге Ахей запер пергамского царя Аттала в его столице. Правда, осада была неудачной. Пергам оказался неприступной крепостью, а у Ахея не хватало ни денег, ни сил для продолжения войны. Он заключил мир, по которому ограничил владения Аттала Пергамом и прилегающей областью. Все завоевания пергамского царя были утрачены. Мир заключили в 219 году до н. э. Впрочем, не будем забегать вперед.

Пока Ахей Младший одерживал победы на западе, от «Азиатского царства» отпал восток. Наместник «верхних сатрапий»

Молон, полный ненависти к успешному и наглому Гермию, поднял бунт.

Это сразу осложнило положение Антиоха, у которого остались только Вавилония и Северная Сирия.

2. Мятеж Молона

Гермий последовательно расправлялся с опасными офицерами, а заодно пытался обуздать провинциальную бюрократию. Именно так можно характеризовать слова Полибия о том, что временщик «наказывал одних за ошибки, обращаемые им в преступления, против других измышлял важные обвинения и был беспощадным и суровым судьей». Тогда-то провинциалы и восстали, выбрав Молона своим вождем. Впрочем, сам Гермий был уверен, что за спиной восставших стоят главные враги Селевкидов — египтяне. Возможно, так и было, а Молона просто подкупили. Ход событий показывает, что Молон взбунтовался не против царя, а именно против Гермия, который захватил власть при Антиохе. Юного базилевса любили в «верхних сатрапиях», а бюрократов и их вождя Гермия — ненавидели. Поэтому на сторону Молона сразу перешли расквартированные в «верхних сатрапиях» македонские полки. Возможно, лидеры мятежа даже распространили слух, что Гермий держит царя под арестом. Поэтому в качестве главной цели декларировалось освобождение несчастного юноши и возвращение к подданным. На самом деле Молон, конечно, планировал убить царя и взять власть в свои руки. Узурпатора поддержали братья — опытный Александр, правивший в Персиде, и юный Неолай, находившийся в Мидии при Молоне.

Едва известие о мятеже достигло Антиохии, Гермий собрал государственный совет. Молодой Антиох председательствовал в собрании. Высказывались по очереди. Когда слово дали стратегу Эпигену, тот изложил простой и ясный план борьбы с врагами. Нужно без промедления собрать армию и вторгнуться в мятежные области. У мятежников больше сил, но это ничего. Важно, чтобы царь Антиох лично возглавил армию и участвовал в боевых действиях. Тогда всем будет ясно, что царь самостоятелен в своих решениях. Это парализует мятежников. Молон капитулирует сам или будет выдан солдатами.

Эпигену яростно возражал Гермий. Он обвинил его в предательстве, сказав, что стратег хочет, чтобы базилевс сам пошел прямо в пасть льву и отдался в руки мятежников.

Гермий предложил другой план. Нужно выслать против Молона корпус, а основной удар нанести по Египту, где правил развратный фараон Птолемей IV Филопатор, подкупивший Молона. То есть необходимо уничтожить корни мятежа, а уже потом рубить верхушку. Нет, он не против восточного похода. Просто главные силы царства следует приберечь и задержать в Сирии, а по Молону нанести вспомогательный удар.

Юному царю Антиоху предложение показалось дельным. Эпиген утрачивал влияние, авторитет или, как сказали бы ныне, «аппаратный вес».

Гермий собрал наемные полки для похода против Молона. Их возглавили эллины Ксенон и Теодот Гемиилий. Стратеги выступили в «верхние сатрапии».

Между тем Гермий собирал в Сирии главную армию, дабы напасть на Египет. Царь колебался, одобрить ли этот план, — на кону стояло слишком многое.

Тогда временщик сплел интригу. Он подделал письмо Ахея Младшего, якобы адресованное фараону. Из письма следовало, что фараон обещал Ахею титул малоазийского царя, если полководец восстанет против центрального правительства, и Ахей колеблется. Дезинформация была составлена очень умело. Антиох поверил письму. Но как поступить? Напасть на Ахея? Это бы окончательно погубило страну. Не логичнее ли напасть на самого фараона, пока он не перекупил всех сирийских полководцев? И Антиох согласился воевать с Египтом.

Молон обладал обширными ресурсами для войны. Во-первых, в его распоряжении были царские табуны, пасшиеся в Мидии. Это дало возможность наембовать хорошую конницу. Затем, Мидия и Персия предоставили деньги и людей. Полибий пишет, что мятежник привлек на свою сторону каких-то соседних царей. Соседями были Парфия, расположенная в нынешнем Хорасане, и Атурпаткан (Атропатена, Азербайджан — страна, расположенная к югу от Куры вокруг озера Урмия). Молон пожертвовал союзникам часть территорий. Теперь парфяне заняли весь Хорасан, а Азербайджан расши-

рился чуть не до Экбатан. Азербайджанцы предоставили Молону стрелков и линейную пехоту, а парфяне — превосходную тяжелую кавалерию рыцарского типа. Кроме того, Молон пополнил армию вспомогательными отрядами из подвластных племен. Костяк войска составили греки и македонцы. Полибий пишет об «очень большом» войске, которое вооружил Молон. Но для того, чтобы его собрать, потребовалось время. Правительственные войска делали ставку на быстроту. План состоял в том, чтобы разбить мятежников до того, как они успеют соединиться. Молон оставил одного брата — Александра — сторожить «верхние сатрапии», а другого — Неолая — взял с собой.

Ксенон и Теодот Гемиолий с греческими наемниками выступили на восток, продвинулись до среднего течения Тигра и вышли к городу Аполлониатида на стыке Мидии с Персидой. Тут оказалось, что они все-таки опоздали. Разведчики донесли, что неподалеку располагается огромная армия Молона, которая внезапно вывалилась из горных ущелий Загроса. Лихой рейд Ксенона и Теодота оказался бесполезен. Теперь нужно было выводить небольшую армию наемников из-под удара врага. Греческие стратеги тотчас отступили в крепости на границе Вавилонии, пытаясь прикрыть эту сатрапию от ударов противника.

Молон захватил район Аполлониатиды и завладел складами вавилонских купцов. Полибий пишет, что именно этот захват дал мятежнику «неисчислимые» сокровища. Затем бунтовщик решил переправиться через Тигр и овладеть городом Селевкия, расположенным на этой реке. Гарнизон Селевкии на-Тигре командовал еще один стратег Антиоха, Зевксид. Он частью сжег, частью угнал речные суда и тем самым спас положение: Молон не смог форсировать реку. Тогда мятежник подошел к городу Ктесифону на правом берегу Тигра и встал на зимние квартиры (222 год до н. э.).

Едва весть об успехах бунта дошла до Антиоха III, как он решил оставить идею войны с Египтом и лично идти на восток. Но Гермий выступил против. Он опасался, что Антиох обретет популярность в войсках. А следом — и реальную власть. Под тем предлогом, что с мятежниками обязаны воевать полководцы а царь должен сражаться только с царем, временщик сумел

уговорить базилевса передать командование восточными войсками опытному стратегу.

Подобрали кандидатуру. Командующим стал Ксенойт — очередной грек из Ахайи. Ему присвоили должность «верховного стратега Азии» и выделили часть войск, предназначенных для захвата Египта. Стратег невероятно зазнался — раньше он никогда не командовал таким большим войском. Это чванство вскоре сыграло с Ксенойтом злую шутку.

В связи с отправкой армии на восток пришлось отложить большую войну с египтянами, но малую всё же начали. Войска Антиоха III вторглись в Келесирию (Южную Сирию, оккупированную когда-то Египтом; сейчас это Ливан и районы вокруг Дамаска; иногда в ее состав включают и Палестину). Поход был необходим по соображениям безопасности: граница с Египтом проходила слишком близко от Антиохии. Гермия хотелось отодвинуть рубежи государства дальше на юг. Для понимания: точно так русские хотели в свое время отодвинуть границу от Петербурга и вели войны со шведами.

3. Бездарные полководцы

Для похода в Келесирию Гермий набрал наемников-эллинов и восточных солдат из Вавилонии. Армией командовал лично, молодого царя удерживал при себе. Назойливая опека временщика становилась обременительной, а положение Антиоха III всё больше напоминало почетный арест. Базилевс не был глуп и прекрасно понял смысл происходящего. Постепенно он начал тяготиться обществом Гермия и искал удобный повод свалить временщика. Но пока временщик находился на вершине могущества.

На пути в Келесирию лежали теснины Ливана. Обходя крупные города, занятые египетскими гарнизонами, Гермий шел всё время на юг. Сперва достиг Лаодикеи в Ливане, а затем вступил в долину Бекаа. Наиболее узкая часть долины была в то время занята озерами и лесами. Впоследствии люди нарушили экологический баланс: вырубали ценнейший ливанский кедр и озера занесло песком.

По обеим сторонам долины находились два поселения: Брохи и Герры. Египтяне дополнительно укрепили их окопа-

ми и расставили войска, которыми командовал предводитель египетских наемников — этолиец Теодот. Он распоряжался также войсками Дамаска.

Гермий атаковал вражеские позиции в лоб, понес большие потери и отступил, чтобы перегруппироваться. В этот миг пришла недобрая весть. «Верховный стратег Азии» Ксенойт потерпел страшное поражение от войск Молона.

Дело было так. Селевкия-на-Тигре хранила верность законному базилевсу Антиоху. Туда и прибыл «верховный стратег Азии», после чего превратил город в опорную базу для боевых действий против мятежников. Он вызвал к себе сатрапа Сузианы Диогена и наместника Приморья (области на берегу Персидского залива) Пифиада. Наместники пополнили армию главнокомандующего своими отрядами. Обретя уверенность, переходящую в нахальство, Ксенойт явился на берега реки Тигр. За рекой стояли полки Молона.

Казалось, мятежник чувствует себя неуверенно. Из его армии дезертировали целыми толпами. Солдаты переплывали Тигр и уверяли, что вся армия Молона капитулирует, едва Ксенойт перейдет реку.

Главнокомандующий поверил. Он решил было форсировать Тигр и дать Молону генеральное сражение. Но врагов было всё еще очень много. Тогда Ксенойт пошел на хитрость: сделал вид, что желает перекинуть мост через Тигр в том месте, где река образует остров, и оттуда напасть на врага. Предполагалось, что Молон разделит силы и его удастся разбить по частям. Однако подготовка к ложной переправе велась столь вяло, что опытный Молон разгадал хитрость.

Тем временем Ксенойт готовил речную флотилию для форсирования реки. Когда флот спустили на воду, «верховный стратег Азии» погрузился на суда с отборной пехотой. Прочее воинство и всю конницу он оставил на берегу под началом стратега Вавилонии Зевксида и наместника Приморья Пифиада.

Ночью десант спустился по реке стадий на восемьдесят (примерно на 15 километров) ниже лагеря Молона. Здесь выбрали удобное место для высадки, окруженное болотами и трясинной, поставили палатки и заночевали.

Утром разведка Молона обнаружила неприятеля. Предводитель мятежников выслал против врага конницу в надежде, что та задержит Ксенойта. Но офицеры противодействующих армий словно состязались друг с другом в бездарности и глупости. Кавалерия пошла в атаку и увязла в трясине. Вероятно, лучники Ксенойта помогли многим врагам отправиться на тот свет. «Стратег Азии» после этой победы вообразил себя новым Александром и совершил ошибку: снялся с лагеря, вновь сел на суда и переправил отборные части вверх по реке, высадившись в непосредственной близости от лагеря мятежников. Следующей ночью Молон бросил обоз и ускоренным маршем двинулся к границам Мидии — на восток. Было похоже, что мятежники удирают. Ксенойт решил, что Молон не доверяет собственным войскам.

«Верховный стратег Азии» приказал переправить на правый берег Тигра почти всю остальную армию, включая конные отряды, необходимые для правильного сражения и преследования врага. На левом берегу остался только Зевксид с несколькими подразделениями.

Затем Ксенойт произнес перед армией краткую речь, предсказывая скорый и благополучный исход борьбы, так как Молон бежал. Наконец последовал приказ немного поесть и освежиться, так как рано поутру «верховный стратег» намеревался преследовать врага.

Победоносная армия преисполнилась самоуверенности. Вместо легкой закуски последовал пир. За греческими войсками всегда следовал обоз, в обозе — торговцы, которые везли в изобилии припасы и выпивку. Всё это пришлось очень кстати. Солдаты допоздна предавались обжорству и пьянству. Затем последовал глубокий сон. Для многих он стал последним.

Молон, казалось, ушедший далеко вперед, вдруг повернул и явился к лагерю врага. Рано поутру, когда сон особенно сладок, он напал на неприятеля и прежде всего захватил флот. Солдат Ксенойта он нашел пьяными. Сам Ксенойт успел облачиться в доспех, а вместе с ним и охрана. Он пытался разбудить свое войско, но солдаты гибли во сне под мечами воинов восточных сатрапий, так и не успев понять, что происходит. Лагерь наполнился криками и стонами. Вдруг

Ксенойт увидел, как на него наступает отборный вражеский отряд. По словам Полибия, греческий главнокомандующий вместе с горсткой товарищей бросился на врага. Вероятно, он хотел прорваться к Молону и убить его, чтобы изменить ход битвы. Сделать это не получилось. На подмогу мятежникам приходили всё новые подразделения. Ксенойт и его товарищи, «безрассудно ринувшись на врагов, были убиты», сообщает нам тот же Полибий.

Некоторые пытались спастись, переплыв реку, но тонули, не дотянув до берега. Никто не мог думать ни о быстроте течения, ни о трудности переправы. На другом берегу метался Зевксид, мучительно соображая, чем бы помочь. Воины обманывались близостью помощи: бросались в воду сами, загоняли туда вьючный скот. Река представляла необычайное зрелище. По течению неслись люди, боевые лошади, трупы, разная рухлядь, вьючные мулы и ослы, детали оружия... Наверно, это было ужасное утро для похмельных солдат!

Молон без промедления переправился через реку на трофейных судах и напал на Зевксида. Тот предпочел бегство, оставив победителю обоз и лагерь в добычу. Молон быстро явился под стены Селевкии-на-Тигре. Город был лишен гарнизона и военачальника. Гражданский правитель Селевкии Диомедонт не видел смысла в сопротивлении и капитулировал.

Затем победоносный мятежник повернул на юг и захватил Приморье, а оттуда пошел на восток, в Сузиану. Ее наместник Диоген спасся после резни на Тигре, явился в Сузы и принялся возводить стены вокруг города. До этого город имел лишь цитадель, как многие восточные города. Сделать, впрочем, до появления Молона удалось мало. Диоген с горстью соратников укрылся в акрополе. Молон оставил отряд воинов для осады, а сам поспешил в Селевкию-на-Тигре. Здесь он дал армии отдохнуть, перевооружил ее, пополнил солдатами и отправился покорять Верхнюю Месопотамию.

Мятежники завладели городом Дура-Европа, а вместе с ним — переправой через Евфрат. Дальше на запад лежала Северная Сирия — последняя область, которая оставалась под управлением Антиоха III, если не считать той части Малой Азии, в которой сражался Ахей Младший. Предстояло ре-

шительное столкновение между царем и узурпатором. Антиох и Гермий прекратили военные действия в Келесирии, чтобы вернуться в столицу и решить, как действовать дальше.

4. Роковая интрига

Возвратившись в Антиохию, базилевс собрал государственный совет. На него были приглашены придворные и офицеры, в том числе стратег Эпиген.

Антиох был явно рассержен на Гермия. Политика временщика потерпела крах, его полководцы оказались разбиты, а от всей империи осталась только полоска земли в Сирии. Государство находилось на грани полного развала. Бюрократы показали полную несостоятельность.

Антиох демонстративно отвернулся от «гражданских» и обратился за поддержкой к «партии военных». Он дал возможность Эпигену высказаться в совете первым. Тот опять заявил, что против мятежников должен выступить сам базилевс, причем как можно скорее. Лишь тогда можно рассчитывать на победу.

В ответ раздраженный Гермий принялся бессмысленно бранить Эпигена. Он возводил на стратега напрасные обвинения, кричал, что тот хочет погубить царя, опять стал настаивать на захвате Келесирии... Это безумное предложение было встречено общим ропотом. Эпиген не остался в долгу и начал оскорблять Гермия. Царь с трудом положил конец перебранке. Всё было, как часто бывает на тонущем корабле.

Однако час гибели Селевкидов еще не пробил. Советники один за другим высказывались в пользу плана Эпигена. Чтобы не остаться в меньшинстве, Гермий присоединился к общему мнению.

Келесирию было решено оставить, а вместо этого нанести главный удар на Евфрате. Эта перемена стратегии прошла безнаказанной только по одной причине: в эллинистическом мире произошли серьезные изменения. В 221 году до н. э., то есть в разгар мятежа Милона, умерли два царя, и вместо них на престол взошли совсем молодые люди. Это были фараон Египта Птолемей IV Филопатор (221—205? годы до н. э.) и базилевс Македонии Филипп V (221—179 годы до н. э.). Осо-

бенно важными были перемены в Египте. Птолемей был развратный гомосексуалист, плохо справлявшийся с государственными делами. При нем тут же начались интриги и борьба фаворитов. Воевать против Селевкидов никто не хотел и не мог, хотя именно теперь с этой династией было бы покончить очень легко. Больше такой шанс не повторится.

Антиох и его соратники готовились к походу на восток. Временщик Гермий хлопотал больше всех и показал невероятное усердие в снаряжении войск. Правда, это была только внешняя сторона. Хитрый политик задержал выплату жалованья воинам. Он стояли лагерем в городе Апамея Сирийская. Вспыхнул мятеж. Гермий добился аудиенции у Антиоха. Он сообщил молодому царю, что найдет деньги и выплатит жалованье, но лишь при условии, что Эпигена отстранят от командования. Придворный намекал, что Эпиген подстроил волнения, и говорил, что вдвоем они в армии не уживутся: Эпиген должен уйти.

Антиох уступил. Эпигену царь тоже не доверял. Его отстранили от армии и приказали вернуться в столицу. Опальный военачальник исполнил приказ.

Получив жалованье, солдаты успокоились. Лишь один полк из города Кирры восстал и потребовал возвращения Эпигена.

Гермий бросил на подавление мятежа крупные силы. Бунтовщиков задавили числом и почти всех перерезали.

Мятеж сыграл на руку Гермия. Хитроумный временщик решил окончательно погубить Эпигена с помощью поддельного письма. Такой опыт у него уже был. Гермий состряпал фальшивое послание от Молона к Эпигену, а затем подкупил одного из слуг стратега, чтобы тот подбросил документ в рабочие бумаги его господина.

Когда дело было сделано, в покои Эпигена отправился Алексид — один из верных временщику офицеров. Повод для встречи был самый пустяковый, но разговор шел при свидетелях. Слово за слово, вдруг Алексид спросил как бы между прочим, не получал ли Эпиген писем от Молона. Изумленный стратег сказал, что нет. Тогда Алексид в грубой форме потребовал допустить его к обыску. Простодушный Эпиген, убежденный в своей невиновности, разрешил Алексиду порыться в его бумагах. Тот немедленно нашел поддельное письмо Молона,

огласил его и без дальнейших рассуждений заколол Эпигена на месте. Письмо с триумфом доставили базилевсу, чтобы доказать преступные намерения стратега, которому Антиох III едва не вверил свою судьбу. Молодой царь был потрясен. Он поверил фальшивке. Однако дело получило некоторую огласку среди придворных. Потихоньку называли даже имя Гермия как главного виновника смерти стратега. Но громко о таких вещах никто говорить не смел. Всем стало ясно, что изобретательный интриган не остановится ни перед чем, чтобы только сохранить власть. Могущество временщика достигло апогея.

5. Первый Восточный поход Антиоха (221 год до н. э.)

Расправившись с личным врагом, Гермий двинул армию на Евфрат против Молона. Формально поход возглавил сам Антиох III. Молодой царь оставил в Антиохии беременную жену и отправился спасать царство.

Прежде чем Молон успел что-то предпринять, правительственная армия заняла важную крепость Нисибис в Месопотамии. Здесь решено было переждать самую суровую часть зимы (дело было во время зимнего солнцестояния). Под стенами крепости задержались на сорок дней. Сюда пришел с юга Зевксид, который пробился сквозь вражеские заслоны и соединился с царем.

Зевксид доложил базилевсу о новой дислокации Молона и его армии. Узурпатор захватил Вавилонию — огромную равнину к западу от гор Загрос. Сами горы представляли естественную крепость, которая охраняла возвышенную часть Мидии и Ирана от ударов с запада. Однако Молон не позаботился об охране горных проходов.

Высшие армейские чины Селевкидов опять собрались на совещание. Гермий предлагал идти вдоль Тигра, ограждая себя каналами и мелкими реками, то есть спуститься в Вавилонию и дать генеральное сражение, чтобы захватить эту область.

Зевксид был против, но некоторое время опасался высказываться открыто, помня судьбу Эпигена. Наконец он всё же собрался с духом и предложил другой план. Двигаться вдоль Тигра очень опасно. У Молона хорошая конница, набранная

в Мидии. Эти кавалеристы могут внезапно напасть на марширующую царскую армию и рассеять ее, отрезав от обоза. Нужно переправиться через Тигр и лишь тогда наступать на юг. Река станет как бы оборонительным рвом между армией узурпатора и царя. К тому же такой маневр сулит и другие выгоды: Молон будет отрезан от гор Загроса и Мидии, попытается восстановить связь с этими землями и наделает ошибок.

Опытные офицеры признали правоту Зевксида, его план восторжествовал, смелый офицер вошел в милость. Гермий был посрамлен. Устранить нового фаворита он пока не мог, поэтому отложил решение проблемы до окончания похода.

Войска спустились вниз по реке. За восемь дней они достигли Аполлониатиды, взяли столицу области — город Аполлонию и вышли в тыл врагу, а заодно захватили горные проходы Загроса, из которых в свое время появился мятежник со своей армией.

Молон предался панике, как и рассчитывал Зевксид. Бунтовщик вообразил, что его хотят обойти и занять «верхние сатрапии». Поэтому он покинул Вавилонию, переправил войско через Тигр и выступил на восток. Молон стремился к тому, чтобы отбить горные проходы Аполлониатиды. Завязался бой: отряд пращников-курдов (киртиев) столкнулся с передовыми частями Антиоха. Следом за авангардами подошли главные силы обеих армий. Легковооруженные воины отступили под их прикрытие. Армии стали лагерями на расстоянии сорока стадий друг от друга.

В лагере Молона начался ропот. Солдаты не хотели воевать. Как и предвидел покойный Эпиген, воины поняли, что их обманули. Против них выступил царь собственной особой. Значит, это мятеж против Антиоха, а не против временщика Гермия! Это в корне меняло всё дело. Узурпатор сообразил, что в открытом сражении значительная часть воинов перебежит к Антиоху.

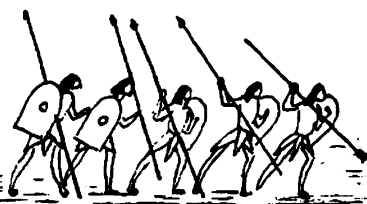
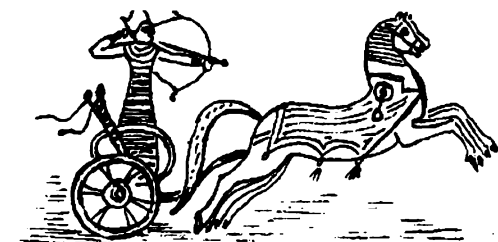
Тогда Молон вознамерился напасть ночью на войско Антиоха и рассеять его. Для нападения бунтовщик отобрал лучших воинов и повел их вперед. Но по дороге выяснилось, что десяток солдат перебежал к Антиоху и секретность нарушена. В лагере противника вспыхнули огни, начался переполох. Молон вернулся в свой лагерь.

Неожиданное появление узурпатора с частью войск вызвало тревогу и смятение среди его солдат. Воины спросонья приняли возвращавшееся войско Молона за врагов. Началась паника, едва не бегство. Молон и его офицеры с трудом успокоили боевых товарищей.

Антиох III не дал врагу опомниться. На рассвете он выступил со всем войском. На правом крыле шли конные копьеносцы под началом испытанного офицера Ардиса. Подле них поставили критских стрелков и отряды наемных галатов, среди которых были и пехотинцы, и конники. Общее командование этим крылом царь взял на себя. Рядом с галатами, в центре, стояли греческие наемники, за ними «македонская фаланга» (пешее подразделение из нескольких полков, вооруженное тяжелыми копьями), а впереди — десяток слонов. Левое крыло занимали тяжелые кавалеристы в кирасах — гетайры. Здесь начальствовали Зевксид и Гермий. Кроме того, на флангах царь выставил вспомогательные отряды из пехоты и конницы, приказав им обойти врага, взять его в кольцо, обстрелять, а затем атаковать в ближнем бою. Базилевс хотел применить принцип битвы на окружение, который с таким блеском Ганнибал осуществит при Каннах через несколько лет. Однако впоследствии мы не видим у Антиоха столь же новаторских тактических решений. Следовательно, план сражения принадлежал кому-то из македонских стратегов, скорее всего Зевксиду.

Видя движение врага, Молон также вывел полки навстречу. Конницу он разделил на две части и выставил на флангах. Перед кавалеристами выдвинул лучников и пращников. Тем самым он хотел уберечь войска от охвата. В центре поставил гипаспистов (щитоносцев, среднюю пехоту), галатов-наемников и вообще всех тяжеловооруженных. Перед ними стояли колесницы с косами, готовые встретить атаку врага. Молон командовал правым флангом, а на левом поставил своего брата Неолая.

Началось сражение. Правым флангом Молон храбро атаковал неприятеля, но на левом возникло замешательство: там заметили царя. Антиох в раззолоченных доспехах показался впереди своего войска, и мятежники пали духом. Едва увидев государя, они стали переходить на его сторону. Всё левое крыло неприятеля рухнуло, битва перекинулась в центр. Тем вре-

менем легкие части Антиоха обошли врага с тыла и замкнули кольцо окружения. Это были классические Канны, проведенные македонскими стратегами.

Неолай, командовавший левым крылом, ускользнул от погони и поскакал на восток, в сатрапии, которыми управлял Александр — брат его и Молона. Сам Молон с отборными частями своей армии попал в окружение и отчаянно бился. Кольцо сжималось, вокруг гибли товарищи. Ясно представив, какие муки ждут его в случае сдачи в плен, Молон сам наложил на себя руки. Кончили самоубийством и многие участники его предприятия. Армия мятежников была разбита и перестала существовать.

Антиох предал разграблению неприятельский лагерь, а труп Молона велел везти за собой. Затем он вторгся в Мидию. Череда самоубийств местных владетелей не прекращалась. Они сами расчищали места для новых сторонников Антиоха.

В Мидии базилевс приказал распять на кресте труп Молона в назидание тем, кто еще жив. У подножия гор Загрос, неподалеку от одноименного города, это приказание было исполнено.

Расправа вселила ужас в сердца родственников неудачливого мятежника. Едва узнав о ней, Неолай умертвил мать и детей Молона, уговорил покончить самоубийством своего брата Александра, а после и сам лишил себя жизни. Так прекратился род узурпатора.

Антиох победил. Напоследок он обратился к войскам, перебежавшим от Молона, с укоризненной речью. Затем поменял в этих полках офицеров. После чего отправил экс-мятежников в Персию и Мидию, чтобы навести там порядок. Мидийским сатрапом Антиоха стал Диоген, Сузиана досталась некоему Аполлодору. Судя по именам, всё это греки, которым Антиох по-прежнему доверял больше, чем македонянам.

Дальше царь не пошел. Парфия, Бактрия, Атурпаткан сохранили независимость.

Сам Антиох III направился в Селевкию-на-Тигре, чтобы уладить дела в Месопотамии. У молодого царя хватило ума проявить милость к отпавшим областям. Напротив, Гермий, верный своему суровому нраву, обвинил жителей Селевкии в пособничестве Молону. На город был наложен огромный

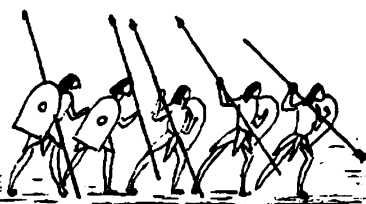
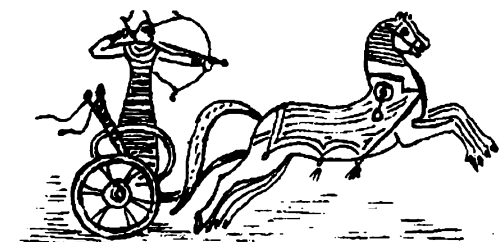
штраф в тысячу талантов. Но Антиох не хотел доводить побежденных до отчаяния. Царь аннулировал приказы Гермия и ограничил контрибуцию с жителей Селевкии полутора сотнями талантов, которые заплатили богатейшие жители. Это, несомненно, подняло популярность базилевса среди бедноты и усилило неприязнь к Гермию.

Наконец, Антиох привел к покорности Приморье — побережье Персидского залива в устье Тигра и Евфрата. Наместником этой области стал Тихон, бывший секретарь царя.

Вскоре молодой базилевс узнал, что стал отцом. Его жена Лаодика, дочь понтийского Митридата, родила наследника. Младенца назвали Антиохом. У него будет еще много детей — мальчиков и девочек — от разных женщин. Некоторые из них станут орудиями политики отца, особенно девочки, которых царь будет выдавать замуж по политическим соображениям. Это обычно для царей, и упоминания о таких браках разбросаны на страницах исторических сочинений об Антиохе III.

Наслаждаться покоем и счастьем отцовства «царю Азии» пришлось недолго. Он мечтал полностью восстановить восточные границы империи. Для этого надо было расправиться с тремя царствами — Атурпатканом, Парфией, Бактрией. Первое из них значительно расширило границы во время смут между Селевкидами. Им правил старый царь Артавазд (Артабазан), принадлежавший к аристократическому роду одного из Семи персов, когда-то создавших Древний Иран. Правители Атурпаткана претендовали на персидское наследство Ахеменидов. Судя по словам Полибия, атурпатканские цари расширили владения на севере, захватив Кавказскую Албанию (сейчас это Азербайджан; в описываемые времена эту территорию населяли армяне), Иберию (Центральную Грузию) и доходили чуть ли не до Черного моря в современной Абхазии. Главной силой Артавазда была конница, в которой служили потомки иранцев.

Антиох выступил против него, причем царя неожиданно поддержал Гермий. Официальная версия гласит, что Гермий почувствовал, как молодой царь выходит из-под контроля, и задумал ответный ход. Впоследствии говорили, что временщик хотел убить Антиоха во время похода, а затем стать регентом при малолетнем наследнике.

Поход в Азербайджан-Атурпаткан Полибий описывает крайне сжато. Армия Антиоха III перевалила через хребет Загрос и через Мидию вторглась во владения Артавазда. Крупных сражений не было. Может быть, воины Антиоха захватили несколько крепостей и отбросили врага к северу. После этого Артавазд «покорился обстоятельствам и принял договор на предложенных Антиохом условиях», как выражается Полибий. Но что это за договор и каковы эти условия, мы не знаем. Вероятно, Антиох получил несколько приграничных городов, отодвинув границу от Экбатан обратно к озеру Урмия и обезопасив таким образом мидийский рубеж. Царь Атурапаткана признал себя подданным Антиоха. Этот успех поднял авторитет молодого царя и позволил ему обрести самостоятельность. Никому из Селевкидов не удавалось покорить Атурпаткан, эта страна отделилась сразу после смерти Александра Великого. Казалось, «Азиатское царство» постепенно восстанавливает древние границы.

6. Расправа с Гермием

Молодой базилевс вернулся в Вавилонию в ореоле побед. Там разыгрался последний акт драмы с участием Гермия.

Кажется, временщика всё сильнее оттирали от власти. Как всякий вельможа, высоко вознесенный судьбой, он не хотел этого замечать, вел себя властно и надменно, что и явилось одной из причин гибели.

В чем беда авантюристов? Рано или поздно у них найдутся соперники. Греческая солидарность при дворе Селевкидов продержалась недолго, и вскоре появились интриганы, которые считали себя ничуть не хуже Гермия. Им тоже требовались деньги и власть. Решающий удар нанес царский лейб-медик Аполлофан. Врач, «нежно любимый царем», заметил, что «Гермий забывает уже всякие пределы в своем властолюбии». Так сообщает Полибий.

Антиох признался, что и сам не любит временщика. Этого было достаточно, чтобы оба — царь и придворный — поняли друг друга. Они разработали план, как устранить Гермия. Скоро замысел был приведен в исполнение.

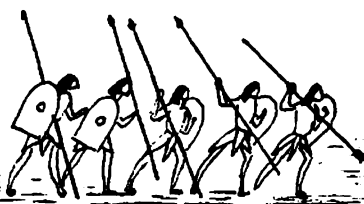
Под предлогом, что царь страдает головокружением, они на несколько дней устранили придворных и свиту от участия в официальных мероприятиях. Царь удалился в свои покои и принимал только Аполлофана да близких друзей.

Дальше началось самое интересное. С друзьями царь и его медик проводили доверительные беседы, обсуждая, как уничтожить Гермия. Чванливый и властный временщик внушал всеобщую ненависть. Поэтому никто из друзей не выдал царя. Наоборот, Антиоху согласились помочь.

По совету врача Антиох каждое утро гулял на свежем воздухе в саду. К определенному времени на доклад явился Гермий, а с ним несколько доверенных друзей царя. Остальные придворные запоздали, потому что выход базилевса последовал гораздо раньше обычного.

Гермий поприветствовал Антиоха, и вместе они стали гулять в сопровождении охраны, всё более отдаляясь от людных мест. Рассуждали о государственных делах. Наконец государь заманил временщика на какой-то пустырь. После этого Антиох заявил, что хочет помочиться. Для этой важной цели базилевс покинул Гермия и удалился в поисках подходящего места. Едва Антиох скрылся, его друзья выхватили мечи и бросились на Гермия. Временщик был настолько потрясен, что даже толком не сопротивлялся. Его закололи. Когда царь вернулся, справив нужду, всё было кончено. Труп Гермия лежал у его ног. Начиналось самостоятельное правление.

Вскоре после этого была уничтожена семья Гермия. Она находилась в городе Апамея (неизвестно, в каком именно, Апамей было много; судя по всему, имеется в виду город на Оронте в Сирии). Для расправы разыграли сцену народного недовольства. И вот женщины из толпы побили камнями жену Гермия, а апамейские дети закидали булыжниками детей временщика. После этой расправы Антиох мог быть спокоен: за убийство Гермия стало некому мстить. Можно было спокойно заниматься политикой. За несколько лет царь справился с тремя партиями: военными, бюрократами и сепаратистами. Теперь он обладал гораздо большей властью, чем в начале правления. При его дворе появились новые любимцы. Врач Аполлофан обладал большим весом в гражданских делах, полководец Зевксид — в военных. И всё же это были

уже не временщики, а влиятельные подчиненные. Антиох постепенно концентрировал власть в своих руках.

Но тотчас возникли новые проблемы. Их создал другой вельможа и к тому же близкий родственник — Ахей Младший, наместник малоазиатских владений Селевкидов. Его главной базой была Лидия со столицей в Сардах.

Стало известно, что пока Антиох воевал на востоке, Ахей возложил на свою голову царскую диадему и принял титул базилевса. Держава Селевкидов продолжала расплываться, как ветхая овчина между пальцами. Едва царь сшивал одну часть империи, как другая начинала трещать по швам.

Глава 3. Война с Египтом

1. Захват Южной Сирии

После расправы с Гермием Антиох покинул Вавилон и вернулся в Сирию. Здесь он отпустил войска на зимние квартиры, сам же занялся дипломатической перепиской с Ахеем Младшим.

Антиох направил ему гневное послание. Царь упрекал Ахея за узурпацию. Вспомнил и старую фальшивку Гермия о сношениях Ахея с Египтом. Вполне возможно, что такие сношения теперь-то уже действительно имели место.

Ахей был человеком решительным. Он выступил с армией в Северную Сирию, чтобы захватить страну, пока Антиох занят делами на востоке. Однако вторжение не состоялось. Войско Ахея подняло бунт, узнав, что предстоит воевать с Антиохом — законным царем. Тогда Ахей сам вышел к воинам и успокоил их. Узурпатор объявил, что вовсе не думает воевать с Антиохом. Он ведет солдат на Писидию (расположенную между Сирией и Лидией), чтобы в очередной раз усмирить горное беспокойное племя писидийцев, которое доставляло много беспокойства купцам и мирному населению своими грабежами. Солдаты дали себя уговорить и несколько успокоились. Поход в Писидию действительно состоялся. Ахей подчинил область, взял богатую добычу и вместе с армией вернулся в Лидию. В то же время он ничего не ответил на упреки

Антиоха, и переговоры закончились впустую. Малоазийские владения отделились от империи Селевкидов. Впрочем, тень законности была соблюдена. По мужской линии Ахей являлся потомком Селевка I Победителя — основателя династии, — а значит, имел некоторые права на престол. Хотя, конечно, весьма призрачные: узурпация оставалась узурпацией.

Что касается Антиоха III, то он лишь обозначил позицию. Послы официально уведомили, что не признают Ахея царем. Предстояло открытое столкновение, но не сейчас. Антиох не переставал посылать к Ахею гонца за гонцом с угрозами, а сам занимался приготовлениями к войне с египетским фараоном Птолемеем. Египетские владения слишком близко подходили к столице Антиоха, и оставить врага в покое он не мог. Может быть, угрозы Ахею вообще были всего лишь уловкой, чтобы отвлечь внимание египтян?

Вскоре началась очередная сирийско-египетская война, счет которым потеряли даже историки.

С началом весны 219 года до н. э. Антиох стянул войска в Апамею-на-Оронте и собрал совет, чтобы выработать план боевых действий. Говорили, по обыкновению, много. Большинство советников предлагало совершить бросок на юг, чтобы захватить у египтян Келесирию. Им возражал доктор Аполлофан — тот самый, что ловко подстроил убийство временщика Гермия. Он возвысился и попал в число царских советников, хотя и не достиг той власти, какой обладал Гермий.

Нет смысла идти на юг, считал доктор, когда здесь, на севере, у египтян остается несколько мощных крепостей, удобных для того, чтобы собрать войска и ударить в тыл наступающей армии Селевкидов. Причем главный опорный пункт врага — всего в нескольких милях от столицы Антиохии. Это Селевкия Пиэрия (Приморская), захваченная египтянами 20 лет назад во времена катастрофы «Азиатского царства» и «войны мертвого царя».

Доктор Аполлофан сам был грек из Селевкии Приморской и знал все ее преимущества. Расположенная у моря среди скал и обрывов, Селевкия была прекрасно защищена самой природой. Она обладала удобной гаванью. Наконец, она господствовала над местностью. Это давало повод называть Селевкию «царицей Сирии».

Обладание этим великолепным портом представляет величайшие выгоды для войны, продолжал Аполлофан. Пока там сидят египтяне, придется всегда держать часть сил для того, чтобы отразить их возможное нападение. Сирийцы окажутся в положении борца, который действует только одной рукой, а другая связана. Обладание Селевкией, напротив, даст удобную базу для дальнейших действий и развяжет руки для похода на юг.

Речь врача-стратега понравилась всем. Единодушно решили начать войну нападением на египетскую твердыню. Дело представлялось нелегким, но стоило того.

Селевкидским военным флотом командовал наварх (адмирал) Диогнет. Антиох приказал ему блокировать морские подступы к городу. Часть сил базилевс отправил на юг сторожить горные проходы Келесирии. Этим корпусом командовал уже известный нам Теодот Гемиилий. Наконец, сам Антиох с главной армией двинулся к Селевкии.

Первым делом он обратился к египетским стратегам, защищавшим город, с предложением сдать Селевкию за деньги. Те имели благородство отказаться. Тогда агенты Антиоха подкупили нескольких младших офицеров, а сам царь тотчас предпринял штурм с суши и моря. Он разделил войско на три части. Пехотным корпусом у главных ворот Селевкии командовал победитель Молона — военачальник Зевксид. Другая часть армии должна была атаковать Диоскурий — укрепленный квартал возле храма Диоскуров, расположенного в порту. Ею командовал стратег Гермоген. Наконец, с моря Селевкию атаковали наварх Диогнет и предводитель морской пехоты Ардис. Именно здесь замыслился главный удар. После захвата порта Диогнет должен был занять предместье с помощью предателей и впустить в город остальные войска Антиоха.

Царь обратился к воинам с речью, суля награды и деньги. Затем начался штурм. Со стороны суши он протекал неудачно. Окруженный скалами, город был почти неприступен; к тому же защитники обстреливали врага со стен и башен. Зато Ардис и Диогнет с моряками захватили гавань, а за ней и предместье. Египетским гарнизоном здесь командовал некто Леонтий. К нему явились младшие офицеры, подкупленные Антиохом, и потребовали сдаться. Леонтий ничего не знал о предатель-

стве. Вид испуганных офицеров напугал и его. Египтянин направил к Антиоху парламентариев.

Царь встретил их милостиво, но потребовал безусловной капитуляции; взамен обещал выпустить египетский гарнизон, который насчитывал 6000 воинов. Соглашение было достигнуто, египтяне убралась восвояси. В Селевкию вошли полки Антиоха. Городу царь предоставил самоуправление в составе державы.

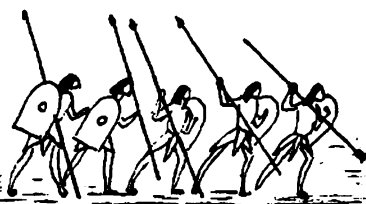
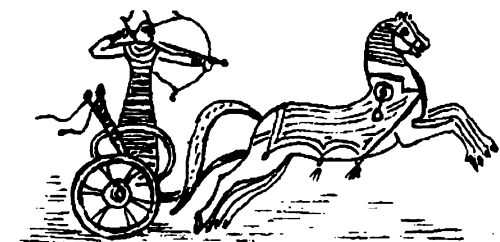
Пока Антиох занимался устройством дел в Селевкии, с юга примчались гонцы с заманчивым предложением. Египетский наместник Келесирии — Теодот-этолиец — предлагал сдать эту провинцию Антиоху.

Этого египтянина нельзя путать с Теодотом Гемииолием, полководцем Антиоха. Греки часто давали своим отпрыскам одинаковые имена. Это добавляет историкам головной боли — как бы не перепутать одного греческого деятеля с другим.

Почему Теодот-этолиец решил сдать провинцию, остается неясным. Кажется, он вступил в конфликт с новым фараоном Птолемеем IV. Гомосексуальный и слабовольный фараон не был популярен в войсках.

По словам Полибия, Теодот оказал Птолемею IV какие-то услуги при восшествии на трон. Скорее всего, речь идет о придворном заговоре, имевшем место сразу после восшествия фараона. Тогда Птолемей убил собственную мать, недовольную своим бездарным сыном. В этом убийстве приняли участие придворные. Похоже, среди них был и Теодот-этолиец. Но главную роль сыграл ловкий придворный Сосибий. После убийства он стал ближайшим доверенным лицом фараона.

Однако вскоре после этого в элите Египта возник раскол. Военные столкнулись с бюрократами, как и в Сирии. Среди недовольных оказался и Теодот-этолиец. Некоторое время он терпел власть несимпатичных ему людей, а потом решился на открытый мятеж. Внезапным ударом Теодот захватил сильную крепость Акра на средиземноморском побережье (фараоны переименовали его в Птолемаиду; этот город прославился во времена Крестовых походов и войн Наполеона: Акру брал Ричард Львиное Сердце в XII веке, а еще через шесть столетий перед ней спасовал Бонапарт). После Акры Теодот завладел Тиром и призвал на подмогу Антиоха.

Получив письмо этолийца, Антиох некоторое время колебался, а затем повел войско на юг. В горных проходах Келесирии он, видимо, соединился со своим офицером Теодотом Гемиием, но на этом успехи кончились. Царь узнал, что в Келесирию стремительно вошел корпус египтян под началом полководца Николая. Антиох и его советники понимали, что египтяне — опасный противник, которого не стоит недооценивать.

Стратег Николай осадил Теодота-этолийца в Птолемаиде. Антиох поспешил оставить своих тяжеловооруженных солдат в горных проходах (они осадили здесь небольшую крепость Брохи), а сам с легковооруженными и конницей поспешил на выручку осажденному этолийцу.

Путь лежал через теснины мимо Берита (современный Бейрут). Николай приказал занять эти проходы своим легким частям, но Антиох быстрым ударом выбил их и продолжал двигаться к Птолемаиде. Николай снял осаду.

Антиох занял Птолемаиду и Тир. Теодот передал ему сорок больших и малых судов, стоявших в гаванях. Это подкрепление усилило селевкидский флот.

В Египте возникла тревога. Свежие войска стягивались к знаменитой крепости Пелусий на старой границе. На Синае засыпали колодцы. Было очевидно, что египтяне собираются сражаться всерьез.

Но Антиох был слишком слаб для вторжения на берега Нила. Его цель выглядела скромно: вернуть Келесирию и ослабить Египет. В конце концов, у него в тылу сидел самопровозглашенный царь Ахей. Поэтому Антиох ограничился действиями собственно в Келесирии. Одни города сдались ему, другие надеялись на крепость стен и выдерживали осаду. На это уходило драгоценное время. А египтяне без помех собирали силы на юге.

Антиох был убежден, что Птолемей не решится на серьезную войну. Поэтому сирийский царь рассчитывал с помощью переговоров вынудить его к территориальным уступкам. Сирийский царь со дня на день ждал приезда послов от фараона, которым мог бы продиктовать условия мира. Как выяснилось, это было ошибкой. Сам Птолемей IV мало заботился о внешней политике. Он предпочитал вино, любовные наслаждения

и сладострастную музыку, которую сам исполнял на флейте. Но у фараона были умные советники — его любовник Агафокл и министр Сосибий. Они отправили к Антиоху послов, чтобы выиграть время, а сами стали готовить войска для удара.

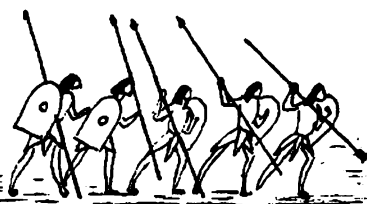
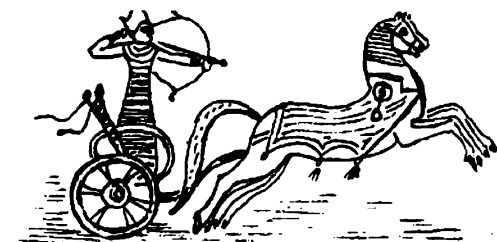
2. Фараон готовится к войне

В стратеги египтян были выбраны опытнейшие предводители наемников, «которые участвовали еще в походах Деметрия и Антигона», пишет Полибий.

Вероятно, имеются в виду македонские цари Деметрий Прекрасный (339—229 годы до н. э.) и Антигон Досон (229—221 годы до н. э.), которые активно воевали в Греции за несколько десятилетий до описываемых событий.

Оплата профессиональных вояк требовала громадных средств. Но фараоны в свое время сумели частью накопить, частью награбить много сокровищ. Особенно большой куш оторвал отец Птолемея IV во время походов против «Азиатского царства». Теперь эти деньги пошли в уплату жалованья головорезам, которых на вербовали в греческих городах. Их обучали опытные инструкторы, а возглавляли лучшие офицеры своего времени. Ходили слухи, что у Антиоха расквартирована в Сирии огромная армия, не менее 60 000 солдат. Поэтому к подготовке собственных вооруженных сил отнеслись весьма тщательно. Полный перечень состава египетского войска и имен офицеров мы находим у Полибия.

Три тысячи солдат составляла царская агема (полк) тяжелой пехоты. Ею командовал Эврилох из Магнесии. Беотиец Сократ возглавлял полк пельтастов (легкой пехоты). Андромах и Птолемей Трасид начальствовали над главной пехотной частью — фалангой, в которой было 20 500 солдат; там же находился Сосибий, который командовал ими обоими. Отдельный корпус из 8000 наемной пехоты взял под начало Фоксид. Семьсот конных гетайров дали Поликрату. Он же командовал конными ливийцами, коих набралось больше двух тысяч. Ливийцы — это берберы, они традиционно поставляли легкую кавалерию, а закованные в кирасы гетайры были тяжелыми бойцами. Ливийцев явно использовали как вспомогательные части.

Две тысячи наемных греческих конников обучил и возглавил фессалиец Эхекрат — сам прирожденный кавалерист. Еще 3000 наемников пришли с Крита. Это были великолепные стрелки из лука под началом Кнопия из Алларии. Выходец из Киренаики Аммоний, тоже солдат удачи, привел с собой трехтысячный полк местных ливийцев, обученных воевать как македонская пехота и вооруженных сариссами — тяжелыми копьями. Явились еще 4000 галатов и фракийцев из числа колонистов, осевших в Египте. Эти воины считались особенно свирепыми и бесстрашными. Командовал ими фракиец Дионисий. Но и этого показалось недостаточно. Поэтому советники фараона пошли на крайнюю меру. Они мобилизовали и обучили на македонский манер 20 000 коренных египтян — коптов (командовал ими лично министр Сосибий): тех самых коптов, что Птолемеи и их утонченные греко-македонские соратники не считали за людей. Теперь в них возникла нужда, и коренное население заставили заплатить еще один налог — кровью.

...Таковы были приготовления фараона и его советников. Сам грандиозный характер этих предприятий показывает, что на них требовалось много времени. Поэтому соратники фараона, как могли, вводили Антиоха в заблуждение и манили обещанием примирения. А сами продолжали подготовку к большой войне.

Между тем Антиох III безуспешно осаждал сильную крепость Дор в Палестине. Египетский стратег Николай постоянно присылал осажденным подкрепления и припасы. Это заставляет думать, что египтяне всё еще оставались сильнейшей морской державой и господствовали на морских коммуникациях.

Приближалась зима. Армия Антиоха устала от мелких сражений и безуспешной осады. Послы фараона по-прежнему находились в лагере азиатского царя и тянули время. Наконец Антиох принял их предложение заключить перемирие на четыре месяца. От себя он пообещал «предъявить самые снисходительные условия при заключении окончательного мира» (Полибий). Такая уступчивость объяснялась легко: с севера угрожал Ахей. Полибий прямо пишет, что узурпатор заключил с Египтом союз против Антиоха.

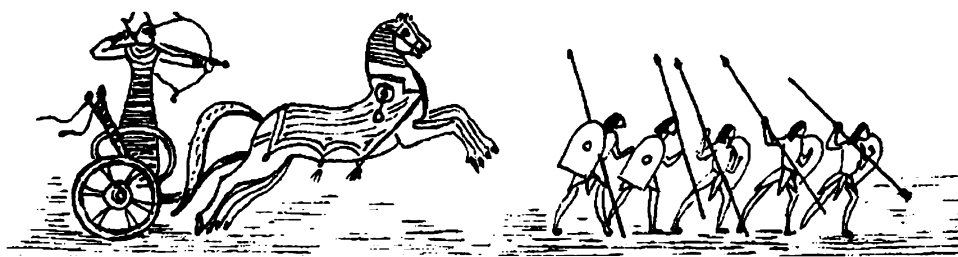
«Царь Азии» вернулся в Селевкию-на-Оронте. Здесь он распустил большую часть своей армии на зимние квартиры, а то и вообще по домам. Для охраны Келесирии царь оставил войска Теодота (вероятно, этолийца), расквартированные в гарнизонах.

Почему Антиох распустил большую часть армии, если боялся Ахея? Причина может быть одна. Вероятно, у Ахея было немного войск, и для их отражения достаточно было присутствия царской гвардии и профессионального ядра армии на берегах Оронта. А содержать большое войско оказалось накладно.

Египетские дипломаты продолжали вводить азиатского царя в заблуждение. Он был убежден, что решит дело выгодным миром. Сосибий прибыл в Мемфис, тогда как основные военные приготовления велись в полнейшей тайне в Александрии. Египетский министр ласково принимал в Мемфисе послов Антиоха, в свою очередь засылал новые и новые посольства в ставку противника. Тем эмиссарам сирийцев, которым все-таки удавалось достичь Александрии, не показывали военные лагеря.

Тем более что в Александрии и без того было что посмотреть. Она считалась красивейшим из эллинистических городов. Прекрасная набережная служила местом прогулок и свиданий (туда выезжали в колясках). Ученые могли с пользой проводить досуг в Музее, где фараоны собрали множество редких рукописей. Охотники до плотских утех легко находили, выражаясь современным языком, «подруг» — гетер. В элитных кабаках знатоки наслаждались приватными танцами стриптизерш. Словом, при желании любого посла можно было отвлечь и развлечь так, что он позабудет обо всем на свете. Сосибию и его соратникам это удалось блестяще. Главное, что сам Антиох пожелал быть обманутым.

На переговорах азиатский царь изо всех сил пытался подвести правовую базу под недавние завоевания. Обычно в таких случаях захватчик ищет исторический прецедент. Это произошло и сейчас. Антиох апеллировал ко временам первых эллинистических царей, которые поделили сатрапии; послы фараона возражали, и дело не сдвигалось с мертвой точки.

Обе стороны многословно и непрерывно повторяли одни и те же доводы. Наконец египтяне потребовали включить в мирный договор Ахея Младшего как полноправного царя. Антиох пойти на это не мог. Переговоры зашли в тупик.

Обе стороны утомились от бесплодных упреков. Антиох начал проявлять заметное раздражение. Он уже был достаточно самостоятелен для принятия решений, и с этого времени мы можем говорить о личностном факторе в поступках царя.

3. Битва при Бейруте

Весной следующего, 218 года до н. э. «царь Азии» вновь собрал армию и бросил ее на юг. Ближайшей целью были еще не покоренные крепости Келесирии.

Однако египетский министр Сосибий и единомышленники не собирались сдаваться. Им было важно выиграть время, то есть задержать армию Антиоха в Келесирии, заняв ее осадой мелких крепостей. Командование над остатками войск в Келесирии поручили хорошо зарекомендовавшему себя стратегу Николаю, который удачно оборонял Дор от войск Антиоха. Теперь египтяне выбрали в качестве опорного пункта для своей армии прекрасно укрепленную крепость Газу, расположенную на неприступной скале с выходом к морю. В Газу направили значительные подкрепления и припасы. Возле крепости курсировал египетский флот под началом наварха Перигена в количестве 30 тяжелых кораблей и 400 челнов. Наварх высадил десант в районе Бейрута и занял теснины своими войсками, чтобы помешать Антиоху идти дальше на юг. Вскоре к этим отрядам присоединился стратег Николай.

«Царь Азии» занял лишь внутренние области Келесирии (да и то не все), а морское побережье и Финикия по-прежнему оставались в руках египтян. Теперь Антиох наносил главный удар именно по приморским областям, чтобы улучшить оперативную ситуацию.

Царь достиг окрестностей финикийского Арада, и город капитулировал. Затем Антиох проследовал в Ливан мимо горы, которая называлась Лик Божий. Попутно сжег пару крупных сел и появился под стенами Берита (Бейрута). Царь сумел

обойти Николая, и тот чуть отступил, но тотчас выбрал удачную позицию на отрогах гор.

Вместе с Антиохом вдоль берега шел его флот под началом Диогнета. Но сирийцы и египтяне не решались вступить в сражение: адмиралы не были уверены в своих силах.

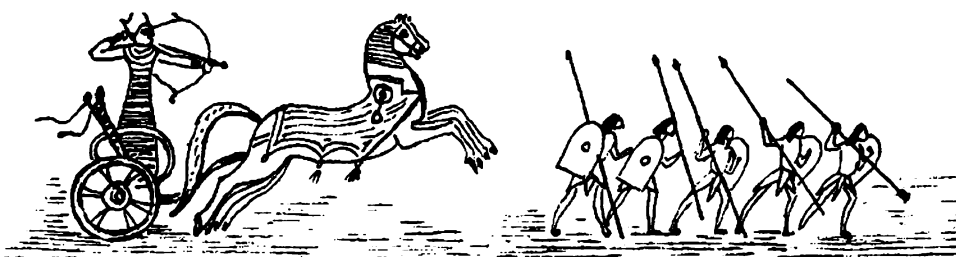
Видя перед собой хорошо укрепившегося неприятеля, Антиох разделил армию на три части. Одну доверил Теодоту Гемииолию и приказал проложить путь у самых склонов Ливана, забирая вправо. Вторую предоставил стратегу Менедему и предписал ударить по центральным позициям врага на горном кряже. Наконец, третью часть армии царь пустил по морю, назначив начальником Диокла, сатрапа одной из восточных провинций. Сам Антиох остался с гвардией в центре, чтобы следить за развитием событий и помочь той части войска, которая окажется в затруднительном положении.

Вместе с тем царь велел наварху Диогнету начать морское сражение, чтобы сковать флот врага. Египетский адмирал Периген принял вызов и придвинул свои корабли к эскадре противника.

По сигналу все части войска, морские и сухопутные, вступили в сражение.

На море силы оказались равны. Не зря навархи до последнего берегли силы, не желая вступать в схватку. На суше успех поначалу сопутствовал Николаю. Позиции его армии были хорошо укреплены природой и людьми. Воины Антиоха безуспешно их штурмовали и несли потери. Но в конце концов Теодот Гемииолий с легкими частями сильно забрал вправо и смог выбить защищавших теснины египтян. Продолжив путь, Теодот оказался выше Николая и атаковал его сверху. Это решило исход сражения. Воины Николая побежали. Во время бегства египтяне потеряли до двух тысяч убитыми. Однако горы затрудняли преследование, и скоро Николай занял новые позиции у Сидона (совр. Сайда). Видя поражение сухопутных войск, египетский адмирал Периген увел флот на юг.

Антиох дал отдых войскам, а затем подошел к стенам Сидона. На море сирийцам не удалось уничтожить египетский флот, поэтому осажденные могли беспрепятственно получать припасы и подкрепления из долины Нила.

Отчаявшись взять Сидон, Антиох вернул флот в Тир, а сам увел армию в глубь страны. Теперь он воевал на северной границе Иудеи у Тивериадского озера. Здесь взял на капитуляцию два города — Скифополь и Филотерию. Вдохновленный успехом, царь повернул чуть севернее и достиг известной по библейским текстам священной еврейской горы Табор. На ее вершине стоял укрепленный город (греки называли его Атабирием). Чтобы взять Табор, Антиох пошел на хитрость: спрятал часть войска среди камней, а затем бросил в атаку несколько отрядов легковооруженных. Те ударились в притворное бегство и заманили войско врага к подножию горы. Из засады выскочили воины Антиоха, отрезали защитникам Табора-Атабирия путь к отступлению и многих положили на месте. «Преследуя врага и распространяя ужас перед собою» (пышное выражение Полибия), воины Антиоха ворвались в город на плечах отступавшего противника.

Эта победа повысила авторитет «царя Азии» даже среди врагов. Один из местных военачальников, Керая, перешел на его сторону. Антиох принял его с почетом. Затем перебежал кавалерист Гипполох с отрядом в 400 фессалийцев. Это вызвало смятение и зависть среди тех египтян, что еще не перебежали. Никто не знал о приготовлениях, которые ведутся в Египте. Воины полагали, что фараон бросил их в Палестине на произвол судьбы.

Мелкие успехи создавали у Антиоха чувство, что осталось лишь поднажать и с властью египтян в Келесирии будет покончено. После взятия горы Табор базилевс отправился в Заиорданье. Там лежала густонаселенная местность Десяти городов. Три из них царь занял с налета. Затем вступил в переговоры с арабами-набатейцами, жившими на территории современной Иордании, и заключил с ними союз. Таким образом царь обеспечил свой левый фланг. Продвинувшись дальше на юг, Антиох занял все пункты Десятиградья.

Еще южнее находилась крепость Раббат-Амон (греки называли ее Филадельфия). Туда пришли подкрепления из Египта. Усилившись, защитники крепости стали делать набег на набатеев. Те позвали Антиоха на помощь. Царь отправил на подмогу двух офицеров: Теодота Гемиолия и Никарха. Оба военачальника осадили Филадельфию и соревновались в усердии.

Соперничество вылилось в то, кому удастся первым свалить часть стены и расчистить проход для воинов. Наконец стена рухнула сразу в двух местах. В проломы бросились солдаты. Начался штурм. День и ночь войска с великим ожесточением атаковали город, но непрерывные приступы кончались ничем. Защитников было много, и оборонялись они искусно.

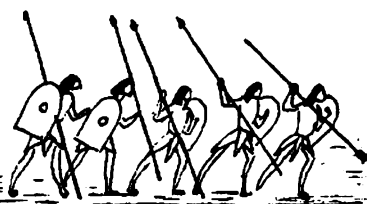
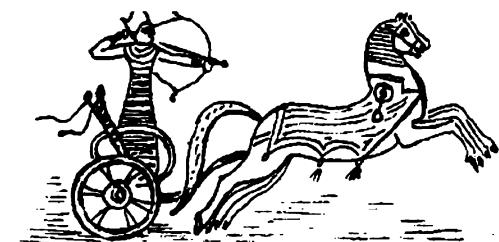
Дело решил случай. Во время штурма удалось захватить несколько пленных. Кто-то из них сообщил, что в городе есть подземный ход, по которому защитники города спускаются за водой. Солдаты Антиоха тотчас завалили его камнями и щебнем. Осажденные стали испытывать недостаток воды. Раббат-Амон сдался. Базилевс оставил там сильный гарнизон под началом Никарха. Египетским перебежчикам Гипполоху и Керее Антиох дал 5000 солдат и велел защищать область Самарии. Сам царь увел войска на север к крепости Акра. Здесь он расположил солдат на зимние квартиры.

Итог кампании оказался довольно скромным. За год войска Антиоха заняли Палестину, понеся потери. А далеко за пустыней, в военных лагерях под Александрией, египтяне готовили свежую армию для удара.

4. Неудачи Ахея

Историк Полибий — наш главный источник для исследования первых лет правления Антиоха — подробно распространяется обо всех сопутствующих событиях на других фронтах. Последуем и мы за историком и перенесемся ненадолго в Малую Азию, где воюет взбунтовавшийся против центрального правительства Ахей Младший.

Пока Антиох сражался в Палестине, Ахей пытался расчистить дорогу для вторжения в Сирию. Неожиданно на его пути возникли проблемы в покоренной, казалось, Писидии. Край был гористый, обойти его не представлялось возможным, и Ахей увяз в мелких конфликтах. Полибий рассказывает о вражде отдельных греческих городков и местных племен и о вмешательстве Ахея Младшего в эту борьбу. События слишком ничтожные для того, чтобы их описывать, но достаточные, чтобы сделать обобщающий вывод. Антиох опасался Ахея, поэтому стравливал между собой греческие города

и варварские племена в Малой Азии. Ахей включился в эту борьбу и не смог вмешаться в схватку сирийцев и египтян.

Особенно много хлопот Ахею Младшему доставило писидийское племя селгеев. Ахей выступил против него лично, захватил столицу, а затем подчинил своей власти приморскую область Памфилию, входившую некогда в состав державы Селевкидов, но постоянно отлагавшуюся во времена смут.

Однако в то время, когда он разбирался с селгеем, в тыл Ахею ударили войска пергамского царя Аттала I. Кажется, к нему присоединились также отряды царька соседней Вифинии — сильно эллинизированной фракийской области в Малой Азии. По словам Полибия, Ахей из-за крутого нрава поссорился со всеми соседями. Однако напрашивается другой вывод. Усиления Селевкидов не хотел ни один правитель в Малой Азии, поэтому соседи выступили против Ахея. Больше того. Перед нами — очередной успех дипломатии Антиоха. Нет сомнения, что это его послы сумели заключить союз с вифинцами и Пергамом и натравили эти страны на Ахея, у которого теперь были надолго связаны руки.

Своих войск в Пергаме не было, зато было много денег. Аттал набрал наемников, главным образом — галатов. С ними царь нанес удар в южном направлении, двинулся на приморские города на берегу Эгеиды и стал выводить их из-под власти Ахея.

Первыми подчинились Кума, Смирна и Фокея. Затем прибыли послы еще из четырех городов. Пергамский царь отовсюду взял заложников, ибо не питал иллюзий относительно постоянства новых подданных. Затем повернул на север, где занял еще несколько поселений. Причем местный военачальник, оставленный здесь Ахеем, перебежал к Атталу со всеми войсками. Тут бы и продолжить наступление. Но...

В это время случилось лунное затмение. Наемники-галаты давно роптали на тяготы похода, а в затмении увидели повод прекратить военные действия. Аттал I опасался, как бы они вовсе не перешли на сторону Ахея. Царь наградил их и поселил на пергамской земле в районе древней Трои. Поход Атталла завершился скромным успехом и большими проблемами.

Галаты не успокоились. Они позвали своих европейских товарищей-галлов, живших во Фракии, и принялись терроризи-

ровать берега Геллеспонта. Лишь через некоторое время вифинский царь победил их с помощью хитрости и перебил до последнего человека, не пощадив детей и женщин.

Таковы события, происходившие в Малой Азии. Ахей был значительно ослаблен и потерял много городов. «Сирийцам» стало нечего опасаться.

5. Битва при Рафии

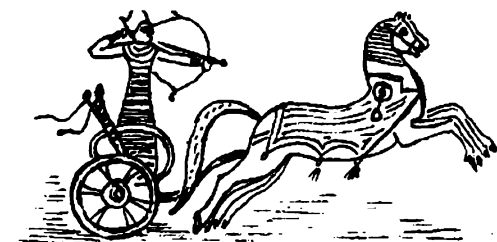
Казалось, дела Антиоха обстоят прекрасно. В Малой Азии писидийцы, пергамцы и вифины отвлекли Ахея. В Палестине захвачены почти все города. Великолепно! Но так только казалось царю. На юге египтяне готовили мощный удар, продолжая тянуть время и манить базилевса возможностью мирных переговоров.

Гром грянул внезапно. Весной 217 года до н. э., когда Антиох расслабился и ожидал прибытия из Александрии послов с предложением мира, из южной пустыни вынырнуло огромное египетское войско. Фараон Птолемей IV вел его в бой лично, на время позабыв об утехах дворца. Вскоре предстояла битва при Рафии — одно из самых знаменитых и грандиозных сражений античной истории.

Египетская армия насчитывала 70 000 пехоты, 5000 конницы и 73 слона, пойманных в Ливийской степи. Слоны не отличались высоким ростом (в крупе — чуть выше лошади), но их было много. Сейчас этой породы африканских слонов не существует — их перебили охотники еще в древности.

...Услыхав о приближении египтян, Антиох понял, что его переиграли. Он быстро стянул все войска, какие только мог, и двинул их навстречу врагу.

Какие войска имелись у Антиоха? Прежде всего — 5000 легкой пехоты под началом македонца Биттака. Среди них были дахи, киликийцы и жители далекого Кермана. В распоряжении Антиоха также находился десятитысячный корпус элитной пехоты — аргираспидов («серебряные щиты»). В него входили, по свидетельству Полибия, жители из всех уголков царства, вооруженные по-македонски. Командование этим элитным пехотным корпусом Антиох поручил Теодоту-этолийцу, военные таланты которого ценил.

Еще 20 000 пехотинцев служили в фаланге. Ею предводительствовали Теодот Гемиолий и Никарх, известные нам по прошлым баталиям.

Кроме того, был у Антиоха стрелковый полк из персов и агриан (фракийское племя, поставлявшее легкую пехоту) общим числом 2000 человек. Еще 1000 фракийцев служили под началом грека Менедема. 5000 человек дали мидийцы, кадусии, эламиты из Сузианы. Этими восточными полками командовал мидиец Аспазиан. 10 000 воинов (пехоты и наездников на верблюдах) привели арабские племена, главным образом набатеи. Их начальником был некто Забдибел — один из набатейских шейхов. Примерно 5000 наемников из Эллады возглавил фессалиец-перебежчик Гипполох. 1500 критских стрелков находились под командой Эврилоха. Отдельный полк составили западные критяне во главе с Зелисом из города Гортины. Наконец, еще одно стрелковое подразделение возглавил галат Лисимах. В нем было 500 метателей дротиков из Лидии и 1000 персов-кардаков (в древности так называли мечников; но, судя по всему, с течением времени кардаками стали звать пеших стрелков).

Конным корпусом в 4000 воинов командовал юный принц Антипатр (сын базилевса Селевка Керавна). Над остальными кавалеристами (их было 2000) начальствовал некто Темисон. Всего в армии Антиоха насчитывалось 62 000 пехоты и 6000 конницы. Из восточных областей подогнали 102 рослых слона индийской породы. Неясно, где Селевкиды брали этих животных: разводили сами или покупали у далеких индийцев.

Силы противников были почти равны. У египтян — ощутимое преимущество в пехоте. У сирийцев — небольшое преобладание в коннице и более серьезное — в слонах. Невольно задумываешься, сколь грозная сила была бы в руках эллинистических царей, если бы им удалось объединить Азию и Египет. Но логика событий сложилась так, что Египет противостоял Азии.

Выступив из Пелузия, египтяне скоро достигли Рафии. Сегодня это арабский городок Рефа, в 40 километрах южнее Газы. Туда же двинулся Антиох. Египтяне занимали выгодную позицию и бесстрастно наблюдали за маневрами Антиоха.

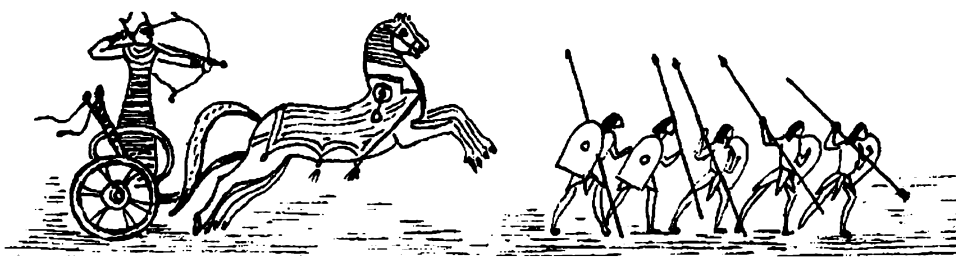
Сперва «царь Азии» расположил свою армию в десяти стадиях от египтян. Затем, желая вызвать врага на битву, придвинул войска еще ближе — на пять стадий. Эллинистические армии стояли буквально лицом к лицу. Начались мелкие схватки за воду и продовольствие между отрядами фуражиров. Египтяне и сирийцы прошупывали друг друга.

Неожиданно к Антиоху явился Теодот-этолиец и заявил, что готов обеспечить царю победу без всякого сражения; после чего изложил смелый план по устранению фараона Птолемея. Антиох одобрил его.

Теодот заприметил расположение шатра фараона, так как схватки происходили поблизости от него. Диверсант дождался ночи и перед рассветом, когда сон особенно сладок, отправился убивать фараона. С собой он взял двух солдат. Царская охрана хорошо знала Теодота, ведь еще недавно он входил в число высших египетских офицеров. Но было темно, и его пропустили. Как видно, египетская стража не отличалась особой бдительностью.

По одежде этолийца тоже не распознали. До введения единой военной формы оставалось еще почти две тысячи лет. Обе армии походили на разноплеменный табор, отличить своих от чужих было трудно. В связи с этим нелегко понять, как вообще могли древние воины сражаться друг с другом, если не хотели поубивать своих. Впрочем, как-то сражались и умели отличать друзей от врагов. Но Теодот остался неузнанным. Он пробрался к царскому шатру, откинул полог и ворвался внутрь... Каков же был сюрприз, когда фараона внутри не оказалось! Впоследствии выяснилось, что это был своего рода приемный покой царя. Здесь Птолемей обедал и принимал чиновников для доклада, а ночевал в другом месте. Получается, что царской службе безопасности всё же не откажешь в осторожности. Возможным диверсантам подбросили ложную цель.

Теодот понял, что попал в ловушку, но он был великолепным воином. Не растерявшись, ранил двух охранников и убил царского врача Андрея, а затем бросился наутек. Удачно избежав опасности, этолиец вернулся в лагерь Антиоха. Лишь на ничейной земле он был слегка потревожен египетскими патрулями, но смог уйти и от них.

Проторчав друг против друга в течение пяти дней, противники всё же решились на битву. Оно и понятно: армии стояли слишком близко друг к другу. Попытка одной из них отступить непременно бы кончилась катастрофой.

Двадцать второго июня 217 года до н. э. — день битвы при Рафии.

Первым решился перейти в наступление Птолемей IV. Едва он стал выводить солдат из окопов, Антиох сделал то же самое. Цари выстроили фаланги одну против другой. Птолемей на своем левом фланге разместил кавалерию под началом Поликрата. Между ним и фалангой, у самой конницы, стояли египетские наемники-критяне. Позади располагалась царская агема, дальше — пельтасты во главе с Сократом, примыкавшие к туарегам в македонском вооружении. Впереди Птолемей выставил сорок слонов. Общее командование левым крылом фараон взял на себя. На правом фланге находился фессалиец Эхекрат с конницей. Подле него с левой стороны стояли галаты и фракийцы. Вслед за ними во главе эллинских наемников находился Фоксид, примыкая к египетским фалангитам. Тридцать три слона были выставлены перед правым флангом вблизи наемной конницы.

Антиох разместился на правом крыле — он желал биться против Птолемея лично. Здесь «царь Азии» выставил 60 отборных индийских слонов-гигантов, против которых африканские слоники смотрелись как домашние болонки против охотничьих псов. Слонами командовал македонянин Филипп — товарищ детских игр царя, доверенное лицо. Антиох довольно большое значение придавал этой первой слоновьей атаке. Она должна была сыграть роль тарана и пробить оборону врага.

За слонами царь расположил 2000 тяжелых кавалеристов под началом принца Антипатра. К ним присоединил еще 2000, выстроив клином, чтобы опять же быстрее пробить брешь в обороне противника. В той же линии подле конницы поставлены были сирийские критяне-наемники. К ним примыкали солдаты удачи из Эллады. Между ними находились 5000 легковооруженных азиатских воинов под командой македонца Биттака.

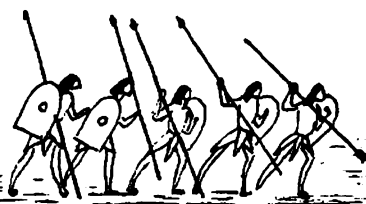
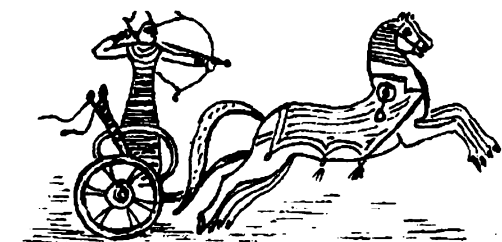
На левом фланге стояли 2000 кавалеристов Темисона, подле них — кардаки и лидийцы. Следом — полк легковооруженных пехотинцев Менедема и полк мидийцев, эламитов и керманцев. Рядом, примыкая к фаланге, встали арабы. Слонами на этом фланге командовал Мииск, один из царских «пажей» — эфебов. Видимо, это был талантливый юноша, если царь выдвинул его, дав под начало слонов.

Когда войска выстроились, базилевс Антиох и фараон Птолемей подошли к линиям своих полков и через офицеров и гетайров обратились к ним с ободряющими воззваниями. Так как главную силу на той и другой стороне составляла фаланга, к этим тяжелым пехотинцам в основном и обращались цари. Кроме них говорили еще и ближайшие военачальники — в основном те, кто командовал фалангитами. Причем Птолемей IV приволок на поле боя даже свою сестру-жену Арсиною. Облаченная в роскошный доспех, она гарцевала на коне и вдохновляла солдат.

С греками говорили на диалекте койнэ, который вошел в обиход на всем пространстве эллинистических империй. С иностранными частями общались через переводчиков.

Содержание речей оказалось примерно одинаковым. Оба царя — Птолемей и Антиох — были еще очень молоды и правили всего несколько лет. Птолемей мог похвастать лишь подвигами в постели в качестве бисексуального партнера. Антиох любил удовольствия, но имел в активе нечто большее, чем его египетский коллега. Он усмирил мятеж Молона в Мидии, захватил у египтян Келесирию. Правда, потерял при этом Малую Азию. Так что и сирийский базилевс, и египетский фараон предпочли поднять боевой дух солдат, вспоминая славу предков и суля небывалые награды наемникам. Лишь только переводчики изложили перечень наград, а греки проревели троекратное «хайре» («да здравствует»; к слову, немцы сделают из этого древнего восклицания «хайль», а индусы — «харе»), цари дали сигнал, и сражение закипело.

Антиох пустил в атаку слонов на правом фланге. Птолемей выставил вперед свое стадо. Произошло несколько красивых поединков. Воины, сидящие в башенках на спинах животных, пытались поразить друг друга сариссами. Животные тоже сталкивались друг с другом. Дрались бивнями, опрокидывали

друг друга или заходили сбоку и вспарывали бока, затем валили наземь и затапывали ногами. При этом «индийцы» Антиоха сразу получили преимущество. Более мелкие африканские слоны испугались грозного вида и острого запаха азиатских гигантов и, панически трубя, обратились в бегство. Был риск, что они смешают и растопчут собственные войска. Поэтому египетская конница под началом Поликрата подалась назад. Это сразу увидел Антиох и бросился в атаку. Во главе своей кавалерии базилевс искусно обогнул вражеских слонов, зашел во фланг кавалеристам Египта и яростно атаковал. Вероятно, Антиох воображал себя новым Александром Великим.

Африканские слоны, отступая, метнулись к египетской пехоте — пельтастам. Она отойти не успела и пришла в расстройство. Тогда ее атаковали эллинские наемники Антиоха, примыкавшие к фаланге. Атака оказалась своевременной. Всё левое крыло Птолемея стало отступать в беспорядке. Кажется, победа близка. Но не тут-то было. Птолемея выручили его военачальники и выучка войск. Не зря Сосибий тратил государственные накопления, чтобы купить лучших инструкторов и стратегов!

Правым крылом египтян командовал опытный военачальник Эхекрат. Он пристально наблюдал схватку на противоположном крыле и вовремя заметил неладное. Войска взбили клубы пыли, из которых уносились всадники и мелкие африканские слоны. Эхекрат понял, что дело плохо. Он вызвал Фоксид, начальника эллинских наемников, и приказал атаковать врага. Фоксид напал на неприятельскую пехоту, стоявшую напротив его полка. Пользуясь возникшим замешательством, Эхекрат отвел кавалерию за линию африканских слонов. Вероятно, эти слоны тоже имитировали атаку. Эхекрат повторил маневр Антиоха. Он вышел во фланг сирийской коннице Темисона и с налету атаковал. В это же время Фоксид обратил в бегство стоящие напротив отряды сирийцев (это были легковооруженные солдаты под началом антиоховского стратега Менедема). Затем Эхекрат и Фоксид атаковали арабский конный корпус шейха Забдибела. Арабов взяли в клещи. Шейх бежал, а за ним в беспорядке обратило тыл и всё его воинство.

Фаланги Антиоха, открытые теперь с обоих крыльев, стояли посреди равнины, колеблясь между страхом и надеждой на победу.

Тем временем Антиох увлеченно преследовал неприятеля. Однако Птолемей под прикрытием пыли смог уйти от преследования, свернул и вдруг появился во всем блеске среди своих фалангитов. Царя узнали и приветствовали радостным ревом. Начальник фаланги — министр Сосибий — тотчас воспользовался случаем, чтобы повести солдат в решающую атаку на сирийцев. С сариссами наперевес фалангиты ринулись на врага. Сирийцы встретили их с несокрушимой стойкостью. Некоторое время битва оставалась нерешенной. Но тут последовала атака Фоксида с его эллинами и Эхекрата с его кавалерией, который ударили во фланг и тыл сирийским фалангитам. Это была кульминация битвы.

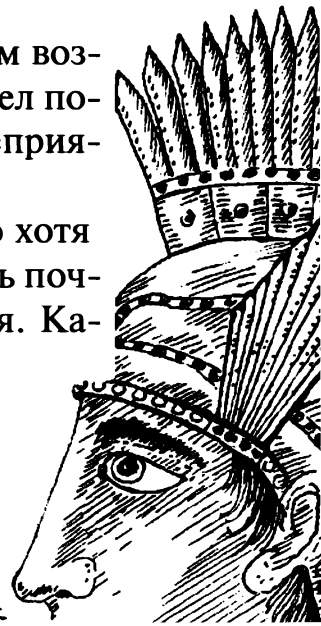
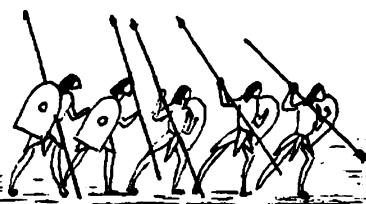
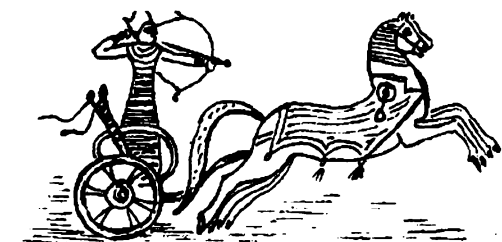
Первыми стали отступать сирийские полки Никарха, а затем и Теодота Гемиолия. Подались назад аргираспиды бесстрашного Теодота-этолийца. Скоро отступление превратилось в повальное бегство. Египтяне преследовали врага и перебили много народу.

Антиох же продолжал отважно гоняться за отступавшим противником на своем фланге. Он воображал, что и прочие его части также одерживают победу. Наконец один опытный воин догнал царя и указал рукой на огромное облако пыли, которое несло от фаланги к сирийскому лагерю.

Антиох понял, что это значит: его войско бежит. Антиох попытался собрать кавалерию, чтобы изменить ход сражения. Но всадники рассеялись по полю, и собрать их в кулак было уже невозможно. Тогда базилевс со своими телохранителями ускакал к Рафии. Вскоре Антиох полностью пришел в себя и обрел присутствие духа. Но это не меняло сути происходящего: сирийская армия потерпела разгром.

Птолемей преследовал врага до самого вечера, а затем возвратился в лагерь и там провел ночь. Наутро фараон велел похоронить своих убитых и снять доспехи с неприятельских трупов. Затем он двинулся к Рафии.

Антиох поспешно собирал войска. Поражение было хотя и серьезно, но не катастрофично. Ему удалось сохранить почти всю тяжелую конницу, которая атаковала Птолемея. Ка-

жется, Теодот-этолиец смог вывести в полном порядке корпус аргираспидов. Разбежались только арабы, и в некоторых частях были большие потери. Утром Антиох вывел уцелевшие войска из Рафии и направился к Газе. Расположившись станом у этого города, базилевс отправил гонцов к Птолемею с просьбой позволить похоронить своих павших. По кодексу войны между эллинистическими царями это вполне допускалось. Фараон дал разрешение. Антиох предал их погребению.

Число погибших со стороны Антиоха было почти 10 000 пехоты и всего 300 конников. В плен попало более 4000 человек. Из слонов только трое были убиты на поле битвы, а еще двое впоследствии скончались от ран.

Птолемей потерял 1500 пехотинцев и 700 всадников убитыми. Пало также 16 слонов; при этом большая часть египетского слоновьего стада досталась сирийцам.

Похоронив павших, Антиох увел остатки армии на север. Он полностью очистил Келесирию. Так что единственным, хотя и важным приобретением базилевса стала Селевкия-на-Оронте.

Птолемей двинулся в Палестину и Келесирию. Повсюду его принимали с восторгом и неумеренной лестью. Венки, фимиам, жертвы на алтарях — ни в чем не было недостатка. Так одна победа отдала в руки фараона сразу две цветущие провинции. Сирийская война была проиграна Антиохом.

6. Мирные переговоры

Скоро базилевс прибыл в Антиохию — свою столицу. Отсюда он направил к Птолемею послов — принца Антипатра и Теодота Гемиолия.

Царь опасался, что из-за поражения при Рафии войска поднимут восстание и перейдут на сторону Ахея. Поэтому Антиохию требовался мир.

Египетский «премьер-министр» Сосибий тоже не хотел испытывать судьбу. Война обходилась казне слишком дорого. Египетская империя тогда была разбросана в трех частях света. В Европе ей принадлежала Южная Фракия. В Малой Азии — Кария и несколько городов на Эгейском море. В Африке — Египет и Киренаика. Теперь вот удалось отвоевать

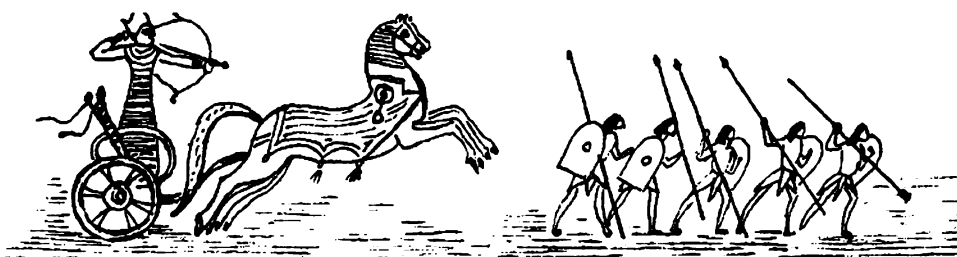
Келесирию и Палестину, обезопасив подступы к долине Нила. Для того чтобы удержать эти владения, требовалось немало усилий. Продолжительная война могла нарушить хрупкое равновесие и уничтожить империю.

Эти соображения Сосибий изложил фараону. Птолемей не возражал. Он мечтал вернуться в столицу, к эротическим удовольствиям.

Была и еще одна очень веская причина, по которой фараон пожелал как можно скорее заключить мир. О ней смутно говорит египетская надпись в честь битвы при Рафии. Якобы сразу после победы имел место заговор военных против Птолемея. «После измены, которую задумали военачальники», Птолемей заключил перемирие с Антиохом, говорится в надписи. Что это за военачальники и почему они вдруг решили изменить фараону после победы? Об этом есть столь же смутное пояснение в отрывке из Полибия (кн. V, гл. 107). Историк пишет, что вооруженные фараоном египтяне (а их было 20 000 тысяч) составили заговор и ждали только вождя. Вскоре такой вождь объявился и... Тут известие Полибия обрывается. Но и сказанного достаточно. Ясно, что мы имеем дело с попыткой национального восстания коптов против иноземных хозяев. Мы не знаем подробностей, но ясно, что в Египте разразилась внутренняя война, которая заняла несколько лет. Это послужило одной из главных причин миролюбия фараона Птолемея и его советников. Разбитый Антиох был спасен.

Когда в Келесирию явился сирийский принц Антипатр в сопровождении Теодота Гемиолия, фараон ограничился обязательной программой в виде легких угроз. Для порядка он произнес речь с укорами в адрес Антиоха III. Затем перешли к деловой части переговоров. И тут фараон проявил понимание ситуации. Скоро он согласился заключить с Антиохом перемирие на один год. Это было началом продолжительного мира между двумя странами.

Для утверждения договора Птолемей направил в Антиохию министра Сосибия. А сам, пробыв в завоеванных областях три месяца, отправился домой с сестрой и друзьями. Египетским сатрапом в отвоеванных областях стал некто Андромах из Аспенда.

Скоро мирный договор был подписан. Антиох отказался от Келесирии, Палестины и Финикии, а фараон — от Селевкии-на-Оронте. Никакой контрибуции со стороны сирийцев, кажется, не предполагалось. А самое главное — в договор не был включен узурпатор Ахей Младший. Это развязывало руки Антиоху, который хотел уничтожить Ахея, чтобы обезопасить себя. Поэтому едва высохли чернила на договоре с Египтом, как Антиох стал готовить армию для похода на север.

Глава 4. Война с Ахеем

1. Поход

Заклучив мир с фараоном, Антиох всю зиму 217 года до н. э. готовился к борьбе с Ахеем Младшим: приводил армию в порядок, делал запасы, покупал вооружение, искал подходящих офицеров.

Что происходило в Малой Азии в эти годы? Подробностей нет, но в целом события выглядели так.

Ахей опирался на малоазийских греков и на восточные элементы в своем царстве. Кроме того, он смог заручиться поддержкой понтийского царя Митридата, который внезапно по каким-то причинам порвал с Антиохом и выдал свою дочь Лаодику за Ахея Младшего. Выше мы видели, что другая дочь с таким же именем стала женой Антиоха. Понтийские цари не проявляли никакой фантазии в выборе женских имен для своих дочерей.

Причины переориентации Митридата можно объяснить его давней враждой с вифинцами. Тогда предмет договора с Ахеем становится понятен. Митридат хотел округлить свои владения за счет Вифинии, Ахей — за счет Пергама.

Вероятно, с помощью понтийцев Ахею Младшему удалось остановить контрнаступление пергамского царя Аттала, против которого к тому же взбунтовались наемники-галаты.

В 217 году до н. э. Ахей уже сам готовился к решительному наступлению на Пергам. Но тут до него дошли слухи, что

Антиох помирился с Египтом и готовит нападение на Малую Азию. Это сразу изменило расстановку сил.

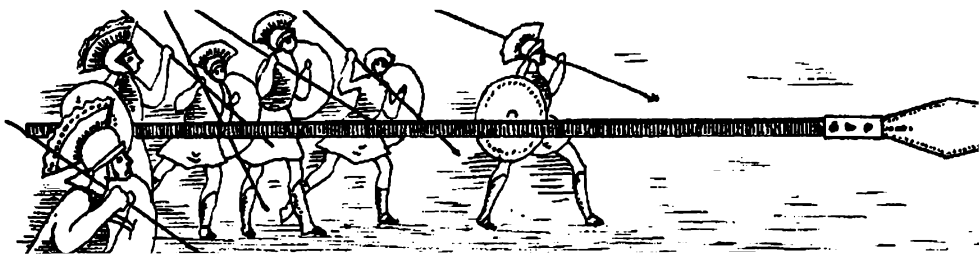
Весной 216 года до н. э. Антиох лично во главе армии перевалил хребты Тавра и вошел в пределы владений Ахея. Война с узурпатором началась. Союзниками Антиоха стали пергамский царь Аттал и вифинский правитель.

Детали военных действий утрачены. Нам известно, что кампания складывалась очень удачно для Антиоха. Сказывался элементарный численный перевес. К тому же сирийский царь обрел военный опыт в победах и поражениях, а потому очень грамотно распоряжался войсками.

Ахей оказался зажат меж двумя противниками — Пергамом и «Азией». Единственного могущественного союзника — фараона Египта — он утратил. Ценным другом мог стать молодой македонский царь Филипп V, но тот предпочел договориться о дружбе с Антиохом. Кроме того, Филипп был занят сложными делами на западе. Доходили слухи о великой войне между Римом и Карфагеном. Грозный торгош-военачальник Ханни-Баал, более известный под именем Ганнибала, истреблял римлян в Италии. Филипп вступил с ним в тайные переговоры о союзе. Заниматься делами какого-то Ахея македонскому царю было не с руки. Вероятно, понтийский царь Митридат тоже вышел из игры, обеспечив свой нейтралитет.

Ахей остался со своими противниками один на один. Тогда он сделал ставку на оборону ключевых крепостей и городов. Это оказалось ошибочным решением, хотя другого не было; укрепленные пункты стали сдаваться пергамцам и сирийцам. Ахей с главной армией маневрировал на неуклонно сужавшемся пространстве своих владений. Наконец после серии неудач он отступил в свою столицу Сарды (215 год до н. э.). Город был обведен мощной стеной. Над ним высился неприступный акрополь на скале — в это укрепление можно было уйти в случае потери городских кварталов.

В Сардах Ахей и заперся. На что он надеялся? Прежде всего на случай. Не стоит относиться к этой надежде скептически. Ситуация в эллинистических государствах слишком часто менялась самым неожиданным образом. На сирийцев могли напасть египтяне. Антиох мог разругаться с Атталом. Наконец, в Сирии могло вспыхнуть восстание. Ахей сидел и ждал.

Блокада Сард растянулась на целый год. Непрерывно следовали стычки, вылазки, штурмы. Кажется, Ахей умудрялся получать даже какие-то подкрепления. Может быть, Антиох отослал часть войск по домам, потому что содержать их столь долгое время было дорого. Другую часть базилевс разместил гарнизонами в захваченных городах. Короче, его войска поредели. Ахей и его ратники сражались без устали. Осада зашла в тупик.

Дело Антиоха спас один из наемных офицеров, критянин Лагор. Полибий характеризует его как человека «чрезвычайно опытного» в военном деле. Лагору пришел в голову смелый план, которым он поделился с базилевсом. Укрепленные города брать очень легко, заявил наемник. Захватывают их по беспечности защитников. Просто атаковать надо в самых укрепленных пунктах. Они-то и остаются без охраны. Следует хорошо изучить местность и нанести удар.

Антиоху понравилась эта мысль. Он приказал критянину действовать.

Дерзость плана сочеталась с большой осторожностью, которая отличала поступки Лагора. Он провел несколько тщательных рекогносцировок, допросил перебежчиков и наконец — эврика! — обнаружил пункт, откуда можно начать атаку.

Стена у квартала Приопа, где акрополь примыкал к городу, была столь отвесна, что оставалась фактически без охраны. Она возвышалась на скале. У подножия находился овраг, куда жители Сард бросали покойников и туши павших лошадей. Поэтому здесь всегда кружило много коршунов, жрущих падаль.

Наблюдательный Лагор заметил, что птицы, поев досыта, отдыхают на откосах скал и даже на самой стене. Значит, в этом месте город не охраняется. Сделав такой вывод, критянин отправился ночью в овраг, зажав нос, чтобы не чують зловония. Он тщательно исследовал, где можно подойти к стене и установить лестницы, после чего вернулся в лагерь и сообщил о своем открытии царю.

Антиох пришел в восторг от этого известия. Недаром критяне считались самыми хитрыми людьми из всех народов греческого круга! Лагор попросил в подмогу нескольких людей. Прежде всего — нашего старого знакомого Теодота-этолийца.

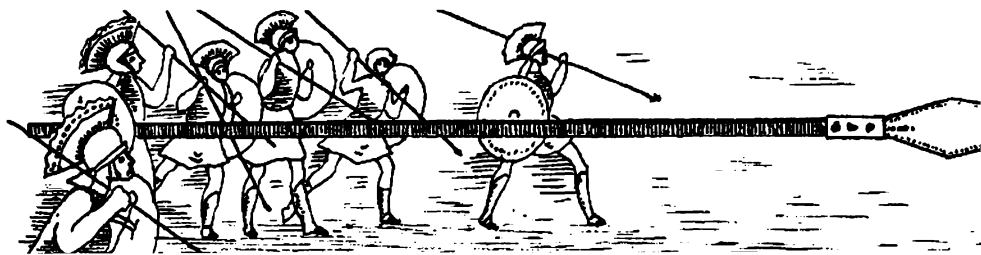
Это был один из самых способных военных своего времени. К тому же — опытный диверсант и храбрец, как мы уже видели в истории с отчаянной попыткой убить Птолемея IV. Другим соратником стал начальник царских гипаспистов Дионисий. Гипасписты были чем-то вроде спецназа древности: могли штурмовать крепости, лазать по скалам, вести бои в неблагоприятных условиях — там, где пасовали прочие подразделения. Разумеется, начальник полка гипаспистов обладал теми же качествами, что и его подчиненные.

Обсудив детали, Лагор, Теодот-этолиец и Дионисий стали ждать безлунной ночи, чтобы выполнить дерзкий план. Такая ночь наступила. Накануне поздно вечером они выбрали из всего войска пятнадцать самых сильных и отважных людей. Им предстояло нести лестницы, вместе с вождями взбираться на стену и делить опасности авантюрного предприятия. Затем набрали еще тридцать солдат, которые должны были засесть на подступах к городу. Когда Лагор и его товарищи взберутся на стены и достигнут ближайших ворот, эти тридцать воинов должны были подскочить к воротам снаружи и разбить дверные петли и косяк. То есть расчистить путь остальному войску.

Наконец, у подножия скалы в полной готовности должны были находиться 2000 человек. Им надлежало ворваться в ворота и захватить центральную площадь Сард, которая несколько возвышалась над городскими кварталами. В центре площади стоял греческий театр, удобный для того, чтобы укрепиться в нем. Дабы набор солдат и странные приготовления не возбудили подозрений, Лагор распространил слух, что к Ахею идут подкрепления — какой-то отряд этолийцев. Они хотят проникнуть в город через потайной ход в зловонном овраге. Цель же Лагора и двухтысячного отряда — воспрепятствовать этому.

Таков был его план — продуманный, логичный и отчаянно рискованный.

Лишь только луна скрылась, Лагор и его товарищи пробрались тайком с лестницами к обрыву и разместились в овраге среди падали и мусора. На рассвете царь Антиох отрядил часть воинов на сторожевые посты, а прочих выстроил в боевую линию в поле, будто приглашая врага на вылазку. Такое случалось и раньше (за год осады бывало всякое), поэтому не вызвало подозрений. Но внезапно в лагере Антиоха нача-

лось волнение. Солдаты увидели, как из оврага взметнулись две лестницы к стенам акрополя и по ним взбираются двое. Один из них был Лагор, другой — Дионисий, но этого, разумеется, солдаты не знали. По счастью, как раз в этом месте на скале нависал утес, поэтому защитники акрополя не видели храбрых офицеров, которые карабкались вверх. Но они видели, как забурлил лагерь Антиоха.

Судьба предприятия висела на волоске. Если бы Ахей и его соратники поняли причину волнения — всему конец. Тогда Антиох решил отвлечь внимание осажденных. Он обошел скалу и повел войска на Персидские ворота — противоположные тем, на которые в действительности планировалось нападение.

Ахей был опытным воином. С наблюдательного пункта он следил за маневрами осаждавших, но не мог понять, в чем причина странных эволюций противника. Наконец он послал отряд воинов навстречу врагу. У Персидских ворот завязалась схватка. Защитниками в этом месте командовал Арибаз — вероятно, знатный персидский военачальник на службе Ахея. Он повел своих врукопашную.

В это время Лагор, Теодот-этолиец и Дионисий со своими спутниками перевалили утес, взобрались на стену и достигли противоположных ворот. Здесь всё было тихо. Схватка бушевала на противоположном краю города. Караульные заметили их слишком поздно. Лагор и его товарищи бросились на врага. Пока они рубились с охранниками, другие воины, поднявшиеся следом, ломали запоры. Услыхав шум, к воротам бросились тридцать сирийских солдат, оставленных в засаде снаружи. Они также принялись кромсать створки. Хотя ворота были заколочены, опытные солдаты быстро справились с задачей.

Сирийцы вошли в город и заняли театр на площади. Арибаз услышал шум у себя в тылу и понял, что враг проник в город. Он отвел большую часть своих людей от Персидских ворот и поспешил к площади, чтобы выбить неприятеля оттуда. Завязалось новое сражение.

Тут базилевс Антиох показал себя с самой лучшей стороны. Понимая, что исход дела висит на волоске, он усилил натиск на Персидские ворота и ворвался в Сарды с другой стороны. Враг был полностью окружен. Но это был еще не конец. Хо-

ты Сарды оказались в руках Антиоха, оставалось еще внутреннее укрепление, куда скрылись Ахей и его товарищи, включая Арибаза. Это была старая крепость на скале. Захватить ее представлялось очень трудным делом, почти невозможным. Тем более что в гарнизоне хватало людей и у них было достаточно воды и припасов. Осада продолжалась.

2. Шпионские страсти

Вскоре Ахей получил неожиданную поддержку из Египта. Сосибий, министр развратного фараона Птолемея IV, прекрасно понимал, что удачная война Антиоха против Ахея не сулит ничего хорошего для Египта. Сосибий решил выручить узурпатора, запертого в Сардах, чтобы использовать его впоследствии против Антиоха.

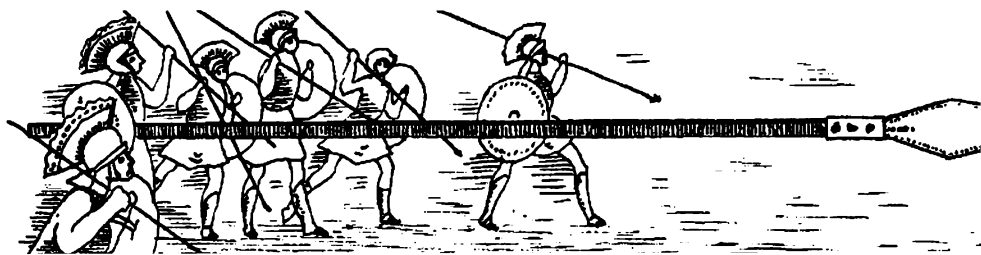
Для этой операции министр выбрал офицера родом с Крита по имени Болид, который когда-то жил в Сардах и знал планировку города. Он долго жил при дворе фараона, считался человеком бывалым, отважным и умным. Болид выслушал министра, сказал, что подумает, и удалился.

Думал критянин дня два и наконец заявил, что берется за дело. История умалчивает, сколько денег посулил министр за осуществление операции. Болид получил солидный задаток в 10 талантов серебром и массу обещаний. Видимо, в мыслях этот диверсант видел себя всемогущим советником спасенного узурпатора.

Стали обсуждать детали дерзкого предприятия. План учитывал то, что родственник и друг Болида — Камбил служит начальником отряда критских стрелков у Антиоха. Если бы удалось склонить Камбила к сотрудничеству — полдела сделано.

Без дальнейших промедлений Болид отправился на Родос в сопровождении нескольких верных людей. Оттуда его с помощью местной агентуры переправили в Эфес. Из Эфеса наш герой отправил одного из подчиненных людей в Сарды. Гонец добрался до начальника отряда наемных критян Камбила и добился встречи с ним без свидетелей. Детали этих походов могут составить добротный шпионский роман.

При встрече гонец передал Камбилу привет от его родича Болида, предложил освободить Ахея и посулил денег. Кам-

бил загорелся авантюрной идеей и обещал поддержку. Договорились встретиться с самим Болидом. Тот покинул Эфес и со множеством предосторожностей прибыл в Сарды. Здесь он переговорил с Камбилем и вдруг... предложил действовать в интересах «царя Азии» Антиоха! Так, во всяком случае, утверждает Полибий, рассказавший эту историю. По мнению античного ученого, Болид с самого начала готовил предательство и не собирался рисковать жизнью ради освобождения Ахея. Как истинный критянин, он взвесил все «за» и «против» и решил, что гораздо выгоднее и безопаснее предать египтян. Возможно и другое: Камбил перевербовал Болида прямо во время встречи. Но это лишь предположения. Так или иначе, теперь Болид оставил службу фараону и стал действовать в интересах «азиатского царя» Антиоха.

Как только представился удобный случай, Камбил сообщил царю Антиоху о прибытии Болида и о плане по захвату Ахея. Царь обрадовался: появилась хорошая возможность закончить войну. Антиох был настоящий политик и не страдал излишней щепетильностью в выборе средств. Смущало лишь одно: личности Болида и Камбила. Поэтому Антиох внимательно допросил Камбила, узнал все детали плана и лишь тогда немного поверил ему. Вообразив, что само божество надоумило критян отдать ему в руки злейшего врага, царь стал торопить своих агентов. Он подчеркнул, что хочет видеть Ахея живым и лично расправиться с предателем.

Болид со своей стороны обзавелся рекомендательным письмом к Ахею Младшему от представителей египетской резидентуры на островах. Письмо передали Ахею с помощью тайного вестника.

Узурпатор был как зверь в клетке. Всё его царство сократилось до размеров маленькой крепости. Шансов спастись не было. Но он не утратил подозрительности и осторожности, а потому долго колебался. Лишь после многократного обмена тайными посланиями Ахей написал, что готов вверить себя Болиду.

Замысел Ахея отличался дерзостью и риском. Бежав из Сард, он хотел отправиться не в Египет, а в Сирию и сыграть по-крупному. Пока Антиох осаждает Сарды и думает, что его враг в ловушке, Ахей поднимет расквартированные в Сирии

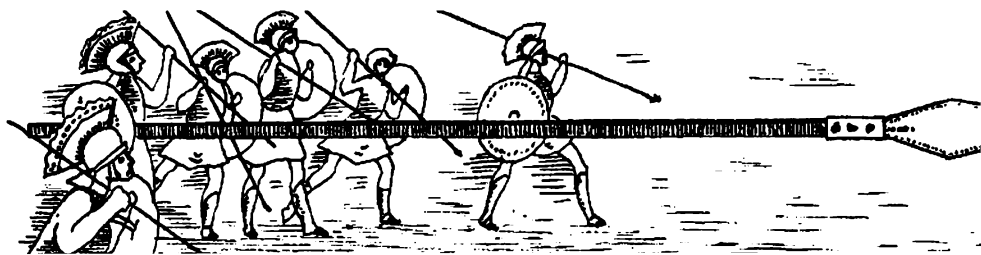
войска на бунт, захватит власть и превратится из государственного преступника в подлинного царя, из побежденного — в победителя. В этом случае Антиох и Ахей поменялись бы местами. Антиох стал бы царем селевкидской Малой Азии, тогда как Ахей — повелителем остального Востока. Но, увы, эта комбинация существовала лишь в голове Ахея. Реальность была иной: он попал в шпионские сети и запутывался в них всё сильнее.

Предаваясь мечтам, Ахей с нетерпением ждал прибытия Болида. Тот обговорил со своим критским родичем все детали плана по захвату Ахея и напоследок, прямо посреди ночи, отправился к царю Антиоху с докладом.

Антиох был взволнован. Царь мечтал расправиться со своим врагом, которого считал мятежником и предателем, и цель была близка. Он выслушал Болида, дал последние указания и стал ждать развития событий.

В ту же ночь перед рассветом Болид в сопровождении слуги поднялся на скалу и вошел в крепость. В принципе, та легкость, с которой курьеры шастали туда-сюда из осажденной твердыни, могла бы вызвать подозрения у Ахея. Но примем во внимание, что он находился в безвыходном положении и надеялся на любую возможность спастись.

Узурпатор встретил Болида радостно и ласково, подробно расспросил о деталях побега. А сам всё присматривался к тайному гостю. Болид был умен, подвижен и физически развит. Это заставляло надеяться на благополучный исход предприятия. С другой стороны, Ахей имел большой жизненный опыт и прекрасно знал историю эллинистических царей с предательствами, отравлениями и хитроумными кознями. В душе его гнездились подозрения, не является ли всё происходящее частью спецоперации его врагов? Словом, он не решился вполне довериться Болиду и вдруг сказал, что ему нельзя тотчас выйти из крепости. Он вышлет вместе с Болидом трех-четырёх друзей. Пусть они сойдутся с одним из его верных людей вне городских стен. Тогда и сам Ахей двинется в путь. Но он напрасно решил перехитрить плута. Болид всё рассчитал и был готов к неожиданностям. Он понял, что байка о «трех-четырёх друзьях» рассказана для отвода глаз. Одним из этих «трех-четырёх друзей» будет сам же замаскированный Ахей.

С наступлением следующей ночи Ахей отправил Болида к воротам крепости и велел дожидаться приказов. Сам узурпатор зашел попрощаться с женой, которая находилась в цитадели. При известии о бегстве Ахея женщина упала в обморок. Супруг привел ее в чувство и успокоил как мог. Затем переоделся в убогое платье и вышел в сопровождении вооруженных телохранителей. Одному из них он велел отвечать на все вопросы Болида, а другим прикинуться варварами, которые не понимают по-гречески. Таким образом Болид не смог бы опознать, кто из этих молчаливых «варваров» — Ахей. Это была хорошая хитрость.

Выступили. Вперед послали слугу Болида, хорошо знавшего дорогу. Сам Болид замыкал шествие. Но вот незадача: ночь выдалась темная. Болид не только не мог разглядеть Ахея в его обносках, но вообще не был уверен, тут ли Ахей. Вправду ли он находится среди четырех молчаливых мужчин в неприметных одеждах? Или сидит сейчас в крепости и ждет сигнала, чтобы выступить следом? Болид нервничал и терялся. Он не мог арестовать всех четверых. Если среди них нет Ахея, всё откроется и прекрасный план будет провален. Требовалось что-то решать, и решать быстро.

Дорога со скалы была крута и неудобна. Попадались опасные обрывы. И вот Болид заметил, что спутники поддерживают одного из своих, оберегают от опасностей и обращаются почтительнее, чем с обычным человеком. У хитрого критянина отлегло от сердца. Несомненно, этот человек, с которым так церемонятся охранники, — сам Ахей!

Отряд проходил мимо расщелины, в которой могла укрыться засада. Возможно, такая мысль даже мелькнула в голове осторожного Ахея... И тут послышался пронзительный свист. Это Болид, идущий сзади, подал условный сигнал. Из засады тотчас выскочил Камбил со своими критянами. Не теряя времени, они набросились на врагов, пытаясь обезоружить их. Никто из критян не знал, где Ахей, которого приказано взять живым. А потому незнакомцев убивать не спешили. Вдруг по ошибке уничтожат Ахея?

Но был один человек, который точно знал, который из противников — узурпатор. Этим человеком был Болид. Он бросился на Ахея и схватил его за руки — боялся, как бы тот не

выхватил меч и не покончил самоубийством. На помощь Болиду скоро пришли его товарищи.

Пленника повели к Антиоху.

3. Казнь

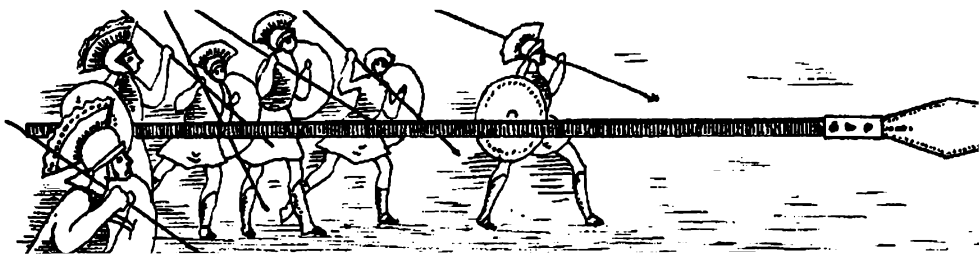
«Царь Азии» ждал исхода предприятия. Свою свиту он отпустил и с двумя-тремя телохранителями пребывал в шатре, не смыкая глаз. Когда Камбил, БOLID и критяне ввалились в шатер, введя скрученного Ахея, и бросили его к ногам царя, Антиох долго хранил молчание. Наконец он заплакал. Полибий пишет, что слезы полились из глаз царя оттого, что он «познал неотвратимость ударов судьбы». Скорее всего, это была просто истерика от долгого перенапряжения. Так плачут иногда солдаты-победители после победы.

Скоро забрезжил рассвет, и в шатер Антиоха стали подтягиваться гетайры на обычный утренний сбор. Каково же было их изумление, когда в шатре они увидели Ахея, распростертого у ног царя в жалкой позе.

Когда первое изумление прошло, гетайры принялись обсуждать, как поступить с Ахеем. Все соревновались в жестокости, чтобы их не заподозрили в сговоре с узурпатором. Решили: прежде всего отрубить несчастному конечности — пальцы рук и ног, нос и уши. Затем отсечь голову, труп зашить в ослиную шкуру и в таком виде пригвоздить к кресту. Это была самая позорная казнь из возможных. Можно вообразить, что перечувствовал в эти минуты Ахей, слушая рассуждения государственных людей о способе собственной казни. Как он жалел, что попался в силки предателя-критянина. А может быть, Ахей вспоминал, как участвовал в возведении Антиоха на престол Селевкидов...

Решение о казни исполнили быстро, и вскоре труп Ахея болтался на кресте на виду у солдат. Воины сирийской армии ликовали. Всем было ясно, что победа близка. Мучительная осада крепости Сард подходила к концу.

В крепости оставалась за старшую Лаодика — вдова Ахея. Тревожно вслушиваясь в крики солдат у подножия скалы и наблюдая их волнение, женщина поняла: ее муж попал в руки врага. Скоро догадка подтвердилась. В крепость поднял-

ся глашатай Антиоха. Он сообщил о гибели Ахея и потребовал сдаться.

Первое время защитники не могли ничего сказать и только разразились стенаниями. Не столько из жалости к Ахею, подчеркивает Полибий, сколько из-за неожиданности этого несчастья. Словом, с ними случилась та же истерика, что прежде с царем. Тем не менее гонца отпустили без ответа. Защитники крепости разделились на две партии. Греки сплотились вокруг Лаодики. Восточные воины признали вождем Арибаза — единственного из крупных военачальников Ахея, оставшегося в живых. Стороны не доверяли друг другу и в конце концов сдали крепость. Лаодика стала одной из жен Антиоха. Судьба Арибаза неизвестна.

В крепости Сард Антиох поместил свой гарнизон. Наместником Лидии стал Зевксид — давний соратник царя, отличившийся в борьбе с Молоном и затем сражавшийся с египтянами. Его верность была вне подозрений. Сатрапия стала наградой этому воину за услуги, оказанные царю.

Покорение селевкидской Малой Азии завершилось (214 год до н. э.). Митридат Понтийский тотчас перешел на сторону Антиоха. Зато царь Пергама Аттал тотчас превратился из союзника во врага. Впрочем, он был достаточно осторожен и ждал удобного момента, чтобы ударить в тыл Антиоху и захватить его малоазийские владения. Но до открытой войны с Пергамом было еще далеко. Антиох восстановил границы державы на Западе. Настало время вернуться к делам Востока — к делам, за которые его назовут Великим.

Глава 5. Второй Восточный поход

1. Война в Софене

На замирение малоазийских провинций Антиоху потребовался по меньшей мере год. Подробности опять же утрачены. Легко предположить, что последовал поход «царя Азии» в горную Писидию, потом были долгие переговоры о статусе греческих городов, расположенных в Малой Азии. К счастью для Антиоха, пергамский царь Аттал в это время начал борьбу

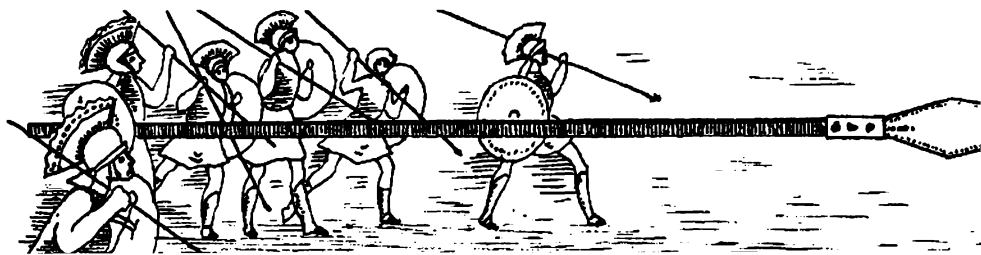
бу с Македонией на стороне римлян. Сама Македония оставалась союзником Карфагена. Грандиозный конфликт, охвативший Западное Средиземноморье и известный как Вторая Пуническая война, приблизился вплотную к границам «Азиатского царства». Но Антиох всё еще не вмешивался в дела Запада. Царю хватало проблем на Востоке. Для того чтобы обеспечить устойчивость царства и получить несколько миллионов новых налогоплательщиков, Антиох решил повторить подвиг Александра Македонского и расправиться со всеми противниками вплоть до самого Инда. Возможно, эта идея возникла не сразу и мы имеем дело не с одним четко задуманным походом, а с серией взаимосвязанных военных предприятий. Но результат оказался один — расширение империи до пределов, очерченных Александром Великим.

Подробности восточных походов Антиоха опять же неизвестны. Ясно, что после замирения Малой Азии базилевс двинулся в армянские страны, чтобы улучшить стратегические позиции своего обширного царства.

Напомним, что таких стран было три: Великая Армения вокруг озер Ван и Севан, Малая Армения к югу от Трапезунда до излучины реки Евфрат, а также Софена в самой излучине. Первой на его пути лежала Софена.

Основателем местной династии стал некто Аршам (260—228 годы до н. э.) — кажется, знатный иранец по происхождению. Он принялся энергично расширять границы маленького царства. Столицей Софены стал город Аршамашат в прекрасной долине между Евфратом и истоками Тигра (сейчас город носит название Шемшат). Царь назвал его без ложной скромности в свою честь. Селевкиды были заняты усобицами и войнами с Египтом. Пользуясь этим, Аршам захватил еще одну приевфратскую область — Коммагену (древняя Куммуха) и основал город Арсамею (грецизированная форма того же имени Аршам). Сперва он выплачивал какую-то дань Селевкидам, но после захвата Коммагены платить перестал. Это и стало поводом для войны, разразившейся, однако, уже после смерти Аршама.

Усиление Софены не могло не встревожить Антиоха. Это маленькое царство захватило контроль над торговыми путя-

ми, ведущими с запада на восток. После захвата Коммагены софенские цари вообще могли перерезать дорогу из Месопотамии в Малую Азию. То есть отделить две части державы Селевкидов друг от друга. Это было недопустимо.

К тому времени Софеной правил юный преемник (может быть, сын) Аршама — царь Хшаярша. Греки на свой манер называли его Ксерксом. В 212 году до н. э. Антиох III напал на Софену и осадил Ксеркса в его столице.

Юноша не отличался храбростью. Едва заметив военные приготовления Антиоха к штурму города (черепahi, башни, катапульты — полный набор осадных достижений греков), он решил бежать. От этого поступка его отговорили советники. Опасаясь, что с потерей столицы он может утратить всё царство, Хшаярша прислал гонца к Антиоху с предложением мира.

Советники Антиоха предлагали сменить династию на софенском троне, передав власть подходящему человеку. Таким был один из местных князьков по имени Митридат — племянник Хшаярши от его сестры. Но базилевс предпочел договориться с уже имеющимся царем, а не испытывать верность нового, который наверняка будет зависеть от временщиков. Антиох вызвал юношу Ксеркса к себе, заключил мир и договорился о размере репараций. Кроме того, он отторг от Софены Коммагену и присоединил ее к своей империи.

В то же время «царь Азии» простил большую часть дани, которую задолжал Аршам. В итоге Ксеркс выложил Антиоху 300 талантов, предоставил 1000 лошадей для кавалерии и столько же мулов. Вскоре выяснилось, что эти силы и средства нужны были Антиоху для нового грандиозного предприятия. Базилевс собирался отправиться на Восток, с которым уже познакомился в ранней юности, когда был наместником «верхних сатрапий» и жил в Экбатанах. Должно быть, эти земли очаровали царя и манили его богатствами и экзотикой. Теперь он возвращался туда уже зрелым мужем.

С Хшаяршей царь Антиох предпочел сохранить дружеские отношения. Он выдал за перса свою сестру Антиохиду. Софена вернулась в круг эллинистических государств. Эти мирные отношения продолжались больше десяти лет.

2. На Восток

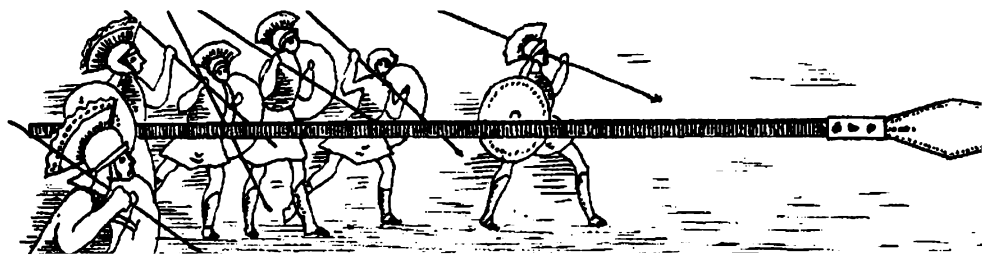
Дело было не только в амбициях царя превзойти великого Александра. Восточный поход был не прихотью, а необходимостью. Пока Антиох разбирался со своими противниками на Западе, многие восточные сатрапии отпали. В других местах сложилась угрожающая обстановка. Прежде всего это касалось Парфии, которую полностью захватили дахи.

Надо сказать, что Древний Иран и Туран (в который входили Туркмения и казахстанские степи) совсем не отличались друг от друга по языку, но сильно разнились по религии и обычаям. Иранцы были оседлым народом и верили в бага — богов. Туранцы являлись кочевниками и верили в дэвов (то есть деусов, или зевсов, если произносить это слово на римский или греческий лад); бага представлялись им чем-то вроде бесов.

Захватив Парфию, дахи слились с местным населением и образовали обновленный этнос парфян. Это были пассионарии, которые не знали равных себе на полях сражений. Они оккупировали прикаспийскую Гирканию, вторглись в Мидию и разграбили ее столицу Экбатаны. Их главной силой была тяжелая кавалерия рыцарского типа. Большую роль также играли легкие конные стрелки, которые изматывали неприятеля и делали его добычей тяжеловооруженных воинов.

Тронным именем парфянских царей было Аршак. Это что-то вроде «цезаря» древних римлян, только на парфянский манер. Поэтому различить тамошних государей бывает довольно трудно. В описываемое время очередным аршаком был Артабан I (ок. 211—191 годы до н. э.). Он выступил на запад, чтобы захватить «верхние сатрапии». Это вторжение вынудило Антиоха поспешить со своими приготовлениями. После победы в Софене он несколько месяцев стягивал силы, а затем отправился в свой самый крупный поход.

Но хотя поход был крупный, но подробностей мы опять не знаем. Даже датировка спорна. Некоторые современные авторы пишут, что он начался в 211 году до н. э. Другие называют более позднюю дату — 209 год до н. э. Но и она — приблизительно. Так или иначе, поход начался; поначалу он напоминал лавину, которая сошла с гор, — настолько велики были силы Антиоха.

Историк III века новой эры Юстин пишет, что в распоряжении Антиоха находилось 100 000 пехоты и 20 000 всадников. Был и слоновий корпус. Другими словами, царь собрал вдвое больше воинов, чем во время войны с Египтом.

Вероятно, какие-то столкновения с парфянами произошли уже в Верхней Месопотамии, и враг был отброшен. Дальше на пути базилевса лежала Мидия. Он занял эту страну, вошел в полуразрушенные Экбатаны и отогнал врага на восток (210 год до н. э.). В следующем, 209 году до н. э. Антиох III вошел в Парфию, преследуя Артабана, силы которого не шли ни в какое сравнение с армией Антиоха. Храброе, но небольшое войско парфян не могло тягаться с имперской военной машиной Селевкидов. Но в творческом духе и воображении парфянам не откажешь. Они решили измотать врага и потом нанести удар.

Между Мидией и Парфией лежит безводная пустыня Деште-Кевир. Артабан увел своих всадников на восток, рассчитывая, что огромная армия Антиоха понесет потери при переходе через пустынные земли. Колодцы вдоль дорог парфянский «аршак» приказал засыпать.

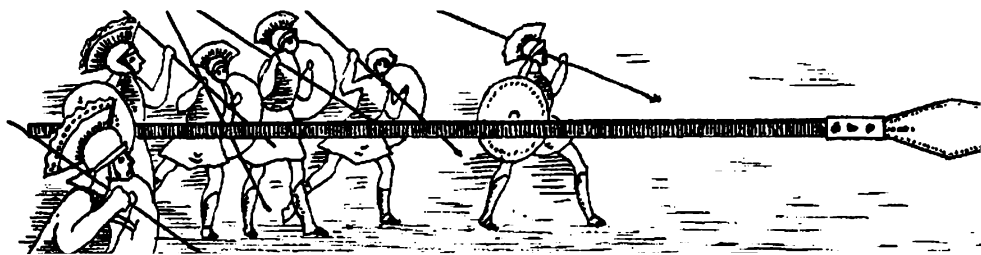
Но парфянской хитрости Антиох противопоставил греческую предусмотрительность. Царь выслал к колодцам тысячу конников под началом храброго офицера Никомеда. Кавалеристы рассеяли парфян и уничтожили один из отрядов, пытавшийся уничтожить источники пресной воды. Больше препятствий не было. Быстрыми переходами армия «царя Азии» форсировала пустыню. Скоро Антиох оказался у южной столицы парфян города Гекатомпила, расположенного юго-восточнее Каспийского моря. На парфянскую столицу, однако, Антиох не пошел, дав отдохнуть армии в ее окрестностях. Город был хорошо укреплен, к тому же на фланге у царя находилось большое войско гирканов — союзников парфян. Атаковать с усталым войском, только что пересекшим пустыню, было безумием, тем более что у стен Гекатомпила его ждали свежие полки Артабана I. Возвращаться тоже было нельзя. Это означало погубить армию. Поразмыслив, Антиох приказал идти на Гирканию — прикаспийскую область, обильно орошаемую дождями.

Шли узкой горной дорогой. Уже в пути Антиох узнал, что теснины заняты неприятельскими войсками, в основном легковооруженными. Тяжелые части греков были в большой опасности. Их могли перебить прямо на марше. Тогда Антиох разделил свои легкие части на несколько отдельных корпусов и двинул их по разным тропам, чтобы расчистить путь. Этим отрядам он придал землекопов и инженеров, которые делали дороги проходимыми для фалангитов и вьючных животных. Это нестандартное решение оказалось для неприятеля полной неожиданностью.

Первый подвижный корпус возглавил Диоген. Царь отдал ему лучников, пращников и горцев, умеющих метать дротики. Горцы действовали врассыпную. Их перебрасывали туда, где присутствие подвижных отрядов было особенно необходимо. Следом шли 2000 критян, вооруженных легкими щитами и луками. Командовал ими Поликсенид с Родоса (впоследствии он встретится нам еще не раз во время войн с римлянами, но уже в качестве адмирала, а не начальника сухопутных войск). Позади маршировали панцирные подразделения с большими щитами и длинными копьями.

По мере того как войска продвигались вперед, тропы оказывались всё круче и уже. Длина подъема на перевал, ведущий в Гирканию, была почти 30 километров. Большую часть пути приходилось идти по глубокому оврагу. Путь затрудняли стволы деревьев и множество валунов. Гирканцы дополнительно устроили в этих местах засеки и завалы из камней. Вражеские воины удобно расположились вдоль оврага, откуда кидали камни и метали стрелы в идущих понизу воинов Антиоха.

Но в их расчеты вкралась ошибка. Гирканцы не предвидели, что Антиох пошлет по дну оврага только тяжелые части, а легкие отряды пойдут по скалам. Взобравшись на кручи, Диоген занял господствующие высоты; его солдаты начали осыпать врага камнями и дротиками. Но губительнее всего оказались пращники царя Антиоха, действовавшие на большом расстоянии и недосыгаемые для гирканцев. Как только эллины заставили отступить передовые отряды варваров, на склонах появились рабочие-землекопы и стали расчищать путь. Это первый для античного мира случай масштабного применения инженерных войск в полевых условиях.

Стрелки и пращники продолжали свое дело. Поднимаясь на высоты, они обстреливали врага. Действуя то кучно, то врассыпную, воины захватывали ключевые позиции и обстреливали врага под прикрытием панцирников с большими щитами. Гирканцы не выдержали комбинированного удара и отступили к вершине перевала.

Поход через горы длился восемь дней. Войска Антиоха медленно и с трудом, но благополучно преодолели теснины. Наконец они достигли вершины перевала, где засели главные силы варваров. Антиох бросил в атаку македонскую фалангу с длинными сариссами. Завязалась жаркая битва. Она продолжалась весь день, но не принесла успеха ни одной стороне. Усталые воины легли спать где придется. Лишь на второй день гирканцев удалось сбить с перевала. Преследовать их Антиох не позволил — он опасался засады и хотел, чтобы войско в полном порядке спустилось с гор.

В долине наткнулись на богатый гирканский город Тамбрак. Полибий пишет, что обширный Тамбрак не был укреплен. Но здесь имелся даже царский дворец, что свидетельствует о важности населенного пункта. Припасов тоже имелось в изобилии. Антиох захватил город и дал войску отдых.

Большинство варваров, бежавших с поля боя, укрылись в соседнем городе Сиринке — столице Гиркании. Базилевс решил взять Сиринк, чтобы разом покончить с неприятельской армией и заполучить главный пункт провинции.

Успех предприятия зависел от инженерных сооружений — главным образом «черепак», подкопов и валов, которые подводили к стенам. Город окружал тройной ров, по краям высилась насыпь с крепкой стеной наверху. Возле нее происходили непрерывные схватки. Дрались не только на земле, но и под землей, потому что инженеры вели подкопы, а варвары копали навстречу. Одновременно рабочие засыпали рвы. Людей у Антиоха было много, инженеры проявили искусство во всем блеске. Рвы удалось засыпать, стены — подкопать сразу в нескольких местах. Когда они рухнули, варвары пришли в отчаяние. Они перерезали всех эллинов, находившихся в городе, взяли наиболее ценное имущество и ночью бежали. Но Антиох был начеку. Он бросил наперерез беглецам своих греческих наемников. Увидев это, варвары вернулись обратно в по-

луразрушенный город, куда уже входили греческие пельтасты. Сообразив, что сопротивление бесполезно, гирканцы сдались. Антиох стал господином Гиркании и получил базу для наступления на парфян.

И тут, на самом интересном месте, рукопись Полибия опять обрывается. По обрывкам из других источников мы можем реконструировать события так.

3. Новый враг и битва на реке Арий

Антиох вышел из Гиркании и снова повернул на Гекатомпил. Здесь, вероятно, произошла крупная битва с парфянами, они были разбиты и отошли на восток, в Ариану. Из текста Полибия явствует, что Антиох осадил самого Артабана или часть его войск в каком-то городе в Ариане. Дела парфянского аршака были плохи, однако он успел заключить союз с восточным соседом Парфии — Греко-Бактрийским царством. Это сразу осложнило положение Антиоха.

Не сказать, что Бактрийское царство переживало подъем, но совершенно точно — преодолело свой первый кризис. Вскоре после того, как начались смуты у Селевкидов, бактры (или бактрийцы) тоже вступили в период развала. Прекратилась династия, произошел распад на несколько царств. Но затем страну вновь объединил один из губернаторов — сатрап Согдианы Евтидем, который провозгласил себя царем. Он оказался таким же решительным человеком, как и его сирийский коллега Антиох III. Если взяться объяснять странный синхронный подъем в Бактрии, Сирии и Македонии (он случился при Филиппе V тоже после периода упадка), то на ум приходит лишь теория Льва Гумилева с его предположением о способности угасающих этносов к кратковременной регенерации. На фоне медленного упадка эллинизма мы видим, как в нескольких царствах энергичные правители ненадолго задержали процесс распада.

Одним из таких правителей был Евтидем I (235—200 годы до н. э.), базилевс заново рожденного Греко-Бактрийского царства. Получив призыв Артабана о помощи, Евтидем оценил масштаб опасности и выступил на запад. Этот бактрийский царь был самостоятелен и абсолютно чужд идее импер-

ского единства. Первые правители Бактрии, которые обрели независимость во время «войны мертвого царя», еще могли ждать прихода законного базилевса с запада. Но с тех прошло больше тридцати лет, сменилось поколение, и новые политики мыслили себя уже в рамках самостоятельного государства.

Разведка донесла Антиоху, что новый враг — бактрийцы — находится в области Тапурия. Эту страну античный географ Страбон помещает к востоку от Гиркании, между нею и Парфией. Точное местоположение ее неизвестно. Географическое указание, приведенное Полибием, вообще трудно истолковать. Он пишет, что 10 000 бактрийских всадников заняли позицию впереди всей армии, на переправе через реку Арий. Река вытекает из Паропамиса, в современном Афганистане, и течет через область Ариану, которая находится далеко к востоку от Парфии. Она никак не может быть связана с упоминанием о Тапурии. Либо сражения происходили на огромном пространстве, либо один из наших источников плохо знаком с географией этих мест. Но исходя из логики событий, поверить нужно Полибию, а не Страбону.

Услышав о приближении врага, Антиох снял осаду парфянского города, в котором укрывался Артабан, и двинулся навстречу бактрийцам. Забегая вперед, скажем, что тем самым Антиох спас парфян. Через полтора столетия после описываемых событий они разрушат Сирийскую державу. Так что ошибка была роковой. Впрочем, событие можно трактовать и иначе. Парфян спас бактрийский царь Евтидем, совершив свой головокружительный марш навстречу Антиоху.

«Базилевс Азии» маршировал к реке Арий, возле которой разведка засекла бактрийцев. От реки его отделяло три дня пути. Два из них он шел с обычной скоростью, а на третий совершил марш-бросок. Перед вечерним отбоем Антиох приказал пехоте сняться с лагеря на рассвете и идти ускоренным маршем. А сам с конницей, стрелками и десятитысячным корпусом пельтастов выступил в поход ночью, чтобы напасть на врага внезапно.

По сведениям, доставленным Антиоху разведкой, днем неприятельская конница караулила переправу в ожидании подхода главных сил Евтидема, а на ночлег удалялась в соседний

городок. Поэтому Антиох рассчитывал переправить авангард своей армии еще затемно, завладеть переправой и встретить Евтидема всей мощью.

Дорога к реке оказалась ровной, Антиох быстро достиг воды. Перед рассветом он успел переправить большую часть своего подвижного корпуса. Эта лихость едва не стоила ему жизни. Бактрийские разведчики предупредили своих. Вскоре 10 000 бактрийских всадников появились у реки и ударили по армии Антиоха, заканчивавшей переправу. Царь понимал, что главное — выдержать первый удар. Вокруг него было 2000 отборных кавалеристов-гетайров в тяжелых кирасах и с длинными кизиловыми копьями. С гетайрами Антиох пошел в контратаку. Бактрийские всадники тоже имели тяжелое вооружение. Когда две конные лавины столкнулись, завязалось сражение не на жизнь, а на смерть. Антиох дрался в первых рядах и проявлял чудеса храбрости. Но к бактрийцам приходили новые и новые отряды на помощь, так что скоро они смяли сирийцев. Под Антиохом убили коня. Царь упал, поднялся. Копье бактрийца пробило ему рот и раскрошило несколько зубов. Захлебываясь кровью, Антиох вновь упал. Казалось, всё кончено. Но тут отовсюду послышался боевой клич — это к сирийцам пришли подкрепления. Воины «царя Азии» отбросили врага. Рану Антиоха кое-как перевязали и перевезли базилевса в ближайший тыл.

Некоторое время в бою царило равновесие. Лишь когда весь сирийский корпус форсировал реку, стало ясно, что атака бактрийцев захлебывается; затем врагов подавили числом. Бактрийцы стали отходить. Сирийцы бросились их преследовать.

Полибий говорит, что была истреблена «большая часть» армии Евтидема. Сам бактрийский царь бежал в свою столицу Бактры.

4. Мирные договоры

Антиох на время оставил Евтидема в покое. «Царь Азии» подлечил раны и вступил в переговоры с аршаком парфян. Артабан укрылся в своих коренных владениях в Туркмении и оттуда просил мира. Антиох не стал искушать судьбу, воюя на два фронта — против бактрийцев и парфян разом.

Он заключил договор с парфянами. Владения Артабана были сильно урезаны, а сам он признал себя данником Селевкидов. Опасность со стороны Парфии миновала, можно было заняться бактрийцами, которые оказались в дураках — парфянский союзник их бросил с невероятной легкостью.

Евтидем восстановил часть своих сил. Однако Антиох без проволочек явился к Бактрам и осадил их (208 год до н. э.). Предание гласит, что осада продолжалась два года. В это время из всех областей Греко-Бактрийского царства, из Согдианы и с предгорий Памира стали поступать известия об отпадении областей и начавшейся анархии. У Антиоха не было ни денег, ни людей для ведения дорогостоящей и многолетней войны с отпавшими областями. Но самое главное — разведчики докладывали о приходе с востока огромных варварских армий. Кто они и чего хотят, никто не знал.

Это были тохары (по-китайски юэчжи) и кушаны — туранские племена, только что разбитые хуннами в многолетней войне на западе современной Монголии и теперь искавшие новую родину. Таковую они видели в Согдиане. Стране угрожало нашествие, а царю Антиоху — рискованное столкновение с непонятным исходом.

Вот тут Евтидем I проявил незаурядный талант дипломата, а базилевс Антиох — чутье опытного политика. Бактрийский царь запросил мира. Антиох отправил в Бактры на переговоры своего приближенного Телая. Евтидем сумел убедить его, что сирийцам невыгодно уничтожать Бактрийское царство. Оно — важный оплот эллинизма на Востоке. Пару десятилетий назад Евтидем справился с анархией и сплотил страну. Сейчас она снова разваливается, и Антиох остановить этот распад не в силах. Но главное, что через реку Яксарт (Сырдарью) переправляются грозные отряды кушанов и тохаров. Их сила — тяжелая конница. Эта бронированная кавалерия сметает всё на своем пути. Если Антиох уничтожит Бактрийское царство, ему придется поселиться на восточной границе и всю жизнь воевать с тохарами. А так — эту проблему берет на себя Евтидем. Он готов защищать эллинистический мир от нашествий варваров.

Антиох признал доводы бактрийского царя вескими и заключил мир. Таким образом, Бактрийское царство сохранилось. Евтидему даже оставили его титул, но он должен был

признать верховную власть Антиоха. Может быть, согласился даже выплачивать дань. Кроме того, он передал Антиоху несколько десятков слонов и обеспечил его армию продовольствием для дальнейшего похода. В знак дружбы Антиох выдал одну из своих дочерей за Деметрия, сына и наследника Евтидема. Сам бактрийский царь довольно быстро восстановил власть, усмирил местных владетелей и отогнал тохаров. Как выяснилось, иметь такого деловитого союзника оказалось для Селевкидов выгоднее, чем превратить его во врага. Правда, продолжалось правление мудрого бактрийского царя недолго. Мир с Антиохом был заключен в 206 году до н. э. А уже в 200 году до н. э. Евтидем I умер, оставив государство двум сыновьям — Деметрию и Евтидему II.

Антиох же спешил дальше. Его влекла цель — восстановить границы империи Александра Великого.

5. Окончание похода

Распроставшись с Евтидемом, Антиох с армией отправился в долину реки Кабул. Эти земли когда-то были отданы Селевком Победителем в собственность индийскому махарадже Чандрагупте в обмен на 500 слонов. Чандрагупта был основателем империи Маурьев. Своего расцвета она достигла при его наследнике Ашоке. Дальнейшая история Маурьев практически неизвестна. Ученые предполагают, что после смерти Ашоки (235 год до н. э.) в стране начались смуты и окраины начали отпадать от нее. Когда Антиох добрался до бывших индийских владений, анархия здесь была полная. Области от Инда до Кермана обрели независимость и управлялись местными князьями. Воспользовавшись ситуацией, Антиох решил покорить их. Он присоединил Паропамисады, когда-то уступленные Чандрагупте. Здесь базилевс встретил индийского правителя — раджу по имени Софагасен. С ним был заключен союзный договор, и Антиох счел страну покоренной. Затем он направился на юг, не переваливая, видимо, через Сулеймановы горы. Следовательно, занял районы современного Западного Пакистана.

Следом за Паропамисадами подчинились лежащие к югу от них области Арахосия и Дрангиана. Отсюда царь двинулся еще

южнее, в Гедросию (современный Белуджистан). Антиох четко повторял путь Александра Великого. Считается при этом, что сирийский базилевс не достиг Инда. Но он выстроил флот и отправил часть армии морем, как Александр. Это означает, что какая-то часть войска все-таки достигла устья Инда и раздобыла лес для постройки кораблей. Затем войско и флот царя повернули в сторону Кармании (Кермана). Достигнув этой провинции, Антиох не успокоился и высадил десант на Аравийском полуострове у арабского торгового города Геры (близ полуострова Бахрейн). Геры откупились от Антиоха богатыми дарами и сохранили независимость. Затем последовала экспедиция Антиоха на Бахрейнские острова. Лишь после этого царь вернулся в Сирию. Предполагается, что этот обратный поход из Бактрии на юг и запад занял два года (206—204 годы до н. э.). Некоторые истории предлагают более позднюю дату возвращения Антиоха — 202 год до н. э., но это невозможно, так как к этому времени царь уже сколотил антиегипетскую коалицию и готовился к войне в Келесирии.

Результаты Восточного похода Антиоха были грандиозны, хотя и недолговечны. Но это не его вина. На современников они произвели громадное впечатление. Придворные тотчас провозгласили Антиоха Великим, намекая на родство его подвигов с подвигами Александра Македонского. Иногда его звали «Великим царем», как монархов Ирана времен империи Ахеменидов.

И вправду, за пять лет Антиох сделал очень многое: захватил Восточный Иран и часть Индии. Разница с его гениальным предшественником была лишь в том, что империя Александра Македонского распалась после его смерти. А империя Антиоха — уже при его жизни.

И всё же мы не можем сказать, что прозвище Великий было продуктом лести придворных. В 223 году до н. э. двадцатилетний Антиох получил полностью разрушенное царство в урезанных границах. Фактически он управлял только Северной Сирией и Вавилоном. Через двадцать лет его империя простиралась от Эгейского моря до Инда. Это говорит о незаурядном даровании царя, умении подбирать кадры и об эффективной политике.

Еще по одной причине сирийский царь заслужил прозвище Великого. Задумаемся, что за империю создал Антиох? Это

было удивительное сочетание покорных сатрапий, полунезависимых царств, вольных городов и союзных владений. То есть сложнейшая система, которую можно смело назвать «империя-федерация». Примерно такой же была древняя иранская империя Ахеменидов, такой станет империя парфян. Для управления этой системой требуется огромный талант правителя. А еще — наличие большого числа пассионарных соотечественников, готовых пожертвовать собой ради имперской идеи. Талант у Антиоха, несомненно, был. А вот с энергичными соотечественниками дела обстояли сложнее. Это и погубило начинания «Великого царя». Но прежде чем рассказать о дальнейших событиях его правления, посмотрим, что за империей управлял Антиох, и попробуем понять, чего он хотел.

Глава 6. Империя Селевкидов

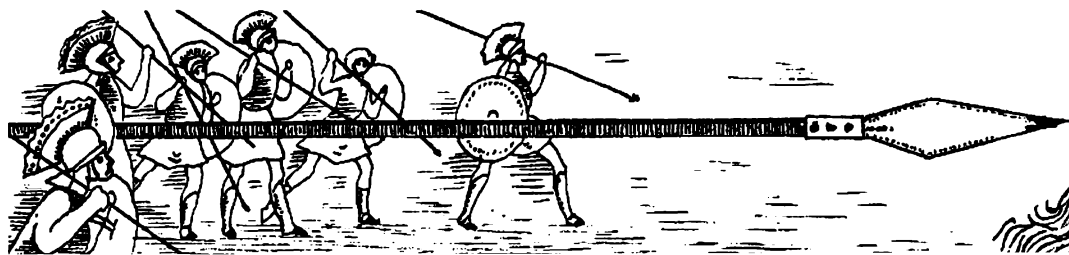
1. Сатрапии

Территория государства Антиоха делилась на сатрапии, то есть губернии. Это искаженное греками персидское слово. Древние иранцы называли губернатора «кшатрапаван» — «смотрящий» (за порядком). Греки переименовали это слово в «сатрап». Такие губернаторы осуществляли военную и гражданскую власть, чинили суд, собирали налоги. В свою очередь, сатрапии делились на епархии. Если сатрап — это губернатор, то епарх, в современном варианте, — глава района. Во времена первых Селевкидов таких епархий было 72, и их не следует путать, как иногда бывает, с более крупными территориальными единицами.

После Восточного похода количество сатрапий выросло, а территория государства стала даже более обширной, чем во времена основателя династии — Селевка Победителя. Перечислим эти сатрапии с запада на восток.

У берегов Эгейского моря лежала Лидия со столицей в Сардах. За обладание этой территорией Селевкиды вели длительную борьбу с Пергамом и собственными узурпаторами, последним из которых оказался Ахей. Здесь имелось множество долин, пригодных для земледелия, а в горных ручьях стара-

тели добывали минерал электрум — самородную смесь золота и серебра, из которого чеканили монету. В состав сатрапии не входили прибрежные территории — например, область Кария подчинялась египетской колониальной империи, а Ликия и Памфилия присягали то Пергаму, то Египту, то обретали независимость. За власть над прибрежными греческими городами Эолиды и Ионии тоже приходилось постоянно бороться то с Пергамом, то с Египтом.

Далее на восток шла Киликия. Внутренние районы, расположенные в горах Тавра, принадлежали Селевкидам, а приморские крепости — Египту. Восточнее располагалась Северная Сирия — сердце империи. Главным городом в ней была Антиохия, населенная греками и македонянами; она представляла крупный административный, ремесленный и купеческий центр. Торговлю Антиохия вела через пригородный порт Селевкия-на-Оронте. Киликия и Северная Сирия образовали сатрапию под названием «Селевкида».

Еще восточнее, между Тигром и Евфратом, лежали две сатрапии: Вавилония и Междуречье (Месопотамия). Первая из них располагалась в современном Южном Ираке вокруг Вавилона — огромного города, который постепенно приходил в упадок из-за заболачивания окружающей местности и засоления почв. Когда-то в глубокой древности земля Вавилонии отличалась невероятным плодородием, но со временем люди всё испортили. Почву использовали столь хищническим образом, что она стала превращаться в пустыню. К югу от Вавилонии, на берегу Персидского залива, лежала область под названием «Приморье» (или «Месена») — вероятно, она то входила в состав Вавилонии, то становилась отдельной сатрапией.

Месопотамия в древности была степным краем, а посреди степи высились укрепленные города, снабженные гарнизонами, которые осуществляли контроль над провинцией.

К северу от Месопотамии лежала Великая Армения, недавно завоеванная Антиохом. Там на альпийских лугах паслись отары овец, а в низинах трудились земледельцы, выращивая злаки и виноград.

К востоку от реки Тигр начинались «верхние сатрапии». Первой и самой значимой из них была Мидия со столицей в Экбатанах. К югу от нее лежала Сузиана (Хузистан) со сто-

лицей в древних Сузах, когда-то бывших центром могучей дравидской империи Элам, простиравшейся от берегов Тигра далеко на восток. Между Мидией и Сузианой лежала Элимаида — часть Элама, которую ученые считают отдельной сатрапией. Ее жители всё еще верили в древних богов и приносили сокровища в храмы. Именно здесь оборвется жизнь Антиоха Великого через пару десятилетий.

Далее на восток от Хузистана располагалась Персида (современный Фарс), населенная иранцами. Здесь всё еще горели священные чистые огни Арты, жрецы проповедовали зороастризм, а его адепты старались не смешиваться с чужеземцами. Греки взяли под контроль ключевые города этой страны, но во внутреннюю жизнь населения не вмешивались.

Еще восточнее находилась Карамания (Керман) со столицей в одноименном городе. Значительную часть этой сатрапии занимали пустынные земли, поэтому она была реже заселена, чем Персида, а жили в ней те же иранцы. Здесь заканчивалась реальная власть селевкидских царей.

Дальше лежали редконаселенные области Арахосия, Гедросия и Дрангиана (нынешние Систан и Белуджистан). Обычно ученые включают их в состав империи, но управлялись они особыми сатрапами или имели одного наместника, который собирал дань с местных «вождеств» — неизвестно.

Столь же неопределенным остается статус провинций, лежавших на территории Афганистана и Пакистана, захваченных после Восточного похода Антиоха. Это Паропамисады и Арейя. Либо царь назначил сатрапами местных вождей, либо оставил зависимые царства. Похоже, произошло первое, потому что ни о каких зависимых царях упоминаний в наших источниках нет. В других случаях об этом говорится прямо. Сейчас мы разберем эти случаи и перечислим зависимые царства.

2. Зависимые царства

С самого начала своей истории Селевкиды создавали вдоль границ государства-сателлиты, которые помогали держать оборону на окраинах. Таким государствам передавалась часть имперской власти, а взамен они платили дань (гораздо меньшую, чем регулярные налоги, потому что часть доходов

сателлита уходила на содержание собственного двора и армии) и выставляли вспомогательные войска в случае необходимости. Впоследствии мы увидим, как в армиях Антиоха Великого сражались, например, парфяне (но не бактрийцы, которым приходилось вести тяжелую войну с тохарами).

Иногда грань между сателлитом и союзником оказывается довольно зыбкой. Некоторые союзники формально признавали власть «Великого царя» и даже выставляли воинские контингенты ему на помощь — как, например, понтийские или каппадокийские цари. Но это именно союзники, а не вассалы. Их отношения похожи на дружбу Белоруссии и России. Старший партнер постоянно задабривает младшего. В то же время младший понимает, что в случае краха старшего обречен на быструю и мучительную смерть. Ради этого он идет на частичное ограничение собственного суверенитета во внешней политике, идя в фарватере «старшего брата». Помимо Понта и Каппадокии такими союзниками были набатейские арабы, жившие на территории современной Иордании, а также вольные греческие города или конфедерации.

Зависимых царств было немного. Во-первых, это Атропатена, или Атурпаткан. Подчинив его, Антиох обрел контроль над значительной частью Закавказья, включая территории современных Грузии и Азербайджана. Следующим зависимым государством сделалась Парфия. На современных картах в нее включают Гирканию и весь Хорасан, но это неправильно. Антиох значительно урезал территорию Парфянского царства. Вероятно, Гиркания была включена непосредственно в состав Селевкидской империи. Парфянам оставили современную Южную Туркмению (там, где находится Ашхабад) и Северный Хорасан. Наконец, еще одним государством-сателлитом стала Бактрия. Она больше других вассалов выиграла от обретения нового статуса. Бактрийские владения практически не были сокращены, цари сохранили титул, от них не требовали вспомогательных войск. Зато Бактрия восстановила прямые связи с греческим миром, ранее перерезанные парфянами. Не исключено, что бактрийские базилевсы переманивали к себе эллинов из далекой метрополии. Это позволило влить свежую кровь в бактрийское царство, и оно просуществовало несколько десятков лет, прежде чем пасть под на-

тиском тохаров. Да и то гибель была неокончательной: часть греков-бактрийцев вторглась в нынешний Пакистан и основала так называемое «Индо-Греческое царство», которое нужно рассматривать как прямое продолжение эллинистической Бактрии.

Наконец, последним зависимым царством оказалась Софена, но вскоре она была ликвидирована и превратилась в сатрапию. Об этом мы еще расскажем.

На современных картах изображено еще одно зависимое государство — Великая Армения, но такое обозначение — плод осторожности ученых-историков. Античный географ Страбон пишет, что Антиох создал на месте Армении сатрапию, а не царство-сателлит. Мы склонны верить информированному античному ученому, а не современным интерпретаторам.

Таков был круг имперских вассалов. Теперь, когда определены их обязанности и место в системе Селевкидского царства, вернемся к проблемам внутреннего имперского устройства.

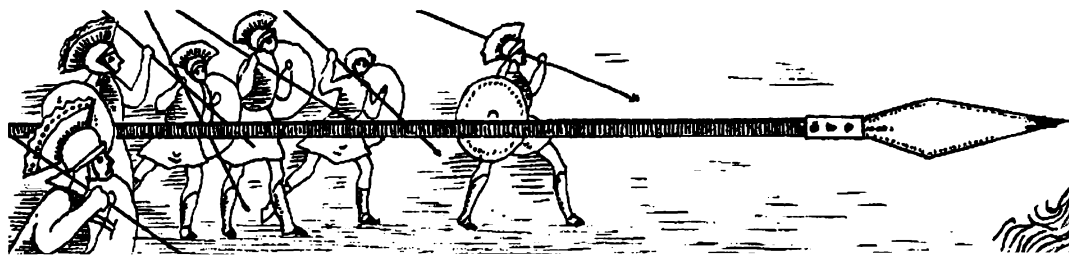

3. Власть сатрапов и федеративные договоры

Мы уподобили сатрапов губернаторам, но их обязанности были гораздо сложнее обязанностей их современных коллег. Империя Селевкидов — это федеративное, а не унитарное образование. Поясним.

Каждая сатрапия представляла собой пестрое объединение общин, племен и союзов с разным правовым статусом. Один из самых ярких примеров — Лидийская сатрапия. Ее границы трудно определить. На западе, на морском побережье, мы видим греческие полисы, которые объединялись в две области — Ионию и Эолиду. Одни из этих городов-полисов сохраняли известное самоуправление, другие — вообще пренебрегали властью царя, третьих удалось усмирить или переселить в другие места. На юге лежали две области — Ликия и Памфилия. Часть районов в этих областях контролировала купеческая Родосская республика, другую часть — египтяне. А в континентальных районах жили племена, которые подчинялись сатрапам Антиоха лишь формально. На востоке лежала горная Писидия, которая время от времени отлагалась и всегда

жила по своим законам. В самой Лидии обитал местный этнос — лидийцы, наследники древнего индоарийского народа. Ему была уготована скромная роль тружеников и налогоплательщиков. Рядом жили греки, которые были чиновниками, купцами, актерами... И над всей этой массой разноязычных, зачастую не понимающих друг друга людей возвышался сатрап. Неудивительно, что Антиох назначил наместником этой области проверенного Зевксида, который отличался умением принимать решения в самых тяжелых ситуациях. Но даже Зевксид не смог удержать контроль над сатрапией. Враждебность соседнего Пергамского царства и постоянные волнения племен сделали его власть призрачной. Потребовались вмешательство самого царя и огромные усилия для того, чтобы обуздать провинциалов. А ведь это лишь одна область Селевкидской монархии. Легко представить, какого внимания требовали к себе остальные сатрапии и какая нагрузка падала на царя. Не каждый мог выдержать столь напряженную деятельность. Это объясняет, почему мы скоро увидим другого Антиоха — усталого и опустошенного.

Итак, подведем итог. Каким образом управлялись сатрапии? Во главе стоял губернатор. Вокруг него формировалась провинциальная элита. Первым сортом были македоняне и греки: воины, чиновники, купцы. К ним пытались прикнудить представители местных элит — деловые люди, племенные вожди, жрецы. Разумеется, это создавало почву для коррупции, потому что решение, кого принять, а кого отвергнуть, регламентировалось не законом, а вкусами и предпочтениями сатрапов.

Сатрапы контактировали с греческими полисами, расположенными на их территории. Но полисы старались заключить нечто вроде «федеративного договора» напрямую с царем, чтобы не зависеть от его наместников. Это было разумно.

Впрочем, ни царя, ни его придворных не устраивало, что на его территории существуют свободные города. Поэтому базилевс старался урезать их права. Как правило, сохранялось внутренне самоуправление, но города лишались права вести самостоятельную внешнюю политику и обязывались выплачивать какие-то суммы в имперскую казну. Это было логично. Если бы какой-то полис сохранил право объявлять войну и за-

ключать мир, империя либо развалилась бы из-за внутренней борьбы, либо рухнула из-за безответственности отдельных городов, которые втянули бы царей в большие войны.

Но были и города другого типа — наряду с полисами возникали симполитии, куда переселялись жители полисов. Управлялись они царскими чиновниками. Таким городом была, например, Антиохия.

Кроме того, в состав сатрапий входили военные поселения. По сути, это были солдатские лагеря с женами и детьми, подчинявшиеся царю.

Наконец, в сатрапиях могли жить разные племена и народы. Некоторые из них пытались выстроить отношения с сатрапами, но большинство считало гораздо более выгодным наладить контакт с царем через его канцелярию. Всё это превращало сатрапии в пестрые лоскуты с непродуманной до конца системой управления.

Но и это еще не всё. Значительную долю хаоса создавало управление собственностью, которое было таким же пестрым и причудливым, как сама империя.

4. Собственность

Главным источником богатства в то время была земля. Больше земли — больше богатств и возможностей для подчинения людей.

Эллинистическое право базировалось на признании института частной собственности. Главным собственником являлось государство. Например, государству принадлежали табуны коней в Мидии, необходимые для снаряжения кавалерии. В той же Мидии, Персиде, Вавилонии, Сирии имелись многочисленные государственные поместья. Кроме того, царю и его семье принадлежали личные владения, которые в науке не очень удачно называют термином «домен», заимствованным из французского Средневековья.

Постепенно землей обзаводились приезжие греки, хотя этот процесс был замедлен по двум причинам. С одной стороны, царь не хотел, чтобы рядом с ним выросли поместья крупных греческих землевладельцев. С другой — общины и местные племена не горели желанием отдавать свою зем-

лю и вообще не любили греков. И всё же прослойка частных землевладельцев росла. Это были не только латифундисты, но и греческие общины, переселявшиеся на Восток.

Сохранялись и прежние хозяева земельных угодий. Это были общины земледельческих народов — персов, эламитов, коренных сирийцев. Кроме того, земельные владения принадлежали многочисленным архаическим (иначе говоря, первобытным) племенам, жившим на территории царства Селевкидов.

Крупным земельным собственником являлось храмовое жречество, в столкновении с которым Антиох и погибнет. Храмы играли роль «социальных фондов», которые могли прокормить людей в годы бедствий — неурожаев, эпидемий и т. д. Правда, свойственная людям жадность скоро заставила жрецов забыть о первоначальной функции, но влияние их на людей было огромно. Вообще особенностью людей Востока оказался мистический настрой и тяга к сверхъестественному. Было и обожествление власти. Столкнувшись с этим, еще Александр Великий провозгласил себя богом, что вызвало насмешки скептических греков. Селевкиды последовали его примеру. Тот же Антиох Великий устраивал собственный культ и культы членов своей семьи специально для восточных подданных.

Здесь мы подходим к очень важному моменту. Нужно развеять миф о восточных деспотиях. Если мы приглядимся к империи Антиоха, то поймем, что перед нами — страна лично свободных людей. Мы привыкли считать, что III век до н. э. — это эпоха господства рабовладельческой формации, но это абсолютно не так. На Дальнем Востоке, в Китае, в это время было создано жесткое общество династии Цинь, и глава страны Цинь Ши-хуанди установил режим террора против своих подданных во имя государственного единства. В Великой степи были созданы уникальные империи хуннов и тохаров. Это архаические родовые общества, что не мешает им строить мощные государства. Рабства они не знают.

В Индии присутствует жесткая система каст, но тоже не рабовладение.

Классический рабовладельческий режим создан в Древнем Риме и некоторых полисах Греции вроде Афин. В первом случае

мы видим огромные мануфактуры и латифундии, на которых трудятся сотни тысяч рабов, во втором — государственные рудники Лавриона, где для Афинской политии (республики) десятки тысяч рабов добывают серебро. А всего в маленьких Афинах сосредоточено 400 000 рабов. Примерно такие же порядки мы наблюдаем в крупнейших эллинистических центрах Египта.

Перед нами классическое рабство, но в империи Антиоха его нет. Монархия Селевкидов устроена совсем по-другому. Как, впрочем, и весь остальной мир. В империи Антиоха есть несколько очагов рабства, и эти очаги расположены в греческих полисах Малой Азии — скажем, в Эфесе. Но чем дальше на восток, тем больше свободных людей. Они живут в общинах или в племенах и при этом лично свободны.

Может быть, Восток не воспринял греческие и римские идеи промышленного рабовладения в силу своей отсталости? Европа любит объяснять отсталостью всё, что не похоже на нее.

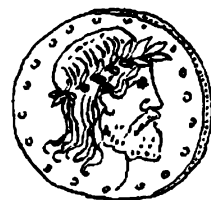
Нет, все восточные сатрапии Селевкидов со временем воспримут феодализм, минуя стадию рабовладения. Как и значительная часть других обществ. Следовательно, перед нами не отсталость, а просто игнорирование «неудобной» модели и выбор иной, более приемлемой.

Какова же система Селевкидов? Перед нами этническая и социальная химера. Этническая — потому, что греческий этнос, совершенно чуждый Востоку, узурпировал власть на огромном пространстве от Инда до Эгеиды и превратился в правящий класс. Социальная — потому, что мы видим несколько разнородных общественных групп и формаций, сшитых в единый государственный организм. Империя Антиоха — это мир архаичных обществ, племен и общин, над которыми возвышаются более развитые греки. Но греков слишком мало, и этот мир трещит по швам. Однако значит ли это, что идея империи вредна или неверна? Ни в коем случае.

5. Имперский мир Антиоха

Попробуем кратко объяснить причины появления империй и смысл их борьбы за существование.

Первый, самый простой способ общественной организации — это племя. Такой строй зовут родоплеменным или ар-

хаическим. Люди, живущие на этой стадии, отнюдь не являются примитивными. Просто — не значит плохо. Эти общества могут создавать государства и даже империи, иногда уничтожая и покоряя более сложные организмы. Например, архаическое общество восточных славян создало Древнюю Русь, а хунны, монголы и тюркюты образовали громадные степные империи, причем в случае монголов разрушили несколько высокоразвитых цивилизаций.

Но общество может развиваться и другим путем. Тогда племя превращается в город-государство — полис или ном. Пока население планеты было относительно редким, такая форма вполне оправдывала себя. Затем население стало расти, и появились другие механизмы управления людьми, а вместе с ними и другой формат государств — империя. Империи включали в себя и полисы, и архаичные племена. Это были экспериментальные государственные образования. Сперва они возникли на Ближнем Востоке. Среди них Древний Египет, затем Ассирия, Мидия, Вавилон, царство Ахеменидов. На Дальнем Востоке империей стал Китай, в Индии — держава Маурьев. Было много неудачных экспериментов, империи распадались, но на их месте создавались новые.

Одним из таких экспериментов была империя Александра Македонского. Этот эксперимент оказался жесток, но неизбежен.

Царство Александра распалось на три более мелкие империи — Египет, Македонию и «Азиатское царство». Каждое из них претендовало на гегемонию, но силы оказались равны. И тут на сцене появилась новая молодая империя — Рим. Пусть не вводит нас в заблуждение юридическая формула, согласно которой мы имеем дело с Римской республикой, управляемой консулами и сенатом. Пройдет время, и эта форма правления утратит эффективность, после чего верховная власть перейдет к императорам, они обеспечат стабильность. С одной стороны, императоры будут охранять элиту от революции черни, а с другой — обеспечат простолюдинам метрополии вполне приемлемое и сытое существование за счет ограбления окраин. При этом жители этих окраин станут щедро получать римское гражданство и сделаются опорой императоров в провинциях. Не пытался ли построить подобное го-

сударство Антиох Великий? Очень похоже. Напрашивается поспешный вывод, что царь намного опередил свое время, но это не так. Антиох шагал в ногу со временем и пытался осуществить один из имперских вариантов на подвластной территории. Но у него не было сил и средств для строительства долговечного имперского здания. Это будет хорошо видно из дальнейшего изложения.

А вот у римлян такие средства нашлись. Причем не в последнюю очередь благодаря таким качествам, как агрессивность, коварство и невероятная жестокость их лидеров. Культурный и несколько утонченный мир эллинизма спасовал перед грубой силой и беспринципной хитростью римлян. Подробности этой драмы мы изложим в следующих главах. А пока расскажем о том, как завязался узел противоречий между Римом и его эллинистическими противниками.

Глава 7. Реванш в Келесирии

1. Тайный договор

В самый разгар Восточного похода Антиох узнал, что в Египте умер фараон Птолемей IV (205 год до н. э.). Сам ли фараон ушел из жизни, или ему помогли — история темная. После смерти Птолемея IV остались его маленький сын Птолемей V и масса проблем. Фараон полностью развалил страну. В ней бушевали восстания. На социальный фактор (выступление черни против потерявших совесть богачей) накладывались национальные противоречия. Копты бунтовали против греков.

Антиох Великий счел момент очень удобным для того, чтобы рассчитаться с египтянами за поражение в битве при Рафии, а заодно взять наконец Келесирию. Это было деяние, достойное «Великого царя».

Нашелся союзник — македонский царь Филипп V из династии Антигонидов. Он только что закончил войну на Балканах с Римом и его греческими союзниками. Следовательно, был свободен для новых авантюр.

Два базилевса — сирийский и македонский — пришли к власти в своих царствах почти одновременно, они были в чем-то похожи. Оба — великие воители. Оба расширили границы своих владений. Союз между Селевкидами и Антигонидами уже стал традицией. Он насчитывал несколько десятков лет — целую вечность по меркам того беспокойного времени. Но кажется, эти решительные полководцы и хитрые политики — Филипп и Антиох — симпатизировали друг другу. Правда, эта симпатия скоро пройдет. Антиох не поможет Филиппу в трудный час, а Филипп выступит на стороне римлян против Антиоха. Но пока — двое сильных царей решили поделить владения слабого.

Историк Аппиан, писавший свои сочинения в римскую эпоху, сообщает, что сирийский и македонский базилевсы договорились о разделе владений малолетнего Птолемея V «на берегу». Антиох претендовал на изолированные египетские крепости в Ликии и Киликии. Что это за крепости, история умалчивает. Ясно лишь, что египтяне удерживали их в течение нескольких десятков лет. Нет сомнений, что крепости были гнездами заговоров против Селевкидов. Здесь дрессировали шпионов, снабжали горцев оружием, отсюда подбивали греков на мятежи. Словом, Антиох хотел уничтожить врага, забравшегося в дом. Он также претендовал на Келесирию, Финикию и Кипр. Тот же Аппиан приписывает ему желание захватить весь Египет, но это преувеличение. Очевидно, что Филипп не позволил бы ему это сделать. Такое усиление «Азиатского царства» угрожало бы безопасности Македонии.

Сам Филипп получал в случае победы Южную Фракию (она была захвачена еще Птолемеем II и с тех пор удерживалась египтянами), Карию в Малой Азии (этой областью владел в свое время дед Филиппа, пока ее не отняли фараоны), Кикладские острова и Кирену. В случае удачи Македония превратилась бы в крупное царство. Почему Антиох Великий готов был допустить это? Дело, разумеется, не в гипотетической симпатии «азиатского царя» к своему македонскому коллеге. На Западе усиливался Рим. Подходила к концу 2-я Пуническая война. В 202 году до н. э. карфагенские войска, которыми командовал Ганнибал, потерпели страшный разгром в битве при Заме. Но еще до этого всем было ясно, куда клонится ча-

ша весов. Может быть, прозорливый Антиох хотел использовать Филиппа как противовес против Рима? Ничего невероятного в этом нет. На «царя Азии» иногда снисходили озарения. А может, дело было в дипломатическом искусстве Филиппа. Как бы то ни было, тайный договор был заключен, и два царя принялись готовить войска к нападению на владения третьего.

2. Проблемы хронологии

Хронология этого периода сильно запутана. Некоторые ученые датируют дату смерти Птолемея IV 203 годом до н. э. В этом есть своя логика. Активные военные действия Антиох и Филипп начали против Египта не ранее 200 года до н. э. Если мы решим, что тайный договор между сирийским и македонским царем был заключен раньше, трудно объяснить, почему базилевсы медлили всё это время. Заодно подвергается сомнению верхняя дата возвращения Антиоха Великого с Востока (204 год до н. э.). По этой версии «Великий царь» явился в Сирию лишь в 202 году до н. э.

Но противоречие — кажущееся. Войны в то время разворачивались медленно. От формального начала конфликта до боевых столкновений проходили целые месяцы. Периоды активных действий чередовались с продолжительными затишьями. Так что ничего удивительного в нашем случае нет.

Предположим, что Антиох III вернулся из Восточного похода в 204 году до н. э., как и предполагает большинство историков. Прибыв в свою столицу, он узнал подробности о смерти Птолемея и получил донесения о волнениях в Египте. В 203 году до н. э. «Великий царь» вступил в переговоры с Филиппом. А в 202-м — начал военные действия. Они текли вяло. Почему? Просто Антиох переформировывал армию для нового похода. Косвенно это подтверждается вот чем. Имена высших греческих офицеров в его войске постоянно меняются. Думается, это происходит не только потому, что люди погибали в битвах или старели и уходили на отдых. Большинство военных специалистов служили по контракту. Службу в азиатских горах или сирийских пустынях легкой не назовешь. Особенно для греков и македонцев, привыкших к другому климату. Поэтому когда истекал срок службы, многие офицеры (да

и солдаты) возвращались по домам. Чтобы наберечь новых, требовалось время. Его-то и не учли позднейшие историки, видимо полагавшие, что армии, ресурсы и деньги появляются из ниоткуда как по волшебству. Между тем формирование каждой армии было труднейшим организационным, экономическим и техническим процессом, в который вовлекались сотни тысяч людей.

Итак, первый период войны с Египтом восстанавливается следующим образом. Сначала в нее вступил Антиох. Филипп присоединился позже. «Великий царь» начал военные действия с мелких схваток в Финикии и Келесирии. На какое-то время ему удалось захватить значительную часть этих провинций. Однако затем начались трудности. Египтяне наняли удачливого полководца Скопаса, грека из горной области Этолия, и Скопас сумел вытеснить отряды Антиоха из Келесирии.

В тылу у «царя Азии» начались заговоры и мятежи. Проблемы возникли с самой неожиданной стороны. Правитель Софены Хшаярша (знакомый нам Ксеркс) подрос, возмужал и начал плести интриги. Вероятно, он сговорился с государем родственной Великой Армении, который тоже опасался Антиоха. И в Армении, и в Софене правили арийские династии. Они страстно мечтали выгнать врагов из Азии и вернуть всё на круги своя. То есть перед нами попытка иранского реванша. Правда, сил для реализации этих планов не было. Но у Антиоха имелись все основания усомниться в лояльности вассального царька Софены. Опасения быстро перешли в уверенность. Хшаярша был женат на сестре базилевса. Она выполняла не только обязанности супруги, но и шпионские функции.

В 201 году до н. э. Антиох явился в Софену и сместил Хшаяршу. Вместо него правителем стал военачальник по имени Зариандр. Сопровождался ли этот переворот какими-либо эксцессами, неясно. Кажется, всё произошло вполне мирно. Затем последовал короткий поход Антиоха в Армению. Там без войны явно не обошлось. Селевкид бросил войска в Армянское нагорье и сверг царя Великой Армении Ерванда IV (ок. 212—200 годы до н. э.). Армения и Софена утратили свободу и превратились в сатрапии. Во главе «великих армян» Ан-

тиох поставил местного князя Арташеса. Тот претендовал на происхождение от царской династии Ервандакан, правивших в Великой Армении, то есть принадлежал к числу местной знати.

Смутное сообщение о переворотах в Армении и Софене содержится у Страбона. Античный географ пишет, что эти страны захватили два военачальника Антиоха: Зариандр (Зарех) и его сын Арташес (Страбон называет его Артаксий). В награду оба получили наместничества в захваченных странах. Отец — Зариандр — стал сатрапом Софены. Более удачливый Арташес превратился в наместника Великой Армении. Столицей ее был Армавир. Позднее Арташес с помощью небезызвестного Ганнибала, бежавшего с родины и скитавшегося по Азии, выстроил для себя новый административный центр Артаксату.

3. Появление римлян

Итак, Антиох рассчитался с армянами и возобновил войну против Египта. Однако за это время многое изменилось. Союз Македонии и «Азиатского царства» напугал греческих правителей. Прежде всего — пергамского царя Аттала, который оказался зажат между владениями Филиппа и Антиоха. Аттал немедленно сколотил коалицию против этих царей. В нее вошли Египет, Пергам, Родос и критские города.

Филипп V напал на врагов и смог разбить их поодиночке, загнал Аттала в его столицу, отобрал у египтян часть малоазийских городов и полностью оккупировал Карию — область на юго-западе Малой Азии, в которой находилось одно из чудес света — великолепный Мавзолей, гробница царя Мавзола.

Казалось, Македония на подъеме. Но пройдет всего три года — и римляне, высадившись на Балканах, в жестокой битве при Киноскефалах уничтожат македонскую армию. А с ней — и независимость Македонии. Она превратится в страну с ограниченным суверенитетом.

Впрочем, пока об этом никто не знал. Во время малоазийской кампании Филипп попросил поддержки у сатрапа Лидии Зевксида, героя первых войн Антиоха. Но со времени этих

войн прошло двадцать лет, Зевксид был уже немолод и осторожен.

Он обещал Филиппу помочь людьми и продовольствием, но фактически саботировал все его просьбы. Может, он не хотел понапрасну враждовать с пергамским Атталом, который воевал против Македонии, но не против Антиоха. Может, был подкуплен пергамцами. А может, имел тайные инструкции от самого Антиоха не помогать македонцам. Ведь Антиох не хотел чрезмерного усиления позиций Филиппа в Малой Азии. Наоборот, был заинтересован в том, чтобы Филипп увяз в войне и возился с врагами подольше.

Именно с этой точки зрения и расценил саботаж Зевксида Филипп. Он решил, что наместник действует по тайному указанию Антиоха. Между македонским царем и его азиатским напарником произошло охлаждение.

А что же сам Антиох? После разгрома армян он собрал большое войско и бросил его на юг. Пора было вновь захватить Келесирию. Эту провинцию оборонял уже известный нам этолиец Скопас. Он располагал небольшим пехотным корпусом. При появлении Антиоха Скопас сумел отвести 6000 солдат в Египет. В то же время какие-то египетские отряды остались в укрепленных городах Келесирии, чтобы противостоять Антиоху, как это уже бывало не раз. Царь принялся методично осаждать крепости. Это составило основную часть кампании 199 года до н. э.

И тут заявил о себе новый противник — Рим.

Что знал о нем Антиох? Очень мало. По форме правления это была аристократическая республика, управляемая парой десятков семей. Каждый римский гражданин был обязан служить в армии, а граждан имелось примерно 300 тысяч.

Почти половину правления Антиоха римляне воевали с Карфагеном (218—201 годы до н. э.) и примкнувшим к нему Филиппом. Карфагенский военачальник Ганнибал оказался талантливым тактиком, но бездарным стратегом. Он нанес страшное поражение римлянам в битве при Каннах, но не сумел воспользоваться этой победой, затянул войну и проиграл ее. В битве при Заме Ганнибала разбил римский аристократ Публий Корнелий Сципион — военная звезда первой величины. После этого война закончилась, а Ганнибал нена-

долго стал верховным правителем Карфагена. Вскоре «царь Азии» вступит в переговоры с Ганнибалом, прощупывая, насколько тот силен и готов ли заключить оборонительный союз.

Еще Антиох мог знать о существовании великого инженера и математика Архимеда, жившего в Сиракузах и убитого римлянами. Царь Сиракуз имел глупость примкнуть к Карфагену... и был осажден римскими легионами. Архимед изобрел множество приспособлений для уничтожения римских солдат и флота. Он поднимал корабли с помощью каких-то машин и разбивал их, сбрасывая вниз, а также сжигал с помощью зеркал, отражавших солнечные лучи. Но одна ласточка весны не делает: Сиракузы пали, несмотря на все таланты Архимеда как военного инженера, и ученому выпустил кишки какой-то легионер.

Вряд ли Антиох Великий сожалел об этой смерти — царю было не до того, он постоянно воевал, формировал армии, занимался проблемами снабжения, дипломатическими переговорами... За всеми этими делами падает ценность отдельной человеческой жизни.

Римлян он недооценивал. Ясно, что ни Антиох, ни Филипп V не думали о том, что римляне под предлогом защиты эллинов и египтян начнут новую войну почти сразу после того, как закончили старую. Борьба с Ганнибалом обошлась очень дорого. Римских граждан погибло столько, что пришлось пополнить ущерб за счет того, что в них записывали жителей родственных италийских племен, каковых имелось довольно много. В общем, по всем расчетам римляне не были готовы ввязываться в новый конфликт. Но эти расчеты опрокинула суровая действительность. Антиох и Филипп судили противника по себе. Оба царя были энергичны, храбры, но отнюдь не жертвенны. А противник оказался совсем другим. Он мог совершать сверхусилия для победы.

Но это всё, что можно сказать хорошего о Римской республике. Цель у этих жертв была довольно примитивна: захват сокровищ, земель и рабов для той самой горстки олигархов, которая правила Римом. Сперва олигархи сохраняли скромность, но затем вошли во вкус, и их ненасытность стала настоящей бедой для всего населения Средиземноморья. Но в описываемое время эта хищническая система только нача-

ла складываться. Суровый Рим был крайне агрессивен, однако выступал под личиной демократии, играя роль верховного арбитра и блюстителя справедливости и порядка в тогдашнем мире. Увы, эта маскировка истинных целей многих ввела в заблуждение. Причем не только в античный период. Немецкий историк Теодор Моммзен, живший в Новое время, не пожалел сил для того, чтобы оправдать Рим и превратить агрессора едва ли не в жертву обстоятельств. Излишне говорить, что эта концепция не имеет ничего общего с реальностью.

Этот период жизни Антиоха нам известен гораздо лучше, чем первые два десятилетия его правления, благодаря тому, что «царь Азии» попал в поле зрения Рима. Автор самой подробной римской истории — современник императора Августа (44 год до н. э. — 14 год н. э.) Тит Ливий. Он написал сочинение, которое, если бы его напечатали сегодня, заняло бы примерно четырнадцать объемистых томов. Но труд историка зачастую неблагоприятен. Книги — это последнее, что может уцелеть в хаосе войн и восстаний. Из написанной Ливием «Истории Рима от основания Города» уцелело всего три тома, но в одном из них есть упоминания про Антиоха. Второй важный источник — это серия монографий другого историка римской поры — Аппиана Александрийского, автора «Римской истории». Одно из его монографических исследований называется «Сирийские войны»; в нем рассказывается среди прочего об эпохе Антиоха III Великого. К сожалению, и этот рассказ неполон: работа Аппиана дошла до нас в сильно поврежденном виде. Но это лучше, чем ничего. Кое-что уцелело из «Всеобщей истории» Полибия, Юстин сделал выписки из более ранних работ предшественников, еврейский ученый Иосиф Флавий тоже коснулся той поры в обстоятельном двухтомнике «Иудейские древности». Наконец, крупницы сведений сохранились в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, дошедших до нас почти в идеальном состоянии.

Итак, большинство работ дошло до нас в неудовлетворительном состоянии, но испорчены они, как правило, в разных местах, а все вместе дополняют друг друга. Поэтому дальнейшие события из жизни Антиоха-политика можно восстановить в подробностях. Но, увы, безвозвратно погиб образ Анти-

оха-человека. Мы слишком мало знаем о личной жизни царя, о воспитании его детей, о его быте, наконец. Всё это можно восстановить на страницах исторического романа, но эта книга написана в другом жанре, который не предполагает вымышленных диалогов или бытовых фантазий.

Известно, что у Антиоха была на редкость дружная семья, и это удивительно для Селевкидов. Сохранились имена сыновей от первой жены. Это Антиох Старший, Селевк и Антиох Эпифан. Антиох Старший участвовал в битве при Рафии, затем женился на своей родной сестре Лаодике, но вскоре умер. Великий царь очень любил этого сына и считал самым талантливым из своих детей. От другой жены или наложницы у царя родились Ардий и Митридат (матерью второго из них — Митридата — скорее всего, была вдова Ахея Младшего). Все братья-принцы любили друг друга и выручали при первой возможности, а отца считали непререкаемым авторитетом. У царя также были дочери. Первая, Лаодика, родилась от главной жены и стала, как мы видели, женой старшего сына. Эти кровосмесительные браки, подобные бракам египетских фараонов, были призваны оградить династию от вмешательства посторонней родни, которая могла возвыситься и претендовать на часть земель и сокровищ. Наконец, не нужно исключать фактор простой любви, что между родственниками в те времена не считалось постыдным.

Еще одна дочь родится у царя в последние годы его жизни, после брака с греческой красавицей Эвбеей. Из прочей родни можно упомянуть сестру Антиохиду, которая вышла замуж за софенского царя Ксеркса и играла роль шпиона при его дворе. Эта женщина была абсолютно верна своей родине и своему брату царю Антиоху.

Сохранял верность царю и его племянник Антипатр, который сам мог бы претендовать на престол. Все они — и сыновья, и племянник — были опорой трона и империи в тот век, когда в других странах сыновья восставали против отцов, дядя — против племянников... Почему Селевкидское царство стало островком стабильности после многих десятилетий войн и усобиц? Вероятно, в этом заслуга царя, который не напрасно назван «Великим».

Антиох Великий оказался настоящим воином с твердыми принципами верности, чести, взаимовыручки по отношению к родным, солдатам и офицерам, сановникам. Он имел харизму, умел сплотить людей и повести за собой. И конечно, обладал невероятным обаянием не только как политик, но и как глава семьи. Может быть, в этом секрет семейной гармонии? А если посмотреть шире — и внешнеполитических успехов? Правда, с годами Антиох становился нерешительней — войны и походы подорвали его силы. Но до окончательного падения было еще далеко.

Таковы крупницы сообщений о жизни царя. Удовлетворимся тем, что есть, и перейдем к дальнейшим событиям, то есть к большой политике.

4. Игры дипломатов

В 200 году до н. э. римский сенат объявил войну Филиппу V под предлогом защиты Греции и Пергама от его посягательств. Какое дело Риму до Греции — вопрос риторический. В наше время дипломаты тоже прикрываются рассуждениями о «геополитических интересах».

К этому времени Греция изменила внутреннюю структуру по сравнению с той, что была, например, в эпоху Александра Великого. Античные города-полисы не имели будущего: выжить в одиночку не мог никто. Поэтому общины объединялись в союзы. Беотийский союз был крестьянский, фессалийский — пастушеский, но самые крупные: Этолийский — разбойничий и Ахейский — аристократический.

Ахейским союзом правила корпорация из нескольких десятков родовитых и богатых людей, которые навязывали свою власть греческим городам на полуострове Пелопоннес. Этолийский союз был создан горцами, которые имели в Элладе репутацию одичавших разбойников. Вероятно, этолийцы были доклассовым архаичным обществом. По этой причине в современной науке этот союз называют «демократическим». Наконец, еще одно союзное образование возникло на месте Эпира. Царская власть в этом регионе пала, и эпирские племена (столь же архаичные, как этолийцы) образовали конфедерацию. Монархия сохранилась лишь у одного из

многочисленных эпирских племен — атаманов (или, в другой транскрипции, афаманов), которые еще попадут в наше поле зрения в связи с войнами Филиппа V и Антиоха Великого.

Итак, в ходе взаимоотношений с Элладой римляне попытались представить себя заступниками. После обострения отношений с Македонией первые римские когорты высадились на Балканах. Но эта война вовсе не означала, что Римская республика вступила в открытый конфликт с союзником Филиппа V — «Великим царем» Антиохом. Сенат действовал с большой осторожностью и предпочитал бить противников по частям, хотя желающих натравить римлян на Антиоха было предостаточно.

Тит Ливий рассказывает, что на «Великого царя» нажаловался пергамский базилевс Аттал. Он просил сенат заступиться и обуздать Антиоха, войска которого нападают на Пергам вместе с македонцами. В ответ римляне сообщили, что не имеют возможности высадить войска в Азии и воевать с Антиохом, но попытаются образумить его с помощью дипломатии.

К «царю Азии» отправилось посольство «сената и народа римского» (это стандартная формула тех времен) с заверениями дружбы. В ходе переговоров послы рекомендовали Антиоху воздержаться от нападения на Пергам — друга римлян, — но в остальном предоставили свободу рук. Главное, чтобы Антиох не вмешался в войну на Балканах и не заступился бы за Филиппа Македонского.

Антиох встретил римлян доброжелательно. Он тоже не захотел драться на два фронта, ввязавшись в конфликт с Римом. Тем самым «царь Азии» вторично предал своего союзника Филиппа. Это было уже чересчур «по-восточному». Филипп за тайл неприязнь. Но кажется, такое поведение Антиоха было лишь уловкой. Он понимал, насколько опасен Рим и был готов помочь союзнику, но лишь после того, как выведет из строя своего главного врага — Египет. С точки зрения большой стратегии это вполне резонно, но объясниться с Филиппом базилевс не смог, и результатом стало дальнейшее охлаждение между двумя царями.

Антиох перенес центр внимания в Келесирию. Пока он осаждал палестинские города, египтяне решили повторить ста-

рый трюк, который сработал при Рафии. Они принялись готовить сильное войско в Египте.

Но египтяне были уже другими. В стране бушевали восстания коптов и не было денег. А это означало, что нет ни приличного оружия, ни отборных наемников, ни лучших инструкторов. Всё это ставило операцию по освобождению Келесирии под угрозу и повышало шансы Антиоха на захват этой страны.

5. Битва при Пании

Отрывки, которые сохранились у древних авторов, позволяют восстановить канву событий, но от нас постоянно ускользают детали. Это касается и войны за обладание Келесирией. Что делал Антиох? Где были расквартированы его войска? Какие города он взял, а какие — нет? Всё непонятно.

Мы видим лишь, что в 198 году до н. э. египтяне явились в Келесирию и напали на Антиоха, планируя повторить свой успех в битве при Рафии. Об этом пишет Иосиф Флавий, уточняя, что из Египта выступил полководец-наемник Скопас «с огромной ратью». Он занял «множество» городов Келесирии, попутно захватил Палестину и Финикию. Но Антиох Великий не повторил прежних ошибок, допущенных при Рафии. Он просто отошел на север, оставив в городах гарнизоны. Скопас, в свою очередь, приступил к бесконечным осадам, в ходе которых армия утомилась и утратила чувство стратегической цели. Отрывочные сообщения об этих осадах мы находим у Полибия и того же Иосифа Флавия. Но Флавий не приводит названий городов, а текст Полибия сильно испорчен. Можно заключить, что Скопас взял сильно укрепленную Газу, Иерусалим и завершил свои подвиги захватом Самарии. Тут пришло известие, что Антиох Великий движется на него со свежими силами.

Судя по намекам Полибия, в Египте были недовольны Скопасом из-за того, что он долго возится с осадой бесчисленных городов. Сановники при дворе малолетнего фараона с удовольствием плели сети интриг, куда должен был угодить незадачливый полководец. Скопас чувствовал это, и потому не мог отступить. Ему требовалась решительная победа. Только

она заставила бы на время замолчать знатоков военного дела при александрийском дворе. Узнав, что Антиох движется на юг, Скопас выступил навстречу и занял удобную позицию у горы Паний в верховьях реки Иордан.

Скоро туда подошел Антиох. Сирийского царя сопровождали в походе сыновья: младший Антиох (будущий базилевс Антиох IV Эпифан), средний Селевк (будущий Селевк IV Филопатор) и старший — тоже Антиох (об этом принце известно крайне мало; он умрет еще при жизни отца от какой-то болезни).

По счастливой случайности до нашего времени сохранился отрывок из Полибия, в котором историк беспощадно критикует своего коллегу и современника Зенона. Зенон был поверхностным собирателем фактов, вроде большинства современных журналистов. В результате, опять же как большинство из них, этот господин всё перепутал. Однако именно благодаря этому он и вошел в историю, ибо удосужился написать подробный репортаж о битве при Пании, за который и был осмеян Полибием.

Зенон пишет, что основную часть армии Скопаса составляла фаланга. Правым крылом она примыкала к краю горы, вместе с небольшим по численности конным отрядом. Левое крыло и вся остальная конница располагались на равнине. Антиох стоял за рекой Иордан.

Рано утром «Великий царь» послал своего сына — принца Антиоха — с частью войск занять господствующие высоты, а сам с остальной армией на рассвете переправился через реку и вознамерился дать сражение.

Свои ударные части, состоявшие из тяжеловооруженных пехотинцев-фалангитов, царь, естественно, разместил на равнине. Это был единственный способ эффективно использовать линейную пехоту. Царь растянул линию фаланги. Это означает, что у него было меньше тяжелой пехоты, чем у египтян, но сведения о точной численности войск окутаны мраком. Рядом с фалангой стоял конный полк этолийских наемников. В это время Этолийский союз вступил в союз с Антиохом, отсюда и наемники. Дружба эта станет для него роковой, ибо буквально через несколько лет этолийцы втянут Антиоха в дела балканских государств. Впрочем, не будем забегать вперед.

Конница Антиоха — ею командовал младший сын царя — Селевк, — как обычно прикрывала фланги. Ее главные силы располагались на правом крыле. Причем Антиох применил военную новинку. Историк Зенон поведал, что здесь встал полк панцирной конницы. Что это за полк и откуда? Раньше таких войск у эллинистических правителей не было. Наверняка мы имеем дело с первым упоминанием о тяжелой коннице катафрактов, позаимствованной у парфян и тохаров. Конь и всадник у них были облачены в кольчуги. Кавалерист вооружен тяжелым копьем, укрепленным цепью на шее коня, так что в удар вкладывалась вся сила и скорость мчащегося «рыцаря». Удар такой конницы был страшен.

Перед фалангой, на некотором расстоянии от нее, «Великий царь» разместил слонов и легкую конницу так называемых тарентинцев (это род войск, а не национальность; перед нами вооруженные дротиками кавалеристы). Между слонами, как полагалось по военной науке того времени, встали легковооруженные пехотинцы. Весь этот подвижный корпус из конницы и пехоты возглавил принц Антипатр, племянник Антиоха. Воинов поставили уступом, чтобы в случае нужды фаланга могла отойти под защиту слонов.

Сам Антиох расположился на этом же фланге с конницей гетайров и гипаспистами, которые могли эффективно действовать на неровной местности и отражать возможные вражеские атаки с гор.

Такое расположение войск заставляет думать, что царь хотел одновременно ударить двумя конными таранами — на правом фланге эту роль выполняли катафракты, а на левом — гетайры. Конница должна была опрокинуть неприятеля.

Битва началась; ее описание Зеноном вызывает возмущение Полибия. Попробуем выяснить истину. Кажется, двойной удар Антиоха не состоялся. Ему помешали египетские слоны, выставленные на тот фланг, где находился царь. Но катафракты напали на египетский конный корпус и разбили его. Чтобы не терять темп наступления и отвлечь слонов, Антиох Великий бросил в бой на вражескую пехоту свою фалангу и полк этолийцев.

Расчет базилевса оказался верен: египтяне тотчас бросили в бой слонов против сирийской фаланги, чтобы спасти своих

товарищей, терпящих поражение. Они попытались окружить и опрокинуть фалангитов Антиоха. Это заметили этолийцы, тотчас отошли назад, перестроились и кинулись в атаку на слонов. Поступок поистине героический. Они решили главную задачу: помогли сирийцам выиграть время. Вероятно, в этот момент Антиох ввел в бой собственных индийских слонов, бросив их против слонов противника. При этом царь сберег элитные части гетайров и гипаспистов.

«Великий царь» лично атаковал египтян на фланге во главе своих гетайров. Оборона противника была прорвана. Тем временем конница принца Селевка на правом фланге рассеяла египтян и вовремя вернулась, прекратив преследование, чтобы замкнуть кольцо. Египетская фаланга была окружена пехотой, конницей и слонами. К своим пехотинцам бросился египетский стратег Скопас, чтобы спасти ситуацию. Тщетно! Сражение было проиграно, и личный героизм ничего уже не решал.

Началось бегство, избиение, сдача в плен. Скопас сумел вырваться и ускакал. Это поражение стало концом его военной карьеры, а также власти Египта в Келесирии. Эта страна навсегда была потеряна для фараонов.

Антиох показал себя искуснейшим полководцем, который блестяще замыслил и провел битву. Странно лишь, что через несколько лет он потерпит грандиозную неудачу в битве с римлянами. Причем в силу тех же причин, что когда-то проиграл Рафию. Вероятно, для него окажутся сюрпризом тактические приемы римлян, да и римские полководцы будут гораздо искуснее Скопаса.

6. После битвы

После победы при Пании Антиох вторгся в Палестину и быстро отвоевал все города, ранее занятые войсками Скопаса. Первой пала Самария. Затем царь повернул на юг. Там лежала Иудея. Евреи перешли на сторону базилевса и поднесли ему ключи от Иерусалима, доставили войску все необходимые припасы и даже помогли в осаде египетского гарнизона, который заперся в цитадели.

Вероятно, тогда же или вскоре после этого умер старший сын «Великого царя» — Антиох. Его кремировали по эллинскому обычаю и прах поместили в урну. Царь провел в трауре некоторое время и вернулся к политическим делам. Теперь его преемником стал следующий по старшинству сын Селевк — вполне способный и храбрый молодой человек, настоящий Селевкид по духу.

В целом завоевание Келесирии произошло очень быстро. Антиох прекрасно понимал, что с Египетской войной нужно закончить как можно быстрее. Ожесточенные сражения шли на Балканах — римские легионы дрались против македонских фаланг. Антиох стремился помочь своему союзнику Филиппу V. Именно так можно объяснить дальнейшие действия «Великого царя».

После колоссального разгрома при Пании Египет остался без защиты. Казалось, можно было вторгнуться на Нил и добить противника. Но Антиох решил иначе.

По словам Тита Ливия, царь ушел зимовать в Антиохию. Однако зима у него прошла не в праздности, а в интенсивных военных приготовлениях. Он готовил армию и флот для похода на запад, причем очень спешил.

Весной 197 года до н. э. Антиох послал впереди себя сухим путем сыновей — принцев Ардия и Митридата с несколькими полками. Он велел принцам дожидаться его в Сардах, а сам, снарядив 100 тяжелых палубных кораблей и еще 200 более легких судов, челнов и керкир (видимо, род пиратского судна, получившего наименование по острову Керкира), отправился покорять южные районы Малой Азии, Ликию и Киликию. Часть этих областей уже принадлежала ему, но в горных крепостях засели египтяне. Антиох вознамерился расправиться с ними.

Начались осады и штурмы. Он захватил несколько городов в Киликии: Зефирии, Солы, Афродизиаду, Корик, затем, миновав мыс Анемурий, отправился брать крепости Ликии. Некоторые крепости сдавались без боя, с другими приходилось повоевать. Похоже, задача оказалась не очень трудной. Можно думать, что египтяне вывели часть гарнизонов этих крепостей для защиты своей столицы Александрии после разгрома

при Пании. Поэтому Антиоху никто не оказал серьезного сопротивления. Наконец он подошел к ликийскому городу Коракесию. Неожиданно здесь затворили ворота перед Антиохом. Царь начал осаду. Она затянулась. Невольно возникает подозрение, что в распоряжении базилевса было не так много войск. Видимо, большие походы изрядно подорвали его финансы, а значит — ограничили возможности по содержанию крупных армий.

Осада Коракесия еще продолжалась, когда к Антиоху неожиданно явились послы с острова Родос — Родоса, бывшего в то время отдельной республикой, которая владела, помимо острова, небольшой частью Малой Азии. Посланцы потребовали, чтобы флот царя не пересекал границу мыса Хелидоний (у берегов Ликии). В противном случае островная республика будет считать себя в состоянии войны с «Великим царем». Это, мол, делается из предосторожности, чтобы Антиох не соединился с Филиппом V.

Трудно решить, чего было в этом заявлении больше: наглости, бравады или политической близорукости. Такая просьба должна была рассердить царя, но осторожный и опытный Антиох сдержал гнев. Он не хотел без нужды наживать новых врагов. Царь заявил, что намерен отправить на Родос ответное посольство. Ему угодно возобновить старые договоры о дружбе с островной республикой. Пусть жители острова Родос ничего не боятся, Антиох не причинит никому вреда и насилия. Доказательством того, что он не вынашивает завоевательных планов, служат его недавние переговоры с римлянами.

Родосцы успокоились. Наверное, Антиох мысленно торжествовал. Он обманет врагов и скоро придет на помощь своему союзнику Филиппу. Как вдруг...

Тит Ливий рисует полную драматизма картину. По его словам, прямо в разгар переговоров к родосцам явился вестник и сообщил, что римляне разгромили македонян в битве при Киноскефалах (197 год до н. э.). Большую роль в этом сражении сыграла этолийская конница под началом стратега Дикеарха. Запомним это имя, оно нам еще встретится.

Отметим и еще один факт. Вскоре после битвы при Киноскефалах римляне поссорятся с этолийцами. Этолийский союз станет им не нужен. Основа политики римлян — поддерж-

ка слабого противника против сильного. Пока этолийцы были слабы, они казались ценным союзником. Но после того как более сильный противник — Македония — потерпел разгром, нужда в этолийцах отпала. Очень скоро лидеры Этолийского союза поймут это и станут искать поддержки у Антиоха Великого.

Сообщение о разгроме македонян произвело эффект удара молнии. Оно потрясло не только самих родосцев, но и «Великого царя», его приближенных и вообще всех тех, кто интересовался политикой. Говорили о полностью уничтоженной македонской армии. Торопиться на помощь Филиппу более не было нужды.

Родосцы после известия о битве при Киноскефалах неожиданно подобрали. Они заявили, что, поскольку Филипп разбит, предъявленное Антиоху требование не пересекать границу мыса Хелидоний аннулируется. «Великий царь» может плыть куда заблагорассудится... Если прежде Антиох мог поражаться глупости родосцев, то теперь наверняка изумился их безграничному самомнению. Разве что-то зависело от их запретов и разрешений?

7. Ни войны, ни мира

В Малой Азии воцарилась анархия. Македонские гарнизоны оттуда стремительно ушли. Освободившиеся города стали занимать родосцы и пергамцы. Антиох тоже хотел успеть к дележке пирога. Он наконец взял Коракесий и мог отправиться дальше. Это была не просто победа над одним городом. Селевкиды вернули южное побережье Малой Азии. Видимо, тотчас последовал обмен посольствами с фараоном. «Великий царь» продиктовал советникам юного египетского владыки условия мира. Они были на редкость умеренны. За Антиохом оставались все земли, которые он успел захватить. Теодор Моммзен уверен, что эти условия были приняты египтянами тогда же, но это не так. Фактически в отношениях между сирийцами и египтянами сложилась странная ситуация — «ни войны, ни мира». Почему советники фараона упорствовали во время переговоров, объяснить легко. До Египта тоже дошла потрясающая новость о битве при Кино-

скефалах. Там надеялись, что римляне сразу после победы над Филиппом набросятся на Антиоха. Но сенат не спешил защищать египтян. Римляне были не только отважны и жестоки, но и расчетливы. Конфликт с Антиохом всё еще не входил в их планы.

«Великий царь» понимал, что это — временное затишье. И тоже решил им воспользоваться. Он повел флот на запад, вошел в Эгейское море и захватил большой город Эфес. Здесь он узнал о смерти пергамского царя-долгожителя Аттала, который долго хворал и даже, случалось, падал в обморок во время произнесения публичных речей. Эта смерть оказалась как нельзя кстати. Наследовал Атталу его сын Эвмен II. Ему потребовалось время, чтобы войти в курс дел и укрепиться на троне. К этому времени Пергам был основательно стеснен Антиохом, сократившись до окрестностей столичного города. Во всяком случае, Тит Ливий пишет, что сирийский гарнизон стоял в Абидосе — крепости на берегу Геллеспонта, расположенной совсем рядом с Пергамом. С юга тоже нажимали сирийцы. Вероятно, происходили мелкие стычки сразу на нескольких направлениях, и Пергам терял подконтрольные территории одну за другой. Несомненно, что Антиох хотел вовсе уничтожить Пергамское царство и встать в Малой Азии твердой ногой. Было неясно только: позволят ли это римляне? Есть ли у них интересы в Азии? И хватит ли у них сил, чтобы продиктовать свои условия возможным противникам? На эти вопросы Антиох очень скоро получит ответ.

Глава 8. Хрупкий мир

1. «Холодная война» Антиоха

Теперь мы должны переместиться с полей сражений в обширные залы советов и тихие кабинеты политиков. Следующие пять лет наполнены напряженной дипломатической борьбой, после которых разразится страшная война между Римом и «Азиатским царством».

Если упомянуть о дипломатической игре вскользь, многое останется неясным. Например, кто же все-таки был агрессором?

ром: Антиох или римляне? И почему Антиох медлил так долго, прежде чем вступить в открытый конфликт с Республикой? Ведь в 197 году до н. э. было всё готово для нападения. Но он выжидал.

Для того чтобы рассказать обо всем этом, мы должны пожертвовать динамизмом сюжета, спуститься с высоты птичьего полета на театральную сцену античной дипломатии, рассмотреть выражения лиц актеров, играющих перед нами историческую драму, уловить интонации, понять намеки. Словом, насладиться деталями. Наградой за это будет понимание. Мы сможем как бы поучаствовать в великих событиях, которые разворачиваются перед нами. Поэтому — запаситесь терпением. Несколько параграфов нашего повествования мы посвящаем дипломатическим интригам и тайной войне.

«Великий царь» перезимовал в Эфесе, формируя войска и наблюдая за событиями на Балканах. Он должен был проявить особую осторожность и не дать втянуть себя в конфликт с Римом. Судьба мира висела на волоске. Антиох надеялся отвести опасность тонкой политикой. Дело в том, что римляне вели войну с Филиппом под лозунгом освобождения Греции от македонской гегемонии. Теперь война кончилась, римляне, по идее, должны были вывести оттуда свои войска. Но как быть с «Азиатским царством»? И «Великому царю», и римскому сенату было ясно, что конфликт между двумя державами не за горами. Но очень важно было, на чьей стороне окажется моральное превосходство. Кто выступит в роли агрессора, а кто — обиженного? Если бы римляне отказались выводить войска из Греции, а вместо этого напали бы на Антиоха — «Великий царь» получал множество козырей. На его стороне немедленно бы оказалось большинство греков плюс македонский царь Филипп V. Но если бы Антиох сам оказался агрессором, римляне могли повести за собой весь греческий мир под знаменем «освободительного похода» против нового тирана. Поэтому обе стороны вели себя предельно осторожно. В то же время игра дипломатов была очень напряженной. С обеих сторон применялись уловки и казуистика.

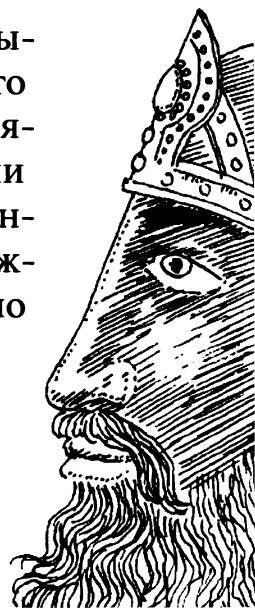
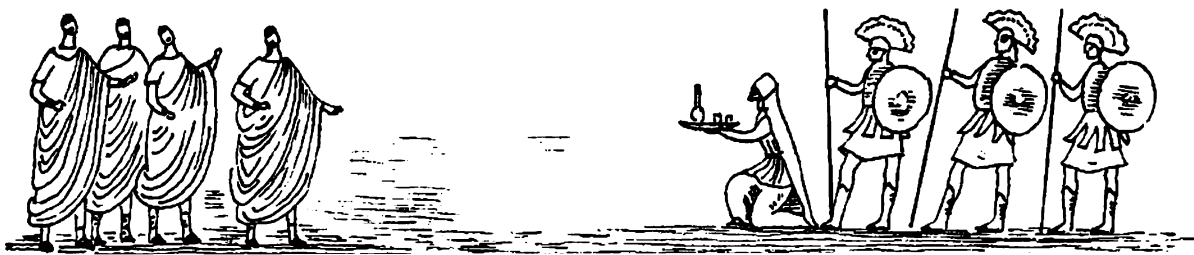
Самый сильный ход сделал великий римский полководец, разбивший Филиппа при Киноскефалах, — Тит Квинкий

Фламинин. На общегреческих Истмийских играх он велел официально объявить, что Римская республика дарует Элладу свободу и выводит с Балкан свои войска (196 год до н. э.). Новость была встречена такой овацией, что пролетавшие мимо стаи ворон замертво упали наземь от силы звука (так, во всяком случае, нас уверяют позднейшие историки, собиравшие не столько факты, сколько сплетни).

Римляне получили огромный моральный перевес на переговорах с Антиохом. Они теперь выступали как высшие арбитры, бескорыстные блюстители справедливости. И самое главное — игнорировать этих арбитров было нельзя. Антиох послал на Истм своих людей для переговоров. По окончании игр римляне выслушали их в числе прочих вождей и царей. Сирийские дипломаты вели себя осторожно и говорили очень взвешенно. Или, в римской интерпретации, «вели не внушавшие доверия речи».

Чем хорош Тит Ливий, который оставил нам подробное описание этих событий, так это обширностью сочинения. Его книга по римской истории была столь огромна, что сам историк зачастую не успевал фильтровать информацию и проговаривался о том, о чем лучше бы помолчать. Ливий пишет, что сирийцы вели примерно те же речи, что на переговорах несколько лет назад, после того как на Антиоха наябедничал сенату Аттал. «Но тогда, — с изумительным цинизмом поведал нам Ливий, — Филипп был силен, а исход войны (с Филиппом. — С. Ч.) неясен». Теперь же ситуация поменялась. Сирийцам прямо, «без околичностей» было заявлено, что Антиох должен очистить города, принадлежавшие прежде царям Филиппу V или Птолемею V, не трогать свободных городов и не тревожить их набегами. Но главным словом римлян стало предупреждение, чтобы ни сам Антиох Великий, ни его войска не смели переправляться в Европу.

Что было дальше — не очень понятно. Ливий вдруг обрывает рассказ о переговорах. Из этого можно заключить, что сирийские дипломаты оказались на высоте задачи и не взяли на себя никаких обязательств, однако не поссорились ни с римлянами, ни с греками. Наоборот, сумели наладить контакты с нужными людьми в Элладу и заручиться их поддержкой, о чем свидетельствуют дальнейшие события. Особенно

тесными были контакты с двумя областями Средней Греции — Беотией и Этолией. Что касается римлян, то сирийские послы после долгих проволочек и отговорок сослались, видимо, на недостаточность своих полномочий и рекомендовали римлянам снестись напрямую с «Великим царем». Этим можно объяснить замечание Ливия буквально через страницу после рассказа о приеме послов на Истмийских играх. Историк сообщает нам, что к Антиоху Великому был отправлен римский уполномоченный Луций Теренций. Еще одному дипломату, Луцию Корнелию, поручили уладить египетские дела, то есть разобраться в ситуации и заставить Антиоха вернуть фараону Келесирию с Палестиной.

Все эти претензии римлян на роль верховных арбитров совершенно не вяжутся с нарисованными Теодором Моммзеном образами романтически настроенных римских политиков, которые только и думали, как даровать свободу эллинистическим народам. Мы видим наглое вмешательство Республики в дела соседей под прикрытием красивых фраз о свободе, демократии и справедливости.

Можно сказать, что война между Римом и Антиохом Великим началась сразу после победы римлян при Киноскефалах. Просто пока что она носила чисто дипломатический характер. Первый тур этой «холодной войны» выиграл Антиох. Он смог отклонить претензии римлян и тянул время. А римляне вынуждены были убраться с Балкан. Правда, дипломатический напор с их стороны не был ослаблен.

2. Антиох расширяет границы

«**В**еликому царю» важно было воспользоваться благоприятной ситуацией, которая возникла в результате игр дипломатов, чтобы расширить владения как можно дальше на Запад. Требовалось создать предполье для предстоящей борьбы с Римом, которая всё равно неизбежна. Так, видимо, считал Антиох. Поэтому прежде всего он стал покорять вольные города Малой Азии.

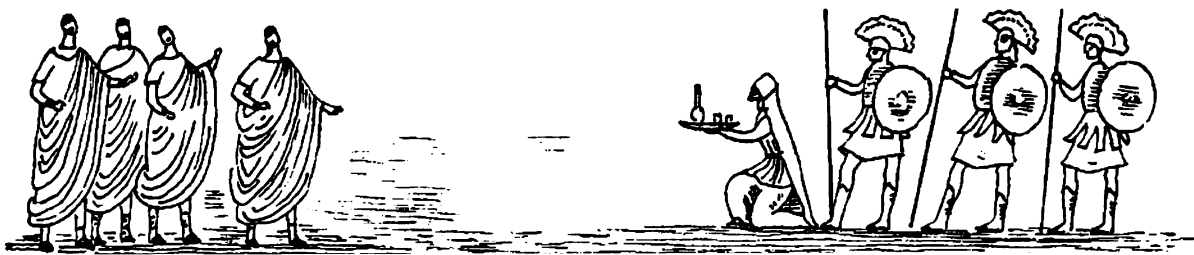
Таких городов было несколько. Они успели освободиться после ухода Филиппа V из его азиатских владений и отстаивали независимость от Родоса и Пергама.

Очевидно, Антиох имел в Малой Азии не очень большие силы — тысяч тридцать солдат, не больше, потому что впоследствии высадил в Европу всего 10 000 воинов.

Его малоазиатская армия была разделена на два корпуса. Один находился в Абидосе, другой (под командой самого царя) — в Эфесе. Эфесский корпус царь отправил осаждать город Смирну (Измир в нынешней Турции). Полки, стоявшие в Абидосе, выступили на другой вольный город — Лампсак. С военным давлением сочеталось дипломатическое. Шпионы и послы Антиоха увещевали горожан сдаться и получить свободу непосредственно из рук царя. (У Антиоха нет своего Моммзена, который бы поверил, что царь действительно беспокоился о свободе греческих городов! У нас заявления «Великого царя» о свободе могут вызвать в лучшем случае скептическую улыбку...)

Кажется, среди малоазиатских греков наступила дезорганизация. В короткий срок войска Антиоха заняли Ионию и Троаду. Но сам «Великий царь» хотел большего. Пользуясь тем, что Филипп V по приказу римлян оставил свои владения в европейской Фракии, а фракийцы стали резаться друг с другом и с галлами, Антиох решил высадиться в Европе и покорить Фракию. В этом смысле он выступал наследником древних царей Ахеменидов. Иранцы захватили Фракию в VI веке до н. э. и объявили ее одной из сатрапий своей империи. С другой стороны, Антиох выступил как наследник своего прадеда Селевка I Победителя, который тоже захватил ненадолго Фракию и сделал частью своего царства.

Но тут начались проблемы. Войска Антиоха еще осаждали Лампсак и Смирну, когда гонцы из этих городов прорвались к римлянам и стали жаловаться на произвол «Великого царя». Тем временем сам Антиох уже снарядил флот и высадился на полуострове Херсонесе Фракийском в Европе (сейчас — полуостров Галлиполи в европейской части Турции). Там он осадил город Мадит. Горожане закрыли ворота, но лишь только Антиох соорудил и придвинул инженерные машины для штурма — жители спасовали и капитулировали. Затем царь осадил Сест. Повторилась та же картина. Таким образом, Антиох взял на испуг несколько городов и подчинил Херсонес Фракийский.

Оттуда царь со всеми морскими и сухопутными силами двинулся к городу Лисимахии. Антиох нашел этот город обезлюдевшим и лежащим в руинах. За несколько лет до описываемых событий его разграбили и сожгли фракийцы (союзники римлян в войне против Филиппа Македонского). «Великий царь» тотчас решил восстановить этот знаменитый и удобно расположенный город. Он принялся выкупать из плена жителей, возвращал эмигрантов, всячески заманивал переселенцев и даровал им привилегии. Чтобы обезопасить горожан от нападений варваров, Антиох с сухопутными войсками отправился бить фракийцев, в то время как моряки отстраивали город заново. Лисимахия стала центром новой сатрапии Селевкидов — Фракийской. Управлять ею был поставлен сын Антиоха — Селевк.

Между тем в Лисимахию съехались римские эмиссары, рыскавшие по греческим городам. В числе прочих приехали Луций Корнелий (специалист по египетским делам) и Луций Теренций (уполномоченный по азиатскому урегулированию). Туда же вернулся из своих походов и Антиох Великий (196 год до н. э.). Предстоял новый тур тяжелейших переговоров.

Сначала Антиох встретился с послами на нейтральной территории, потом радушно и гостеприимно пригласил их к себе. Пока они обедали и наслаждались плясками полуобнаженных флейтисток, всё было хорошо. Но когда дело дошло до конкретных переговоров, появилось взаимное раздражение. Римляне требовали уступок. «Великий царь» не желал уступать.

Сенат недоволен всеми действиями, которые предпринял «Великий царь» после отплытия из Сирии, заявили дипломаты. Неправильно, что он пожал плоды войны Рима с Македонией и захватил фракийское побережье (это был хитрый дипломатический ход — римляне хотели рассорить Филиппа и Антиоха). Кроме того, отцы-сенаторы считают справедливым, чтобы Антиох вернул Птолемею V Келесирию, Палестину и Финикию.

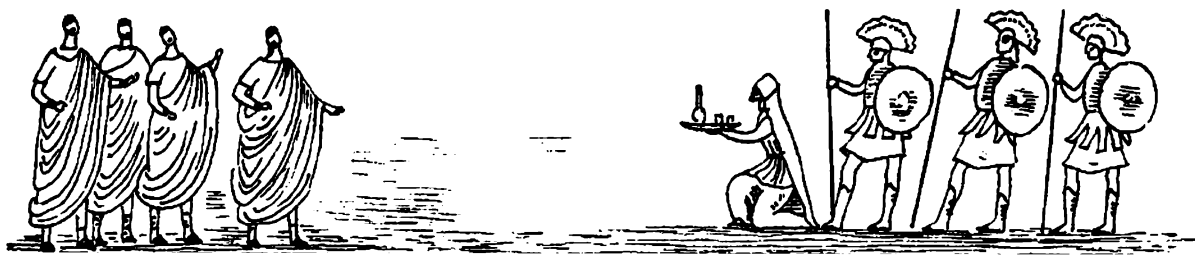
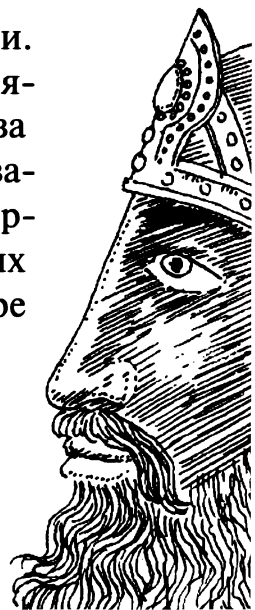
Антиох отвечал в том духе, что азиатские дела не должны касаться римлян, равно как ему нет дела до того, чем занимаются римляне в Италии. Что до Египта, то с фараоном он ведет мирные переговоры, готов даже с ним породниться. В Келесии он просто вернул свое, что принадлежало его предкам по

праву. Что же касается Македонии, то он вовсе не хочет разжиться на несчастьях Филиппа, а просто предъявляет права на наследственные владения своего прадеда Селевка Победителя. Он восстановил Лисимахию — великолепный греческий город, разоренный фракийцами, который собирается оставить своему сыну Селевку.

В подобных спорах прошло несколько дней. Вдруг до Лисимахии дошел слух о внезапной смерти молодого фараона Птолемея V в Египте. Римляне и Антиох узнали об этом одновременно, однако обе стороны изобразили неведение. Посланцы Республики заторопились домой, а один из них, Луций Корнелий, уполномоченный для переговоров с фараоном, поспешил на берега Нила, чтобы разобраться в ситуации. Со своей стороны Антиох решил захватить весь Египет и восстановить империю Ахеменидов в ее древних границах. Оставив сына Селевка обустройства Лисимахию, «Великий царь» с флотом отбыл к Эфесу. Впрочем, он не забыл о дипломатии: к римлянам было отправлено посольство, чтобы усыпить их бдительность, доказать миролюбие Антиоха и добиться приемлемых условий союзного договора с Республикой, если вдруг римляне того пожелают.

Но когда «Великий царь» прибыл в Ликию, ему стало известно, что фараон Птолемей жив, а слухи о его смерти — «утка». Поход в Египет был тотчас отменен. Впрочем, Антиох лгал, когда говорил, что находится с фараоном в дружбе. Формально война между Египтом и «Азиатским царством» продолжалась. Поэтому он, раз уж собрался в поход, решил извлечь из этого хоть какую-то пользу. Он вознамерился захватить остров Кипр. Это было бы важным приобретением. С Кипра египтяне постоянно угрожали сирийским владениям Селевкидов. К тому же остров был богат, многолюден и обладал сильным флотом, так что представлял ценный приз.

Однако в морском походе Антиоха преследовали неудачи. Когда он обогнул мыс Хелидоний, на кораблях случился мятеж гребцов. То ли им мало платили (обычная дневная плата за эту работу составляла всего пару оболов), то ли гребцы оказались из враждебных Антиоху племен. Мятеж ненадолго задержал царя в Памфилии. С одними Антиох расплатился, других покарал. Эта задержка стала роковой. Снова выступив в море

и достигнув мыса Сара, Антиох попал в бурю и едва не погиб со всем флотом. Часть кораблей разбилась в щепы и утонула со всем экипажем, часть — была выброшена на берег. Погибло «множество людей», утверждает Тит Ливий. От похода на Кипр, не говоря уже о Египте, пришлось отказаться. Надвигалась зима. Антиох приплыл в Селевкию-на-Оронте, вытащил на берег корабли, а сам отправился зимовать в Антиохию.

3. Ганнибал

Как мы уже говорили, Антиох направил к римлянам очередное посольство. Оно прибыло к римскому комиссару Титу Фламинину — «освободителю» Греции, который в это время распорядился на Балканах. «Азиатские» послы привезли Титу предложение заключить союз. «Освободитель» выслушал их холодно и заявил, что не вправе принимать такое решение. Пускай «азиаты» едут в Италию и договариваются с сенатом. Словом, Тит умыл руки и перевел стрелки. Подобная тактика будет отличать многих его сограждан вплоть до знаменитого Понтия Пилата. Иногда она принесет пользу, иногда — вред, но всегда будет вызывать неприязнь соседей.

Избавившись от послов, Тит Фламинин напал на Спарту под предлогом борьбы с ее правителем Набисом. Возможно, римляне опасались, что Набис снесется с Антиохом Великим и вступит с ним в союз. А может быть, просто хотели поддержать равновесие в Греции. Второе более вероятно. Спарта потерпела поражение. Победенного Набиса римляне решили не добивать, просто урезали его владения.

Однако на этот раз Тит Фламинин совершил ошибку. Он стал действовать на Балканах слишком откровенно. Это насторожило мыслящих политиков в Греции. Больше всего возмутились лидеры Этолийского союза — архаичного объединения крестьянских общин, занимавшего тогда всю Среднюю Грецию. Этолийцы констатировали, что римляне вмешиваются в дела греков, не думают выводить войска и стремятся к собственной выгоде. После чего вступили в тайные переговоры с Антиохом о союзе и совместных действиях. Так «Великий царь» неожиданно обрел друзей на Балканах. Однако Ан-

тиох медлил и ждал возвращения своего посольства из Италии, а заодно надеялся на ослабление влияния римлян в Греции.

В Италии шли тяжелые переговоры послов «царя Азии» с римлянами.

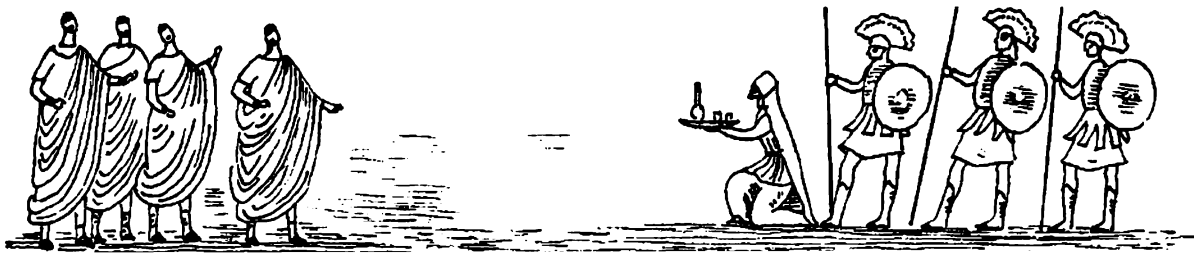
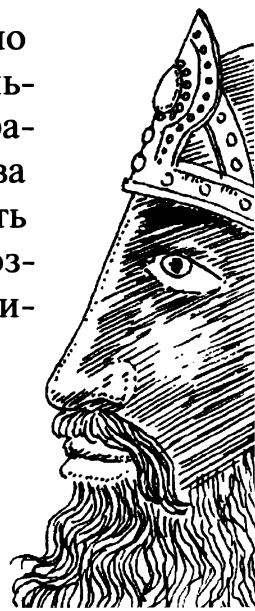
Римские сенаторы поняли, что имеют дело с серьезным противником, а потому искали повод для войны. Ее было важно начать как можно скорее, пока не остыли восторги эллинов по поводу «освобождения» Греции.

И вдруг — прибыли римские эмиссары из Карфагена. Они сообщили о тайных переговорах, которые Антиох ведет с Ганнибалом. Было ли это на самом деле? Скорее всего, да, но не суть важно. Главное — повод нашелся. Первым делом возмущенные сенаторы стали требовать у карфагенян выдачи Ганнибала.

Чтобы ввести читателя в курс дела, расскажем немного про обстановку в Карфагене.

Имя Ганнибала знают все. Но не каждый помнит, что после своего поражения при Заме и бесславного мира с римлянами Ганнибал сделал карьеру в родном Карфагене. До поражения он был просто полководцем. После поражения — стал судьей. Это была высшая должность в Карфагенской республике; судей имелось двое; в подражание им римляне стали выбирать двух консулов после того, как изгнали царей в VI веке до н. э. По-семитски эта должность называлась «шофет». Римляне переименовали ее в «суффет», что не меняет сути. «Судьями» у семитских народов зачастую называли племенных вождей (вспомним одну из библейских летописей, которая так и называется — Книга Судей). Однако в Карфагене за работой шофетов следил городской Совет 104-х. Это был аналог римского сената, который состоял из могущественных финансовых олигархов. Сто четыре «сенатора» серьезно ограничивали власть судей.

Шофет Ганнибал проводил очень осторожную политику по отношению к Риму, но все знали, что это притворство. Больше всего на свете этот политик хотел отомстить за свое поражение, а потому в любой миг готов был обнажить меч и снова высадиться в Италии. Для этого требовалось одно: сколотить сколько-нибудь мощную коалицию против Рима. Такая возможность возникла, когда Антиох захватил Фракию. «Вели-

кий царь» мог перетянуть на свою сторону несколько крупных греческих государств.

Ганнибал умел мыслить широко. Но и среди римлян было предостаточно умных политиков. И вот эмиссары сената донесли о тайных переговорах Ганнибала с Антиохом. Римляне тотчас потребовали выдачи грозного судьи. При этом они нашли поддержку в самом Карфагене.

Должность шофета была выборной и сменяемой. Поэтому Ганнибал находился под постоянной угрозой отставки. Вероятно, знаменитый карфагенский полководец сильно нервничал по этому поводу. Со своей стороны римляне добавляли нервозности в беспокойном Карфагене. Этот семитский город был насквозь торговым и ростовщическим. Уважаемых людей интересовали только деньги. Судьба Родины и свободы по сравнению с ними казалась вторичной. Многие ростовщики искренне ненавидели Ганнибала. Они боялись, что не в меру беспокойный судья затеет войну и лишит граждан возможности обогащаться. Часть карфагенской знати завидовала Ганнибалу просто потому, что он талантлив и популярен. Наконец, еще часть влиятельных карфагенцев попросту подкупили римляне. В Совете 104-х стал обсуждаться вопрос о выдаче Ганнибала Риму.

Ганнибал не доверял «деловым людям» Карфагена и ждал от них любой подлости. Поэтому, не дожидаясь худшего, отправился за море, в финикийский город Тир, находившийся под юрисдикцией Антиоха. По преданию, отсюда когда-то бежала в Африку и основала Карфаген царица Элисса. Ганнибал нашел в этом городе понимание, гостеприимство, приют, друзей и торговых партнеров (не забудем, что он сам был финикиец, а значит — не чужд торговли; во всяком случае, именно в торгашестве его постоянно упрекают античные авторы). Впрочем, по словам Ливия, пребывание знаменитого пунийца на родине предков продлилось всего несколько дней.

Ганнибал направился в Антиохию, чтобы переговорить с «Великим царем» о возможных действиях против Рима.

«Великий царь» прекрасно понимал, что, переговорив с Ганнибалом, безнадежно скомпрометирует себя в глазах римлян. Рисковать он не хотел, поэтому заблаговременно покинул свою столицу и отправился в Эфес.

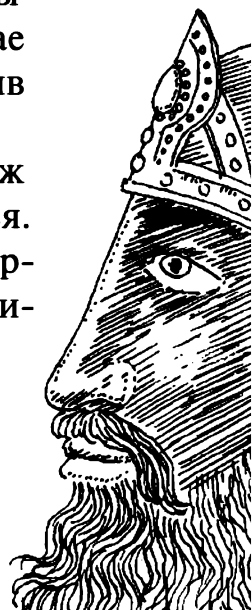
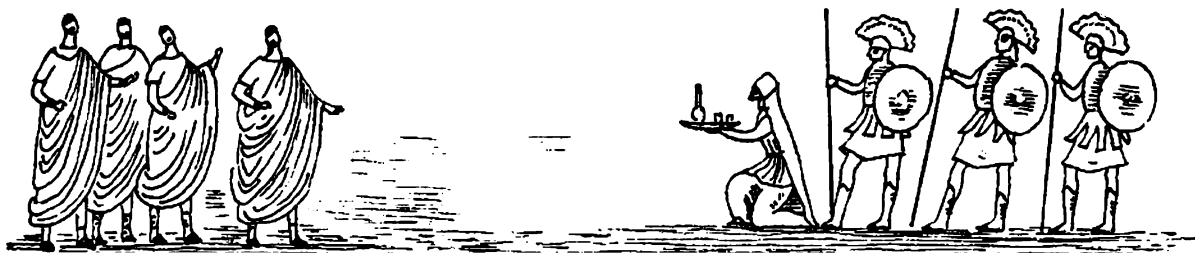
В Антиохии оставался младший сын «царя Азии», принц Антиох. Он принял карфагенского изгнанника для беседы, однако сделал это неофициально. Видимо, именно так следует понимать Тита Ливия, когда историк пишет, что беседа состоялась в Дафне — пригороде столицы, утопавшем в тенистых садах, посвященных богу Аполлону.

О чем Ганнибал говорил с Антиохом-младшим, неизвестно. Однако стороны остались довольны встречей, после чего карфагенский изгнанник поспешил в Эфес, чтобы переговорить с самим базилевсом (весна 195 года до н. э.). Тот всё колебался, не решаясь на обострение отношений с Римом. По словам Ливия, именно прибытие Ганнибала и разговор с ним побудили Антиоха Великого действовать более решительно.

Тит Ливий передает содержание тайной беседы Антиоха Великого с Ганнибалом так подробно, будто сам при ней присутствовал. Карфагенянин приехал якобы с готовым планом войны против Рима, который тотчас изложил собеседнику. Он предложил высадиться в Италии и заставить Рим вести войну на собственной территории — не за власть, а за выживание. Такая война будет абсолютно безопасна для Сирии. Италия сама доставит и припасы, и воинов. Она богата. В ней живут народы, которым ненавистен Рим. На севере, в долине реки По, — это галлы. На юге — греки, самниты и прочие племена италиков, которые ненавидят Рим как имперский центр. Но если воевать, к примеру, в Греции, то эти союзники превратятся во врагов. Их просто мобилизуют и заставят сражаться с врагами Рима. Тогда война обречена на неудачу: римские легионы непобедимы.

Ганнибал просил Антиоха дать ему всего один корпус с флотом: 100 палубных кораблей, 10 000 пехоты и тысячу конников. С этими силами он отправится в Африку, вернет себе Карфаген, уничтожит политических противников и вступит в открытую борьбу с Римом, высадившись в Италии. В этом случае римляне будут вынуждены сражаться на два фронта: против «Азиатского царства» и Карфагена.

Этот план вызвал недоверие у осторожного Антиоха. Уж сильно всё смахивало на авантюру. Но Ганнибал не унимался. Если переворот в Карфагене не удастся, заявил он, тогда корпус высадится сразу в Италии и начнет войну с Римом. Анти-

ох в это время должен высадиться в Европе и держать Республику под страхом войны, не начиная ее.

Обычно историки восхваляют смелый замысел Ганнибала. И ругают осторожного Антиоха, забывая при этом, что однажды карфагенин уже прошелся по Италии. В конце концов римляне просто загнали его на «носок» итальянского сапога, а сами преспокойно высадились в Африке, после чего Ганнибал очистил Италию. Эта же история могла повториться и теперь. Существовал риск, что армию карфагенского полководца римляне заблокируют в Италии, после чего объявят войну Антиоху и с главными силами явятся в Азию. У римлян был громадный перевес в силах: все граждане служили в легионах, а таких граждан, как мы говорили, имелось не меньше трехсот тысяч (не считая родственных италиков, которых тоже могли поверстать в легионы). Поэтому осторожность и скепсис Антиоха понятны. Он не зря носил свое прозвище и был действительно великим политиком. Правда, Ганнибала называют гением. Но его гений проявлялся только на поле боя. В большой стратегии он часто ошибался. Антиох это знал. С другой стороны, Ганнибал предлагал единственно возможный способ борьбы с Римом. Да, это был риск на грани авантюры. Но только стратегия риска и могла принести победу. Вот этого Антиох уразуметь не мог. В этом и было превосходство «гениального» Ганнибала над «великим» Антиохом.

Окончательно ли отверг «царь Азии» планы Ганнибала? Неясно. Мы лишь знаем, что карфагенский авантюрист решил действовать на свой страх и риск. Он замыслил переворот в Карфагене. Далее нас ждет очередная занимательная история.

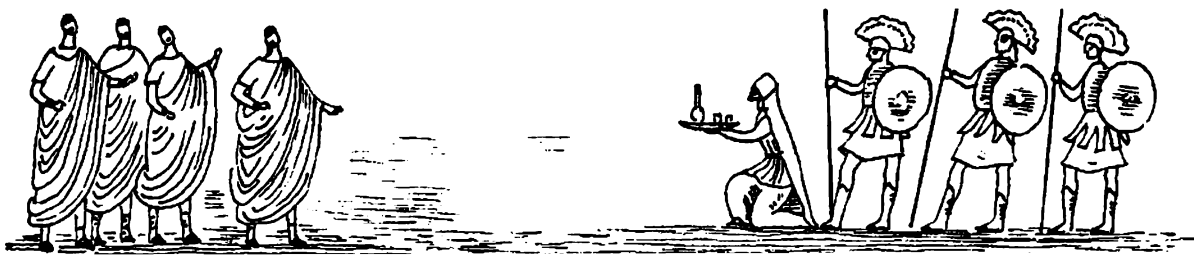
4. Карфаген

В Эфесе Ганнибал встретился с эллинизированным торговцем из племени бану Ханаан. Греки называли это племя «финикийцы», а римляне — «пуны». Все это варианты одного и того же названия «Ханаан». К бану Ханаан принадлежал и сам Ганнибал, потому что Карфаген был финикийской колонией. Упомянутый торговец, родом из Тира, звался греческим именем Аристон. Видимо, так было удобнее совершать сделки. Финикийцев в те времена недолюбливали, их считали хитры-

ми, жадными и бессердечными людьми, думающими только о собственной выгоде. К тому же финикийцы (и Ганнибал в их числе) поклонялись странным темным богам, которым приносили в жертву людей. Поэтому многие финикийцы смекнули, что заниматься торговлей гораздо выгоднее под псевдонимами, одеваясь как греки и нося греческие имена. Таким псевдогреком являлся Аристон. Он был старым знакомцем Ганнибала и даже исполнял какие-то его поручения. Другими словами, был разведчиком. Как мы бы сказали сейчас — резидентом Ганнибала в Малой Азии. Последний втянул соотечественника в новую опасную игру. Он богато одарил Аристона и посулил от имени Антиоха всяческие блага, если Аристон поможет ни много ни мало совершить переворот в Карфагене. Об этом сообщает Тит Ливий, причем пишет, что Антиох вообще ничего не знал об интриге Ганнибала. Получается, что, вступив в переговоры с хитрым и опасным пунийцем, Антиох Великий оказался лишь одной из фигур в большой игре. Причем за возможные ошибки Ганнибала пришлось бы расплачиваться не только Антиоху, но и всему «Азиатскому царству».

Ганнибал снабдил Аристона тайными знаками и научил, как связаться с нужными людьми в Карфагене. Аристон прибыл в город на купеческом судне. Однако разведка отлично работала не только у Ганнибала, но и у его врагов. Мир бану Ханаан — это был мир хитросплетений, опасных интриг и всеобщего недоверия. Вскоре в карфагенском Совете 104-х прозвучала информация, что в город прибыл агент Ганнибала и Антиоха, чтобы совершить переворот. Так имена Антиоха и Ганнибала оказались связаны друг с другом. Если «Великий царь» еще не пожалел, что связался с Ганнибалом, то мы можем сделать это за него. Во всяком случае, до этого рокового знакомства дела у базилевса шли гораздо лучше.

Члены Совета 104-х немедленно приказали схватить Аристона. Его привели и допросили. Аристон всё отрицал: никаких поручений ему не давали. Разговор шел на повышенных тонах. Агента уличили в разговорах с приверженцами партии Ганнибала. Назвали адреса. Аристон смутился. В совете началась перепалка. Было выдвинуто предложение выдать его римлянам — пускай разбираются! Но тайные сторонники Ганнибала возражали, что весьма опасный пример — хватать ни

за что чужеземца! Ведь так же могут поступить и с карфагенянами, которые оказались по делам торговли в других странах.

Аргумент признали серьезным. В Карфагене жизнь вертелась вокруг торговли, и все граждане проводили много времени в торговых поездках. Портить отношения с потенциальными клиентами не хотел никто. Соображения выгоды взяли верх над политической осторожностью.

В то же время оказалось, что у Ганнибала много тайных сторонников в городе. Разоблачения не хотел никто. Поэтому Аристону помогли бежать. Причем так, чтобы не скомпрометировать помогавших. Способ отвлечь подозрения придумали оригинальный. Перед тем как Аристон взобрался на корабль и был таков, ночью, с огромным риском, на главной площади вывесили таблички с письменами. Утром таблички доставили шофетам. Те прочли следующее: «Аристон частных поручений не имел ни к кому, а лишь государственные — ко всему Совету старейшин». Тем самым намекалось, что с Ганнибалом связана вся верхушка Карфагена. Всем было ясно, что в дело замешаны многие уважаемые люди с большими связями. Доискиваться виновных не стали. Но в Рим отправили гонцов с изложением всей этой истории и с оправданиями перед сенатом. Там ее аккуратно записали, и впоследствии она вошла в сочинение Тита Ливия. Выходит, что мы читаем версию событий (арест, допрос, бегство, таблички), изложенную для римлян карфагенянами. А что происходило в действительности с Аристом в Карфагене, уже не узнаем. В эту нелепую историю не верили сами римляне, о чем прямо пишет и дотошный Тит Ливий.

А пока...

Римляне приняли оправдания Совета старейшин. Сейчас, когда были неясны отношения с Антиохом, наживать нового врага не стоило. Но приговор Карфагену уже был подписан. Нет Карфагена — нет проблем. Римляне разрушат его в 146 году до н. э. после трехлетней осады.

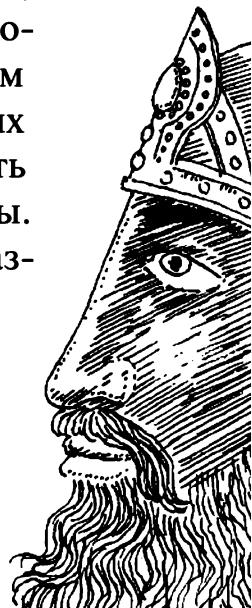
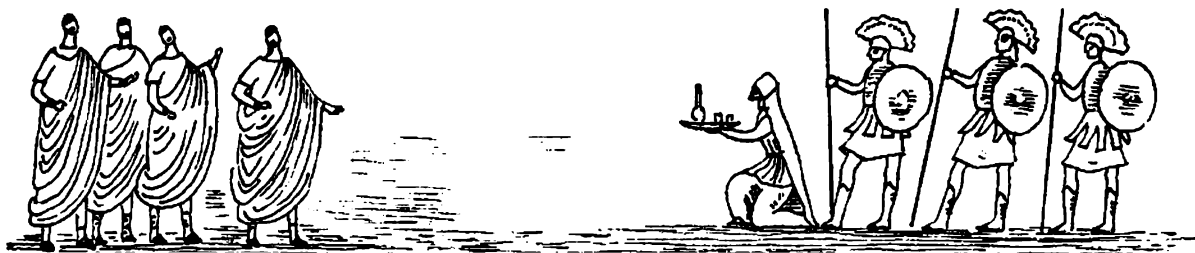
5. Мир с Египтом

Ведя напряженные переговоры с римлянами, Антиох не выпускал из вида Египет. С этой страной шел интенсивный обмен посольствами. Отняв у фараона желанную Келе-

сирию, «Великий царь» стал вести себя исключительно миролюбиво. Он неустанно предлагал заключить мир. Египтяне тянули время, надеясь на поддержку Рима. Однако поддержки не было, а внутривосточное положение державы на Ниле становилось угрожающим. Заговоры и восстания следовали друг за другом. Советники подросткового фараона предпочли договориться с «Великим царем». Зимой 194—193 годов до н. э. Антиох и Птолемей V встретились в Рафии. Но все решения были, разумеется, разработаны и приняты задолго до этой встречи. Стороны заключили наконец формальный мирный договор. Египтяне отказались от Келесии, Палестины и Финикии. Договор был скреплен династическим браком. Фараон Птолемей V женился на дочери Антиоха Великого — Клеопатре.

По этому поводу некоторые историки ошибочно пишут, что Келесия была отдана в приданое Клеопатре и уступлена Египту. Разумеется, это не так. Моммзен, разбирая этот вопрос, отмечает, что найдены документы, из которых следует, что налоги с части Келесии поступали в пользу Клеопатры. Это и стало причиной ошибки. Совершенно очевидно, что Антиох и Птолемей пришли к компромиссу. Келесия была как бы «выкуплена» у Египта, а выкупом стали налоги, которые поступили с этой области в египетскую казну. Право сбора налогов было дано египтянам на короткий период, год или два. А сама область подчинялась Антиоху. Об этом свидетельствуют и события последующих десятилетий: например знаменитое иудейское восстание Маккавеев. Евреи бунтовали не против Египта, а именно против Селевкидов. Так что вопрос снят и не требует обсуждения.

Занятно, что мирный договор между Египтом и «Азиатским царством» был заключен не где-нибудь, а в Рафии — городе, возле которого Антиох некогда потерпел сокрушительное поражение. Это сделали для того, чтобы польстить египтянам и немного затушевать факт отказа фараона от всех азиатских владений. «Великий царь» благоразумно пощадил гордость побежденного зятя. Таким образом Антиох обезопасил тылы. Теперь на переговорах с римлянами он чувствовал себя гораздо уверенней.

Уладив дела на юге, базилевс тотчас отбыл на запад. Управлять Сирией он оставил своего младшего сына Антиоха.

Скоро «Великий царь» прибыл в Эфес. Здесь он встретился с представителями Этолийского союза. Это стало важным шагом на пути к войне с римлянами.

6. Интриги этолийцев

Одни считают, что Антиоха склонил к роковому столкновению с римлянами хитрый Ганнибал, другие сваливают вину за роковое решение на придворных «Великого царя». Третьи во всем обвиняют римлян. Все они отчасти правы. Но капель, переполнившей чашу, оказались интриги этолийцев, решивших воевать с Республикой.

Причины для обид были веские. Когда-то этолийцы первыми призвали римлян на Балканы для войны с Филиппом V. С тех пор небольшой союз греческих горцев, расположенный между Эпиром и Коринфским заливом, очень усилился и захватил значительную часть Греции. Это обеспокоило римлян, которые принялись поддерживать другие греческие союзы в противовес Этолийскому. Один из таких союзов возник на Пелопоннесе и назывался Ахейским, другой — в Фессалии.

Осенью или зимой 194 года до н. э. этолийцы созвали общее собрание своей конфедерации. Это произошло в городе Навпакт, на северном берегу Коринфского залива. Стратегом (выборным «президентом») у них тогда был Фоант. Он произнес перед собравшимися возмущенную речь, направленную против римлян. В принципе, его претензии были обоснованны. Рим проводил в Элладе политику, основанную на знаменитой максиме «разделяй и властвуй». Фоанта это не устраивало. Он предложил направить трех послов: в Македонию к Филиппу V, в Спарту к тамошнему тирану Набису и в «Азиатское царство», чтобы попросить помощи против Рима. Собрание Этолийского союза одобрило это решение. Послы отправились в путь.

Филипп V отказался участвовать в замышляемой этолийцами авантюре. Его войско еще не оправилось от страшного поражения при Киноскефалах. У македонского базилевса просто

не было людей, чтобы вмешаться как равный в конфликт великих держав.

Набис медлил с окончательным решением.

К Антиоху Великому отправился опытный этолийский политик Дикеарх — брат стратега Фоанта. Не очень давно Дикеарх сам побывал в должности стратега. Именно тогда римляне пришли на Балканы и победили Филиппа при Киноскефалах. Дикеарх расхвастался перед Антиохом, вспоминая об этом. Мол, победа над Филиппом V — это заслуга не римлян, а исключительно его, Дикеарха. Именно его этолийская конница совершила решающую атаку при Киноскефалах и вырвала победу из рук врага.

Затем хвастун пустился перечислять, сколько пехоты и конницы получит Антиох, если высадится в Европе. Назывались фантастические цифры. Как выяснилось впоследствии, Дикеарх имел в виду не только этолийцев, но и массу других греческих городов и союзов, которые считались дружественными или хотя бы нейтральными.

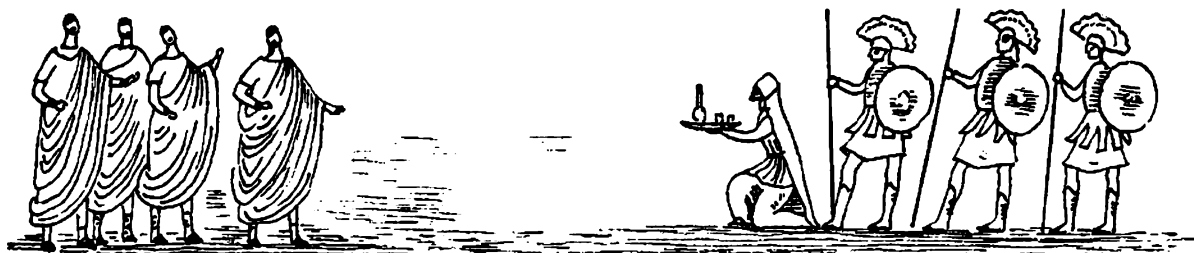
Однако Антиох оказался весьма осторожен. Ему сообщили, что из Рима в «Азиатское царство» направляется посольство. До этого времени царь поостерегся принимать какое-либо решение. Тут, однако, неожиданно пришло известие, что спартанский тиран Набис примкнул к этолийцам и готов выступить против римлян. Дела в Греции складывались как нельзя лучше для Антиоха.

7. Посольство трех Публиев

Итак, сенат отправил к «царю Азии» трех послов. По официальной версии, они должны были найти компромисс и заключить приемлемый договор о мире и взаимопонимании с Антиохом.

В посольстве сразу произошли изменения. Изначально в него входили три Публия — Публий Вилий, Публий Сульпиций и Публий Элий. Последний заболел и остался в Италии. Тогда вместо него римляне послали еще одного Публия. Новым послом стал знаменитый сенатор Публий Корнелий Сципион Африканский, победитель Ганнибала и влиятельнейшее лицо в Риме. Никто из римлян не мог сравниться с ним в та-

лантах и везении. Сципион отправился в путь и вскоре нагнал остальных послов.

По пути господ дипломаты совершили недружественный шаг по отношению к «царю Азии». Они заехали в Пергам, где встретились с тамошним базилевсом Эвменом II. Тот был яростным врагом Антиоха.

Появление римских послов Эвмен считал подарком судьбы. Он обласкал гостей и прощупал почву. Быстро сообразив, что римляне только и ищут повода, чтобы объявить Антиоха агрессором, пергамский царь принялся уверять их в собственной преданности и готовности выступить против Антиоха в союзе с Республикой. Эвмен уверял, что война будет легкой, что Антиох гораздо слабее Филиппа V, что его армия — рыхлое разноплеменное сборище. Он сообщил, что в Малой Азии Антиох держит небольшое количество войск. И вообще он не столь могуществен, как принято думать. Римляне живо интересовались всеми подробностями. Любой посол — это шпион. Его цель — сбор сведений о той стране, куда он послан. Тем более когда на пороге — война с этой страной. Поэтому римляне хотели разузнать как можно больше — о дорогах, об этносах, которые живут вдоль этих дорог, о городах и войсках, о богатстве провинций, через которые, может быть, предстоит пройти маршем.

Пергам покинули не все. В этом городе заболел Публий Сульпиций. Непривычный азиатский климат плохо повлиял на него. Сульпиций остался в гостях у Эвмена, чтобы поправить здоровье. А Публий Виллий и Сципион Африканский направились дальше — в Эфес. Царя Антиоха они здесь не застали. Его планы, какими бы они ни были, нарушило восстание писидийцев. Эти горные бандиты стали настоящим бичом для античных владык. На некоторое время базилевсу удалось замирить Писидию. Это было тем более важно, что для войны с римлянами требовался прочный тыл. Кому хотелось испытывать проблемы с пополнениями и снабжением армии? А война приближалась — вместе с римскими послами.

Пока «Великий царь» воевал, римляне исследовали город Эфес и заводили знакомства. Между прочим, встречались и с Ганнибалом, который жил в этом городе на правах не то

гостя, не то нахлебника-паразита (паразитами греки называли безденежных сограждан, которые развлекали богачей за обедом в качестве интересных собеседников).

Сохранились свидетельства, что Ганнибал часто встречался со Сципионом — своим победителем на поле брани. Эти великие люди оказались интересны друг другу, но римлянин был в сто раз хитрее пунийца. Он понимал, что его частые свидания с Ганнибалом вызовут подозрения Антиоха. И оттого постоянно искал повода для новых встреч.

Ганнибал вел себя сдержанно. Тит Ливий и Плутарх передают знаменитый разговор двух великих людей о военном искусстве. Римлянин и карфагенянин прогуливались, Ганнибал шел впереди, хотя это было нарушением этикета. Ему, потерпевшему поражение, надлежало пропустить вперед Сципиона. Но Сципион был слишком умен, чтобы настаивать на таких мелочах. Он всегда выигрывал в главном. Говорили о том о сем. Наконец Публий спросил, кого Ганнибал считает величайшим из полководцев.

— Александра Македонского, — не задумываясь, отвечал карфагенец.

— Почему?

— Он разбил превосходящие силы противника и дошел до самых отдаленных стран, которые мы никогда не увидим.

— А кого бы ты поставил на второе место? — настаивал Сципион.

— Пирра.

— Почему?

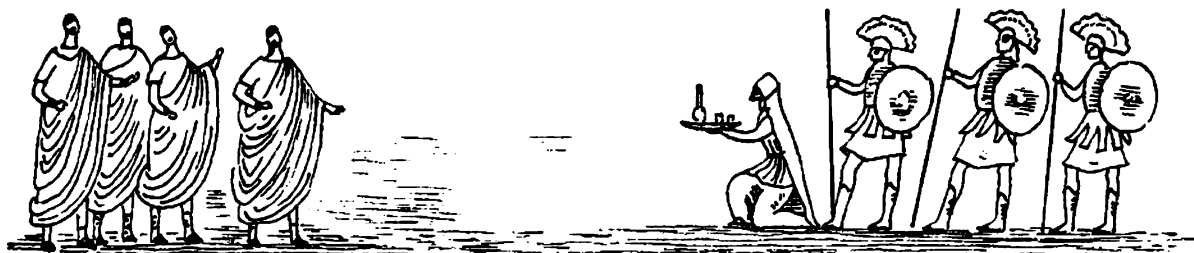
— Никто столь искусно не использовал местность для сражений и не вел разведку на поле боя. Вдобавок он обладал таким даром располагать к себе людей, что италийские племена предпочли дружбу его, иноземного царя, подчинению римлянам. Хотя римляне для италиков — родня.

Последовал новый вопрос:

— Ну а третьим кого ты считаешь?

— Себя, — без ложной скромности ответил полководец.

Сципион явно сам напрашивался на похвалу и был слегка раздосадован.

— А что бы ты сказал, — спросил римлянин с нехорошей усмешкой, — если бы победил меня?

Ганнибал понял свой промах и тотчас разбавил беседу тонкой лестью:

— Тогда я был бы впереди Александра, Пирра и других полководцев.

Ливий говорит, что «этот замысловатый, пунийски хитрый ответ и неожиданный род лести тронули Сципиона, ибо выделили его из всего сонма полководцев как несравненного».

Наконец Виллий и Сципион покинули Эфес. Чтобы встретиться с Антиохом, они отправились в Апамею Кибот — город во Фригии в верховьях реки Меандр. Туда прибыл Антиох после похода на писидийцев. Вновь начались бесплодные переговоры. Римляне требовали территориальных уступок и главное — невмешательства Антиоха в греческие дела.

Не добившись никакого результата, послы вернулись в Эфес, а за ними явился и Антиох Великий. Здесь он спросил совета у своего начальника гетайров Минниона — человека умного и дипломатичного. Что делать? Было очевидно, что римляне не успокоятся. А значит, неизбежна война. Миннион посоветовал не медлить, а первым напасть на врага, пока ситуация благоприятствует этому. Вместе царь и военачальник оценили военные силы «Азиатской империи». Выходило, что ресурсов достаточно для победы. Базилевс решил не уступать римлянам и рискнуть, если потребуется, войной. Дальнейшее ведение переговоров он поручил Минниону. Тот вызвал трех Публиев во дворец (Публий Сульпиций к тому времени поправился и приехал к своим товарищам в Эфес) и обратился с заранее подготовленной речью. В ней сириец обвинил римлян в политике двойных стандартов.

— Свобода греческих городов — для вас только благовидный предлог, — обличал Миннион. — Одно право вы устанавливаете для Антиоха, а сами пользуетесь другим. Вы преспокойно собираете дань с Неаполя, Регия, Тарента и других греческих городов, расположенных в Италии. Вы посылаете своих преторов с топорами и розгами на Сицилию, населенную греками, и не желаете признавать вольности тамошних греческих городов. Вы покорили их силой оружия и не желаете отказываться от своих захватов. Тогда почему отказываете

в этом же Антиоху? Ответьте на это, если ищете справедливости, а не повода к войне.

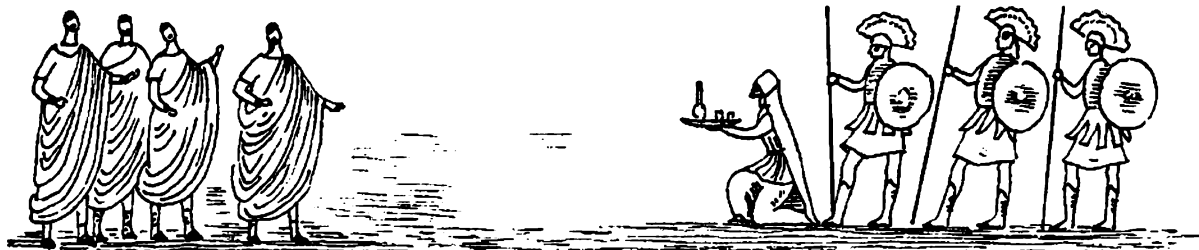
Но не так-то просто обвести вокруг пальца искусственных в юриспруденции римлян, которые любой вопрос могли заболтать. Риторике они успешно учились у покоренных ими же греков...

Сульпиций дал гневную отповедь:

— Поскольку Антиоху нечего сказать в свою пользу, он сам говорить постыдился, а предоставил право ответа первому попавшемуся придворному. Отвечу так. Мы взяли греческие города в Италии много лет назад и с тех пор взимаем с них то, что положено по договорам, которые заключили тогда же. Мы установили твердый порядок раз навсегда. А Антиох захватывает города, которые были потеряны еще его прадедом, и, наоборот, разрушает сложившийся порядок вещей.

В этих речах римляне откровенно пытались выставить себя гарантами стабильности. Последний аргумент Сульпиция был и вовсе неожиданным для сирийцев — он предложил выслушать мнение представителей греческих городов!

Эти греки из разных городов Азии были заранее собраны при помощи пергамского царя Эвмена и научены им же, что говорить (а частью, конечно, и подкуплены). Вот почему римляне не торопились встретиться с Антиохом, когда тот воевал в Писидии. Вот почему спокойно беседовали с Ганнибалом, тянули время. Этим же объясняется и странная болезнь Сульпиция. Он не терял зря время в Пергаме, а подбирал вместе с Эвменом «представителей общественности», чтобы, как шулер достает козырь из рукава, представить их в нужный момент. Допущенные в зал переговоров, греки принялись излагать свои жалобы, «мешая справедливое с несправедливым», как пишет Тит Ливий. Переговоры опять завершились ничем, но моральный перевес постепенно склонялся на сторону римлян. Ведь за их спиной была поддержка представителей греческих городов. Для Антиоха ситуация становилась всё более неприятной. Римляне требовали уже не только невмешательства в дела Европы. Они сами бесцеремонно вмешивались в дела Азии и указывали Антиоху, как надо вести себя в соответствии с римскими понятиями о справедливости.

Раздосадованный Антиох собрал государственный совет, дабы обсудить на нем вопрос о войне против римлян. Придворные высказывались один воинственнее другого. Все видели настроение царя, и каждый хотел снискать его милость. Со стороны это выглядело как небывалый подъем имперского патриотизма.

Одни возмущались: римляне диктуют великому Антиоху условия. Другие говорили, что, хотя требования римлян предоставить свободу нескольким городам незначительны в масштабах Азиатской империи, именно с уступок таким требованиям и начинаются большие потери. Стоит уступить римлянам — они потребуют новых уступок.

На совете присутствовал грек Александр из маленькой балканской области Акарнании. Когда-то он воевал с римлянами, а после разгрома Акарнании — эмигрировал в «Азиатское царство». Александр попросил слова и построил речь так, будто война уже началась и остается лишь выбрать план действий.

Акарнанец советовал царю высадиться прямо в Средней Греции. Этолийцев Антиох найдет вооруженными и готовыми помочь. Спартанский тиран Набис нападет на дружественных Риму ахейцев, обеспечив южный фланг Антиоха. Филипп V Македонский набросится на Фессалию, обезопасив северный фланг. Он ведь только и думает, как отомстить римлянам.

Александр вспомнил, что во время последней войны с римлянами Филипп V даже совершил жертвоприношение, моля небеса дать ему в помощники Антиоха. Теперь его молитва сбудется, и македонский базилевс вступит в войну без малейшего колебания. Надо открыть второй фронт в Африке: послать туда Ганнибала и взбунтовать Карфаген.

Совет закончился тем, что решили начать войну. Это произошло в конце 192 года до н. э.

8. Кто начнет первым?

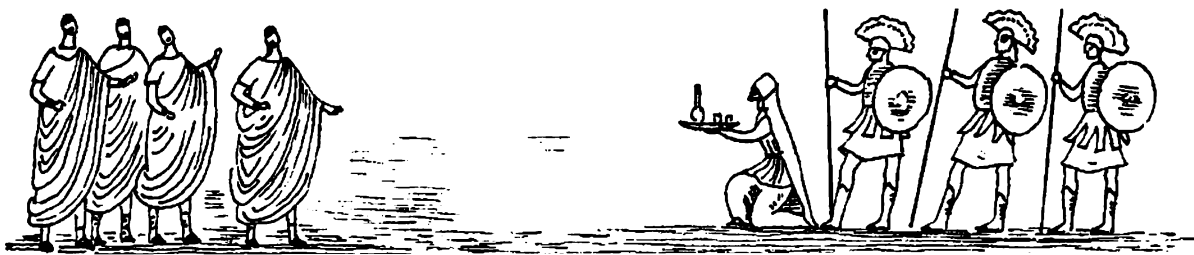
Хотя в грядущем конфликте сирийцы рассчитывали на помощь Ганнибала, никто не позвал пунийца на совет. Придворные уже напели в уши Антиоху о подозрительном поведении африканского гостя. Доложили о его встречах с римлянами. В общем, сыграли на подозрительности монар-

ха. Время было лихое. Всеобщие заговоры, интриги, предательства сменяли друг друга. Так что у подозрений Антиоха были свои основания.

Видя отчуждение царя, Ганнибал заподозрил недоброе. При дворе у него, конечно, были свои информаторы. Кроме того, он почуял, что принято важное решение без его участия, и стал искать аудиенции у царя. Наконец нашел время и повод для откровенного разговора. С солдатской прямоотой пуниец спросил, отчего царь охладел к нему. Антиох указал на его встречи с римлянами. Ганнибал горько рассмеялся в ответ и поведал историю, ставшую впоследствии знаменитой.

Когда он был еще ребенком, отец Гамилькар Барка подвел его к алтарю во время жертвоприношения и заставил принести берит (клятву), что он не станет другом римлян и всегда будет бороться против них. Под знаком этой клятвы он воевал тридцать шесть лет. Она привела его к изгнанию из Карфагена. Ведомый ею, он явился к Антиоху. Но если Антиох обманет его надежду, он по всему свету будет искать и найдет врагов Рима. Так что если придворные базилевса вздумали наущничать относительно его отношений с римлянами, то пусть лучше поищут другой повод очернить его. Он ненавидит римлян и ненавистен им! Свидетелями его ненависти пусть будут отец Гамилькар Барка и Баал (Господь). Если Антиох решится воевать с Римом, Ганнибал будет одним из его друзей. Если же нет — пусть ищет себе другого советчика.

Эти страстные речи тронули Антиоха. Он объявил, что раскаивается в своих подозрениях, и — вновь приблизил к себе Ганнибала. Правда, он не был бы политиком, если бы полностью утратил осторожность. Антиох помнил, что Ханни-Баал — пуниец и чужак. А потому не доверял ему до конца. Это понять можно. Обычно современные историки упрекают «царя Азии» за другое: почему он не послушался Ганнибала и не высадил войска в Италии или Карфагене? Но они не замечают одного очень простого факта. Антиох не имел ни денег, ни сил для такой высадки. Следовало выбирать: либо Греция, либо Италия, либо Африка. Естественно, он выбрал более близкую Грецию, тем более что этолийцы и Александр-акарнанец горячо уверили «Великого царя», что он получит широкую поддержку. Вслед за Грецией могла последовать Африка или

Италия по мере развертывания сил Антиоха и подхода к нему подкреплений из Азии. На что также требовалось немало времени, да и денег. Итак, война была решена.

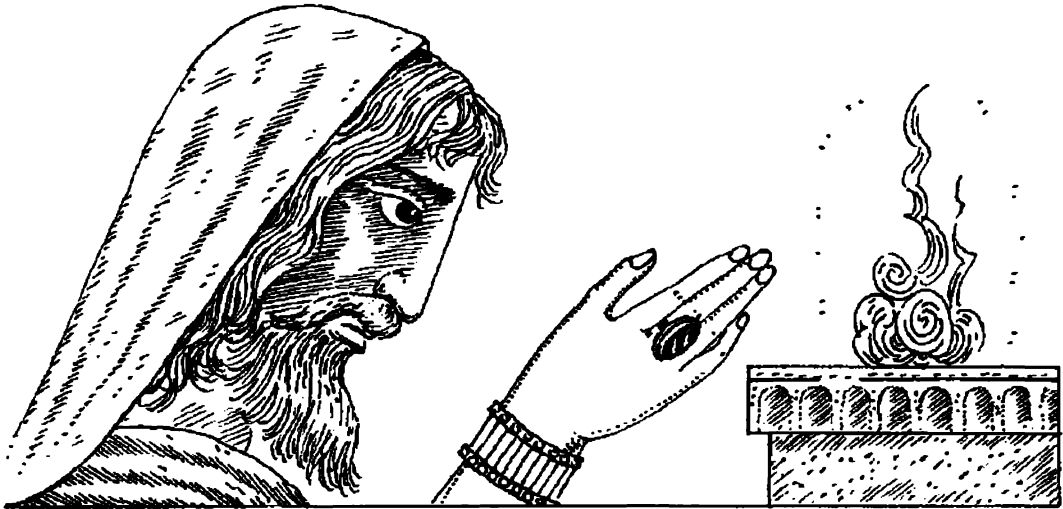
В Риме, пишет Тит Ливий, тоже толковали об Антиохе как о враге, но военных приготовлений пока не вели. Оно и понятно: Рим воевал на два фронта — против лигурийцев и испанцев. Было не до Антиоха. Впрочем, стоит напомнить главное: Республика «назначила» уже Антиоха на роль агрессора. Начать боевые действия должен был именно он.

И Антиох не выдержал. Окруженный шапкозакидателями, авантюристами, честолюбцами и фанатиками вроде Ганнибала, он принял роковое решение.

Причины тоже ясны. Пока римляне не готовы к войне, пока часть их сил связана варварскими племенами в Испании и Лигурии (а войны эти оказались тяжелы, о чем Антиох знал) — самое время нанести удар. «Великий царь» собрал войско и флот для высадки в Европе, а римским послам резко отказал в их требованиях оставить в покое вольные малоазийские города. Три Публия вернулись в Рим с известием, что война неизбежна (192 год до н. э.). Всё случившееся было крайне важно: римляне смогли представить Антиоха как внешнюю силу по отношению к Греции и как наследника азиатских царей.

Часть вторая Антиох против Рима

Глава 1. Вторжение в Грецию

1. Особое приглашение

Едва римские послы вернулись домой с сообщением о том, что Антиох готовит войска, как сенат постановил перебросить легионы в Тарент и Брундизий, чтобы переправиться в Македонию, если того потребуют обстоятельства.

Обстоятельства потребовали этого очень скоро. Лишь только в Риме состоялись выборы консулов, как сенат приказал флоту перевезти легионы в Эпир, где они стали лагерем у Аполлонии.

Кроме того, римляне взялись лихорадочно строить новые военные корабли. В короткие сроки на воду было спущено 50 новеньких квинквирем — крупных кораблей с пятью рядами весел. Антиох, упоенный победами над восточными азиатскими царствами, Египтом и Пергамом, не понимал, с какой мощной военной машиной пришлось столкнуться на этот раз.

Тем временем на Балканах неожиданно разгорелся костер войны, причем еще до того, как вражду начали великие державы. Пока это было еще небольшое пламя. Но пойдет немного времени, и пожар охватит весь полуостров.

Этот огонь зажег спартанский тиран Набис. Он продолжал осаду приморских городов Лаконики, в которых сидели ахейские гарнизоны. Причем решил блокировать осажденных не только с суши, но и с моря. Для этого он даже выстроил небольшой флот. Ахейцы тоже снарядили несколько судов, чтобы воспрепятствовать намерениям тирана. Эту эскадру возглавил знаменитый военачальник Ахейского союза Филопемен — аристократ и блестящий кавалерийский военачальник, презиравший демократа Набиса и обожавший аристократический Рим. На море Филопемену исключительно не повезло. В первом же сражении его эскадра была потоплена спартанцами. Сам Филопемен спасся бегством и больше не пробовал себя в морских баталиях.

Ахейцы собрали сухопутное войско и нанесли спартанцам небольшое поражение. Это не помешало Набису захватить у ахейцев важный приморский город — Гитий. Филопемен об этом не знал. Он двинулся на Спарту и был атакован Набисом прямо на марше. Тем не менее искусный ахеец смог выиграть, казалось, безнадежную битву, а вскоре нанес спартанцам еще одно поражение и почти уничтожил их армию. Набис был заперт в самой Спарте. Филопемен разорил ее окрестности и отвел войска. Он воевал по греческим правилам: не добивал противника, а изматывал его и приглашал к переговорам. Так или иначе, Набис был практически выведен из игры. Следовательно, Антиох Великий потерял первого союзника еще до того, как высадился в Европе.

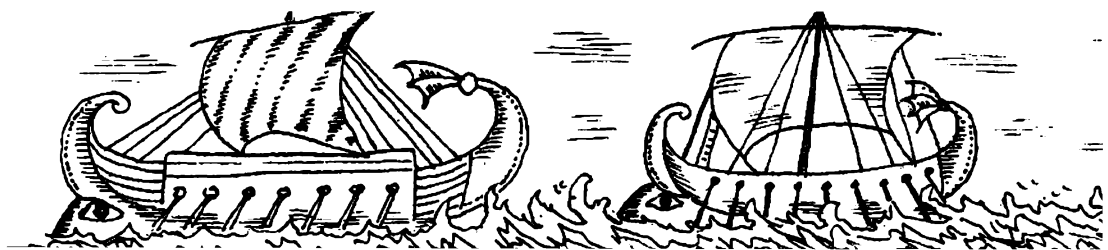
Римляне тоже не сидели сложа руки. Их эмиссары разъезжали по греческим городам и зондировали почву, беседуя с местными политиками. Кого уговаривали, кого запугивали, кого подкупали. Вскоре выяснилось, что страх перед римлянами в Элладе сильнее, чем любовь к Антиоху. Желающих перейти на сторону «Великого царя» было гораздо меньше, чем обещал в своей пламенной речи акарнанец Александр. Но Антиох еще об этом не знал. То есть вслед за дипломатическим

проигрышем последовал еще один — проигрыш в войне разведок. Но отступить было поздно.

Чтобы ускорить высадку царя в Европе, к нему отправился лично Фоант, стратег Этолийского союза. Переговоры прошли успешно. Фоант пообещал Антиоху огромную армию эллинов, которые восстанут против римлян сразу как только «Великий царь» ступит на землю Эллады. Базилевс даже предположить не мог, как далеки от реальности обещания Фоанта. В то же время Антиох желал действовать наверняка. Он требовал официального решения Этолийского союза о начале войны. С этой целью вместе с Фоантом в Грецию был отправлен Менипп — искусный дипломат, поднаторевший в словесных баталиях. Предполагалось, что Фоант представит Мениппа общему собранию этолийцев и посол выступит перед ними.

Еще до собрания Фоант прожужжал все уши своим собеседникам рассказами о громадных армиях «Великого царя». Для вторжения готовится, мол, «великое множество» пехоты и конницы, а из Индии выписаны слоны. Но главное, чем Фоант и Менипп хотели потрясти душу толпы, пишет Тит Ливий, — это золото, которого обещали привезти столько, что хватило бы купить всех римлян. В обоих случаях они лукавили. Действительно, в «Азиатском царстве» шел набор солдат со всех концов державы. Но под рукой у Антиоха имелся всего лишь десятитысячный корпус. С ним-то «Великий царь» и собирался высадиться на Балканах. Набор войск шел медленно как раз потому, что не хватало средств — то есть пресловутого золота. Получается, что обе стороны — сирийцы и этолийцы — обманывали друг друга.

Агентура римлян работала на совесть. Им сразу стало известно о прибытии Мениппа в Этолию. О дипломатическом искусстве Мениппа римляне хорошо знали. Этот человек обладал огромным даром убеждения. И всё же римляне сочли полезным, несмотря на безнадежность ситуации, отправить в Этолию каких-нибудь союзных греческих послов, которые выступили бы против Мениппа на собрании этолийцев под лозунгами свободы. Выбор пал на афинян — союзников Рима. По сути, их посылали только для пропаганды, которую римляне считали мощным орудием воздействия на общест-

венное мнение. Афинские послы отправились в путь и прибыли вовремя, когда этолийцы выслушивали речи за и против войны.

Началось с того, что на собрании Этолийского союза прошли выборы нового стратега («президента» этолийской конфедерации), которого выбирали на один год. Им стал Дамокрит — ярый сторонник войны с римлянами. Покончив с выборами, стали слушать дипломатов. Фоант вкратце доложил о результатах своей поездки в Азию и передал слово Мениппу. Тот сказал, что лучше было бы Антиоху вмешаться в дела Греции гораздо раньше, когда Филипп воевал против римлян. В этом случае «каждый владел бы своим» (как выражается Тит Ливий, пересказывая речь дипломата) и не подчинялась бы Греция «власти и мановению римлян». Увы, Антиох опоздал, и вот уже пять лет римляне распоряжаются в Греции как хотят. Но и сейчас, заявил Менипп, Антиох с помощью богов и при поддержке этолийцев сможет вернуть Греции былое достоинство. Оно заключается в свободе и опоре на собственные силы, не зависящие от чужой милости.

Отбросим риторику о свободе. На самом деле Менипп говорит о другом. «Греция для греков» — вот его лозунг. Надо сказать, вполне разумный. Ведь самая плохая власть своих всегда хуже самого либерального господства чужих. А римляне отнюдь не отличались лояльностью по отношению к покоренным. Рука их была тяжела, и скоро греки испытают это на себе.

Тут слово попросили афинские дипломаты.

В соответствии с принципами демократии и плюрализма, как их понимали греки, им дали возможность высказаться. Речь афинян лилась рекой. Говорили о союзе этолийцев с римлянами и о невозможности нарушить этот союз, о недавнем освобождении Эллады Фламинином и о том, что следует быть благодарными за это. Также послы советовали не разрушать достигнутое в Греции равновесие скороспелыми действиями. Пылкие замыслы хороши лишь на первый взгляд, говорили они, но осуществление их мучительно, а результаты печальны.

Наконец афиняне сообщили, что на Балканы прибыли римские послы во главе с «освободителем» Греции Титом Квинкцием Фламинином. Не желают ли этолийцы выслушать

и римскую сторону, прежде чем принимать скоропалительные решения? Демократичные этолийцы согласились на это. Работа собрания была приостановлена: ждали римлян.

Тит Фламинин прибыл в этолийское собрание собственной персоной и произнес полную демагогии речь, в которой назвал этолийцев ланистами (то есть хозяевами гладиаторской школы), которые стравливают Антиоха и Рим, как двух гладиаторов. Однако речи пропали впустую. Тон в собрании задавали «греческие патриоты», то есть Фоант и ему подобные, которые ясно ощущали опасность со стороны Рима. В итоге Этолийский союз принял решение пригласить Антиоха высадиться в Греции для освобождения страны. В нынешнюю «свободу» Эллады здесь никто не верил. Хотя лозунг свободы изрядно обветшал, Антиох смог получить главное: законный предлог для своего появления в Греции. Он высаживается не сам — его позвали! Получено особое приглашение для вмешательства в греческие дела.

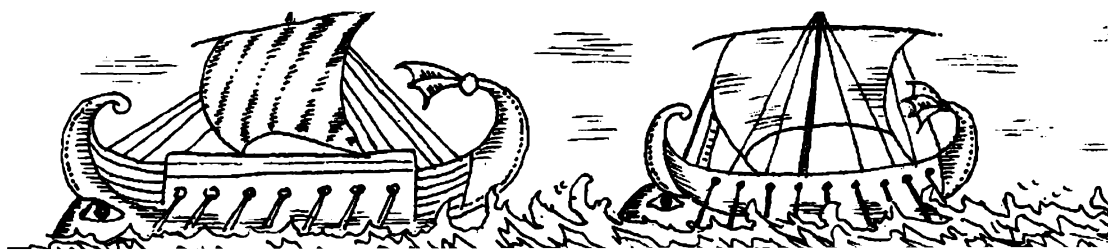
2. Этолийцы действуют

Этолийские политики решили воспользоваться лозунгом о свободе Греции в собственных интересах. Они развернули активную пропагандистскую работу, чтобы нейтрализовать такую же деятельность римских эмиссаров в городах Эллады, и попытались захватить три ключевых города, чтобы обеспечить высадку Антиоха: Деметриаду в Северной Греции, Халкиду в Средней и Спарту — на юге.

В Халкиду отправился сам Фоант, а в Деметриаду и Спарту — еще двое влиятельных этолийцев, начальник конницы Диокл и воевода Алексамен.

Деметриаду захватили кавалерийским наскоком: подошли к ней ночью, хитростью завладели воротами. После этого в город со свистом и гиканьем ворвались сотни этолийских всадников. Они врывались в дома и убивали сторонников римлян. Город наполнился ужасом. Никто не думал о сопротивлении. Правителем Деметриады этолийцы сделали изгнанника Эврилоха — врага Рима.

В Спарте заговор провалился. Этолиец Алексамен действительно убил тирана Набиса, доверившегося ему, но пользы это

подлое деяние не принесло: спартанцы восстали и перебили коварных «друзей», которые оказались хуже римлян. И главное: непонятно, зачем Алексамен это сделал. Набис был другом этолийцев и союзником Антиоха, пускай и не очень надежным. Он всегда вел свою игру и исходил из интересов спартанской общины, в которой уничтожил аристократию и установил нечто вроде «народной диктатуры». Поэтому режим Набиса был крепок. Но теперь Спарта превратилась из неверного союзника этолийцев в открытого врага.

Алексамен с остатками своих приверженцев сражался со спартанцами и погиб в схватке у храма Афины. В Спарту немедленно явился ахейский полководец Филопемен с войском. Он без дальнейших проволочек присоединил город к Ахейскому союзу. Одновременно в прибрежных городах Лаконики уже высаживалась морская пехота римлян под начальством командира Авла Атилия. Антиримские силы были полностью разбиты на Пелопоннесе, и огромную помощь в этом оказали глупые этолийцы, которые подпилили сук, на котором сидели. Это была первая дурная услуга, которую этолийские политики оказали царю Антиоху.

Теперь расскажем о третьем отряде — Фоанта. Он полностью провалил нападение на Халкиду. Замысел состоял в том, чтобы совершить внезапное нападение, однако городских правителей кто-то успел предупредить. Они сперва помышляли только о бегстве, но в городском совете нашлись мужественные люди, которые заперли ворота и направили гонцов за помощью в соседние городки. Помощь подоспела вовремя. Фоант уперся в захлопнутые ворота и увидел готовых к обороне гоплитов на стенах. Не имея ни сил, ни средств для осады, он ушел восвояси.

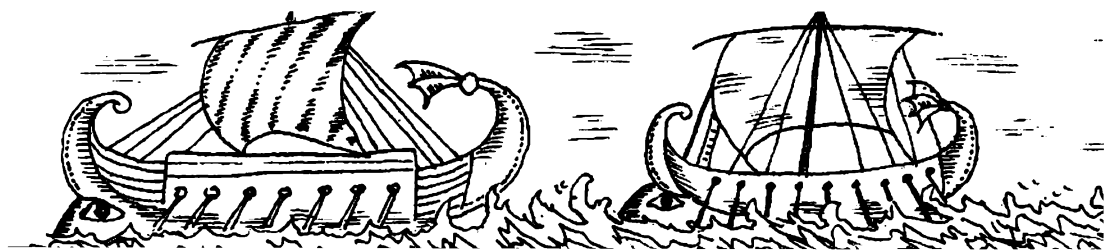
Между тем римский флот под началом Тита Квинкция Фламинина обогнул Пелопоннес и явился к Халкиде. В городе Эврип римлянин имел встречу с пергамским царем Эвменом. Тот уже снарядил войско и флот и укреплял свои базы на островах Эгейского архипелага. Условились, что Фламинин даст 500 воинов для защиты Халкиды, а Эвмен отправится в Афины, чтобы предотвратить возможное отпадение «колыбели демократии» от союза с Римом.

Завершив эти переговоры, Тит отправился отбивать у врага Деметриаду. Вперед он выслал одну квинквирему. Та приплыла к городу Магнесия — это был небольшой населенный пункт возле Деметриады (которую не нужно путать с азиатской Магнезией — местом решающей битвы между римлянами и Антиохом в 189 году до н. э.). Горожане встретили римлян хмуро: они не хотели ни воевать с ними, ни оказывать им помощи. Видя, что использовать местных против Деметриады не удастся, римляне повернули вспять и доложили обо всем Титу Фламинину. Он вернулся в Коринф.

Первые военные действия свидетельствуют о красноречивом факте. Римляне постоянно говорили об агрессии Антиоха. И даже сумели настроить против «агрессора» многие греческие города. Но первым на Балканах появился вовсе не Антиох, а те же римляне. Непонятное поведение для «неготовой к войне» державы. Получается, что римляне хотели спровоцировать Антиоха на быструю высадку в Европе и это им удалось. В следующем году Антиох, не ожидая подхода главных сил, высадился на Балканах всего с одним корпусом.

3. Роковой друг

Хуже всего, что ни у Антиоха, ни у его советников не было четкого плана войны. Сперва хотели послать Ганнибала с флотом на захват Карфагена. Потом отложили это предприятие и наконец вовсе от него отказались. Главной причиной стали интриги этолийца Фоанта, повинного в значительной части неудач Антиоха. Фоант, игравший в Этолийском союзе первые роли, мечтал о завоевании Греции. Вернее, о том, чтобы Этолийский союз разросся до границ Эллады. Помочь в этом ему должен был Антиох. Поэтому Фоант тешил царя несбыточными надеждами. После захвата Деметриады этолиец тотчас написал «Великому царю», что вся Греция готова припасть к его ногам. Грекам он сочинял про царя небылицы (сотни слонов, «несметные» полки, тысячи кораблей). Антиоха же обнадеживал пустыми словами: едва весть о высадке царя на Балканах дойдет до греков, как люди сбегутся, чтобы с молитвой пасть на колени и ожидать прибытия царского флота.

Фоант отговорил царя от почти принятого решения использовать Ганнибала. Ведь Ханни-Баал — изгнанник и к тому же пуниец. То есть человек, нация которого славится коварством и беспринципностью. Таким нельзя доверять. Рисковать людьми и флотом тоже не следует понапрасну. Если экспедиция Ганнибала провалится, все обвинят в неудаче царя. А если хитрый пуниец сумеет победить — слава достанется ему, а не Антиоху. Захочет ли тогда Ганнибал выполнять свои обещания?

Этими доводами Фоант заронил недоверие в душу царя. Решение об отправке Ганнибала в Африку было отменено. Впрочем, римский историк Корнелий Непот в своих кратких биографиях знаменитых людей пишет, что Ганнибал всё же поехал в Африку, но один, не смог поднять восстание и вернулся.

Непонятно, имела ли место подобная авантюра. Известно, что в это время Антиох послал пунийца в города Финикии, чтобы подготовить флот: финикийцы славились как искусные мореходы. Получается, что Ганнибалу было не до поездки в Карфаген. Впрочем, возможно, что она всё же имела место. Мы располагаем слишком скудными источниками, чтобы сделать окончательный вывод.

Ганнибал справился с поручением «Великого царя». Ему, безусловно, помогли связи и авторитет Антиоха, недавно захватившего Финикию. Скоро карфагенянин стоял во главе крупного флота. Беда была в том, что командовать на море он не умел. Да и финикийские корабли были хуже греческих и тем более римских, хотя и обладали первоклассными экипажами. Лучше бы Антиох использовал Ганнибала на суше...

Тем временем «Великий царь» всё не мог решить азиатские дела. Три города — Смирна, Лампсак и Александрия Трояда — объявили о своей свободе. Царь не мог их склонить на свою сторону ни силой (сил не было), ни дружескими переговорами. Между тем Фоант торопил с высадкой в Европе. Пришли вести о захвате этолийцами Деметриады и о рейде римской эскадры Тита Фламинина в Эгейском море. Опасаясь упустить момент, осенью 192 года до н. э. Антиох приказал грузиться на корабли.

Он принес жертвы Афине и выступил в поход, имея сорок крытых кораблей и шестьдесят беспалубных. За этим флотом

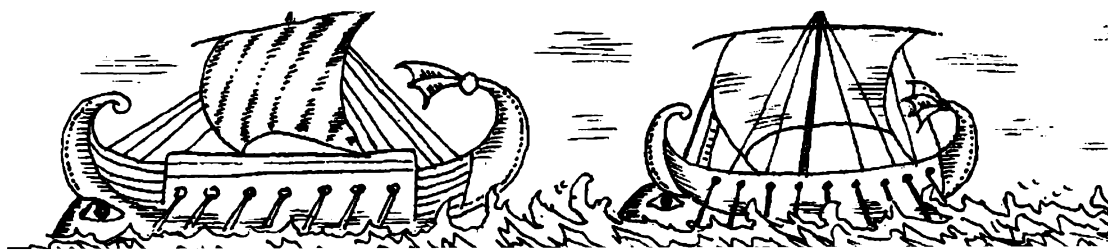
следовало 200 транспортов с припасами и снаряжением для войны.

Плавание продолжалось без приключений. Царь достиг Деметриады. Вблизи города его встретила делегация радостных жителей, как и обещал Фоант. Ободренный встречей, базилевс ввел корабли в городскую гавань, а войско расположил неподалеку. У него было 10 000 пехоты, 500 всадников и 6 слонов. Силы небольшие. Особенно по сравнению с тем, что обещал грекам Фоант. Это сознавал и сам Антиох. Дело представлялось рискованным и потому, что базилевс оказался первым из Селевкидов, который зашел так далеко на Запад. Это была незнакомая для него страна.

Скоро Антиох получил официальный документ с постановлением собрания Этолийского союза пригласить «Великого царя» для освобождения Греции. С этой охранной грамотой царь почувствовал себя увереннее. Но лучше бы он побеспокоился о скорейшем пополнении армии.

А в самом деле, почему он не подтянул резервы? Сваливать всё на «беспечность» царя, как это делает Моммзен, не очень убедительно. Тем более что мы видели деятельность Антиоха за прошедшие годы и уж никак не можем упрекнуть царя в легкомыслии. Вероятно, обширная империя требовала держать большие силы в гарнизонах и на границах. Кто-то охранял «верхние сатрапии», кто-то — Армению и египетские рубежи, кто-то выдвинулся во Фракию. Но всё же что-то не сходится. Разве не мог Антиох высвободить несколько десятков тысяч солдат для решающей операции?

Как выясняется — не мог. Малоазийские города атаковали войска Пергама, и Антиох оставил там значительные силы под командой своего старшего сына Селевка. В этом и разгадка. Вероятно, пергамцы постепенно перетянули на свою сторону вифинов, часть галатов, мелкие племена — короче, всех тех, кому не нравилось усиление Селевкидов в регионе. Едва царь уплыл в Европу, как в Малой Азии запылала война. Ценой невероятных усилий Селевку удалось оттеснить пергамцев, но время было упущено. Пока Антиох воевал в Европе, Селевк защищал владения отца в Малой Азии. Наверняка царь ожидал подкреплений, но их просто не было. Учтем это и вернемся к действиям Антиоха в Элладе.

4. Война в приморье

Базилевс укреплялся на греческом побережье. После Деметриады он отправился на юг, в приморский город Ламию. На большее у Антиоха попросту не хватило сил.

Коль скоро сил не было, решающую роль играла дипломатия. Антиох лично прибыл на собрание Этолийского союза, чтобы поблагодарить своих друзей за приглашение прибыть в Европу. Этолийцы приветствовали его с неподдельным энтузиазмом. С трудом установили тишину. «Великий царь» произнес речь.

Антиох попросил извинения, что прибыл с гораздо меньшим войском, чем рассчитывал. Но это — лучший знак его дружбы. Едва получив приглашение, он тотчас погрузился на корабли и отчалил, не дожидаясь благоприятного для мореплавания времени — лишь бы помочь друзьям. Пусть этолийцы видят в нем не царя, но друга и защитника, остальное приложится. Весной он заполнит Грецию войсками, а побережье — бесчисленным флотом, снаряжением которого сейчас занимается Ганнибал. Царь не постоит за ценой, лишь бы сбросить римское ярмо с шеи греков. После того как он дарует эллинам истинную свободу, главенствующее положение в стране займут, конечно, этолийцы; а пока базилевс просит своих этолийских друзей снабдить его войска продовольствием по умеренным ценам.

По окончании речи Антиох удалился в свой лагерь. И тогда в Этолийском собрании начались споры. Препирались два вождя, новый стратег Феней и небезызвестный Фоант. Феней считал, что Антиохом нужно воспользоваться как третейским судьей: пусть он выступит арбитром в спорах этолийцев с римлянами. А огромная армия сирийцев в Греции не нужна. Она будет даже опасна для свободы греческих городов.

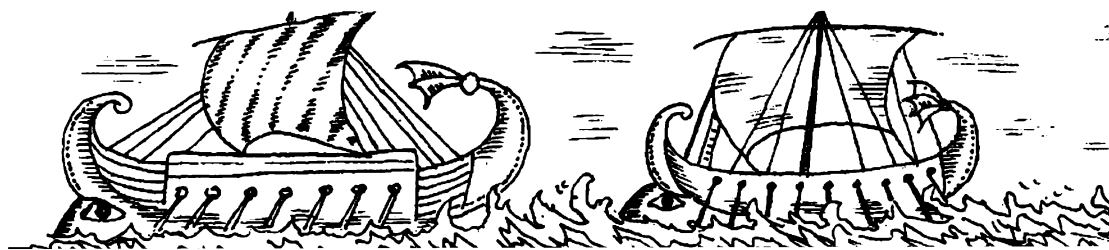
Эту гнилую позицию тотчас раскритиковал Фоант. При всех недостатках это был горячий патриот своей родины и неглупый политик, сумевший раскусить римлян. В пылу спора он объявил Фенея пособником врага. Стоит потерять темп — Римская республика соберется с силами и нанесет удар, от которого греки уже не оправятся. За пять лет после битвы при Киноскефалах можно было понять, что справедливости от

римлян не добиться. Они стравливают греков и решают греческие дела по своему усмотрению. «Великий царь» пришел на подмогу быстрее, чем все ожидали. Теперь нельзя расслаживаться. Наоборот, надо поторопить царя, чтобы он вызвал подкрепления. Вооруженный, он может добиться многого. Безоружный, не сможет защитить не то что Этолию, но даже самого себя.

Следует признать, что Фоант успел хорошо понять римлян и не питал в их отношении никаких иллюзий. Его красноречие одержало верх. Этолийцы объявили «царя Азии» своим главнокомандующим. К нему отрядили 30 вождей, чтобы помогать советом и делом.

На другой день царь совещался с ними о том, куда двинуться в первую очередь. Решили напасть на Халкиду. Этот выгодно расположенный город в центре острова Эвбея не давал этолийцам покоя. Беда была одна: нехватка сил для войны. Царь выступил на Халкиду, имея при себе всего тысячу воинов. К нему присоединился отряд этолийцев в несколько сотен бойцов. По сути, это была охрана, а не армия. Навстречу им вышли правители города. Начались переговоры. Этолийцы с жаром уговаривали правителей Халкиды пойти на уступки: не изменяя дружбе с римлянами, взять себе Антиоха в друзья и союзники. Ведь он переправился в Европу не для завоеваний, а для освобождения Греции. Ничто не принесет греческим городам такой пользы, говорили этолийцы, как дружба с обеими державами — Римской республикой и «Азиатским царством». От несправедливости, причиненной любой из них, греков спасет верность и подмога другой. Но если халкидяне не примут Антиоха, пусть пеняют на себя. Римляне далеко, а царь близко, и противостоять ему собственными силами они не смогут.

Халкидские начальники изумились: кого это собрался освобождать Антиох? В Элладе нет ни одного города, где стояли бы римские гарнизоны. Никто не связан неравноправным договором, никто не платит дань. Греки не нуждаются в свободе, потому что свободны. Им не нужен защитник, потому что повсюду царит мир. От дружбы с царем Антиохом и этолийцами они не отказываются, но просят и Антиоха поступить по-дружески. Говоря иными словами, покинуть остров Эвбея. Решение халкидских начальников было твердо: никакого гарнизо-

на к себе не принимать и союза ни с кем не заключать иначе как с одобрения римлян.

Антиох проглотил оскорбление и вернулся в Деметрияду. Начались консультации с этолийцами: что делать дальше, коль скоро первое начинание сорвалось. Решили испытать беотийцев, ахейцев и одно из эпирских племен — атаманов, царьком которых был энергичный и бесстрашный человек по имени Аминандр.

И Антиох, и этолийцы находились в плену невероятных иллюзий.

Им казалось, во-первых, что беотийцы перейдут на их сторону: в этой стране кипела смута, едва не гражданская война, и виной тому были римляне. Некоторое время назад вождь антиримской партии Брахилл был подло убит из-за угла чуть ли не по прямому указанию «освободителя» Греции Фламинина. Это вызвало всеобщее возмущение. Беотийцы восстали, но были подавлены римлянами, а во главе Беотийского союза встали римские марионетки. Теперь восстание возобновилось. Антиох рассчитывал, что беотийцы покинут римлян и переметнутся к нему.

Во-вторых, ходили слухи, что ахейский лидер Филопемен ненавидит Тита Фламинина. На этой зыбкой основе делался вывод, что ахейцы тоже перейдут к Антиоху.

Но самой авантюрной выглядела попытка привязать к себе Аминандра — повелителя атаманов. Брат его жены, Филипп, претендовал на македонский престол, причем совершенно безосновательно. Антиох намекнул, что может поспособствовать перевороту в Македонии, и посулил Аминандру долю в македонской добыче. Ясно, что македонский царь разочаровал Антиоха, потому что не примкнул к антиримской коалиции. Но хотя политика не знает дружбы, предательство в ней тоже не поощряется.

Доброжелатели тотчас донесли Филиппу V о происках Антиоха. Македонский базилевс насторожился и окончательно утратил доверие к поступкам сирийского царя.

Вообще складывается впечатление, что в эти годы Селевкиды постепенно утрачивали связь с Европой. Они становились восточными правителями. При этом оставаясь одинаково чужды и Востоку, и Западу.

Была еще одна беда. Плохо разбираясь в делах на Западе, «Великий царь» всё больше и больше подпадал под влияние этолийцев. Главным из них оставался Фоант, фантазер и авантюрист, к чьим советам и прогнозам следовало прислушиваться с большой осторожностью.

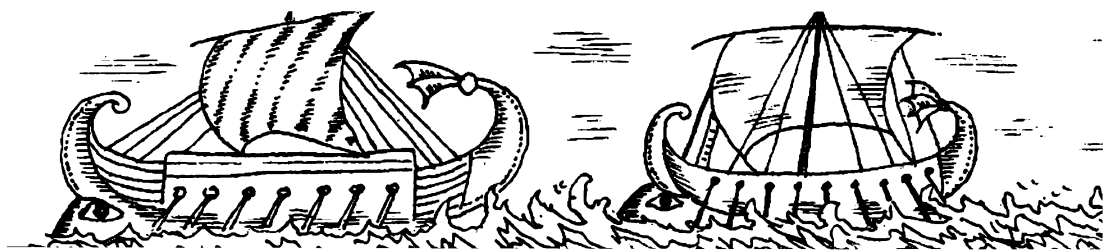
5. Посольство к ахейцам

За отсутствием войск опять взяли слово дипломаты. Посол Антиоха прибыл к ахейцам в Коринф — столицу их союза. Там находился Тит Фламинин, крепко держащий в своих руках поводья власти над Элладой. Однако дипломату «царя Азии» позволили говорить. Он вещал, что в Европу через Геллеспонт готовы переправиться бесчисленные конные армии. Часть их — катафракты, закованные в броню, другая часть — конные лучники, от которых невозможно укрыться. Затем дипломат принялся стращать ахейцев (и Тита Фламинина) названиями диковинных племен, которые подвластны могучему Антиоху. Мелькали имена дахов, прикаспийских кадусиев, мидийцев, а также лучников-элимейцев, живших в современном Хузистане. Не был забыт и флот. Говорилось о несметных морских силах финикийцев — новых подданных Антиоха. Они готовы выставить самый мощный в мире флот, который явится в Европу и наведет порядок в здешних водах.

А уж о богатствах Антиоха нечего и говорить: они несметны. Все знают, что азиатские царства издревле были обильны золотом.

Таким образом, продолжал посол, если римляне решатся воевать, им придется иметь дело не с Филиппом или Ганнибалом, а с повелителем всей Азии и даже части Европы. Он пришел от самых дальних пределов Востока, чтобы восстановить справедливость и освободить Грецию. Если война с римлянами неизбежна, рассуждал дипломат, пускай ахейцы просто не вмешиваются в нее. Незачем страдать и рисковать понапрасну. Это единственное, чего просит Антиох от греков — своих друзей. Остальное он сделает сам.

Примерно в этом духе высказывался и посол этолийцев, также явившийся в Коринф. Он призывал ахейцев остаться зрителями войны и ждать развязки чужих судеб, несколько

не искушая собственной. Впрочем, затем этолиец сорвался и стал ругать Фламинина и приписывать своим соотечественникам победу при Киноскефалах. Звучало это мелко и недостойно, что сразу уронило вес его речей.

Фламинин ответил оппоненту пространной речью. Хотя она строилась на ответных обвинениях, эффект оказался выше, чем от выступления этолийского дипломата. Хотя бы потому, что авторитет римлянина был несравнимо выше. В результате ахейцы — прежде всего аристократы — вновь решили связать судьбу с Римом и объявить войну этолийцам и Антиоху. Им было невдомек, что римляне поступят с ними так, как уже поступили с этолийцами несколько лет назад: используют и предадут.

Ахейцы направили свои отряды туда, куда указал Фламинин. Пятьсот воинов послали на подмогу Халкиде, столько же — в афинский порт Пирей. В Афинах ахейцы исполнили полицейскую функцию. Местная чернь стояла за союз с Антиохом, но те, кто побогаче, решительно выступили на стороне Рима. С помощью ахейского отряда волнения бедноты удалось подавить.

В Халкиду отправил подкрепления и пергамский царь Эвмен. Узнав об этом, Антиох решил поторопиться, чтобы перехватить их на подходе и уничтожить. Он послал к городу Мениппа (того самого, что ездил послом к римлянам) с трехтысячным полком пехоты. С моря гавань Халкиды блокировал сирийский флот. Им командовал способный наварх Поликсенид, выходец с Родоса.

Через несколько дней в поход выступил сам Антиох. Его сопровождали 6000 этолийцев. Тем не менее все эти маневры прошли впустую. Пергамцы и ахейцы успели войти в город. После этого Фламинин захотел добавить в гарнизон римлян. Однако четыре манипулы легионеров (около пятисот человек) уже не смогли попасть в город: подступы к Халкиде надежно сторожили воины Антиоха. Римляне попытались обойти заслоны, но заблудились в рощах. Менипп воспользовался беспечностью легионеров и разбил их вчистую. Остатки римлян вернулись к Фламинину с недоброй вестью о поражении. Это означало, что открытая война Антиоха с римлянами началась.

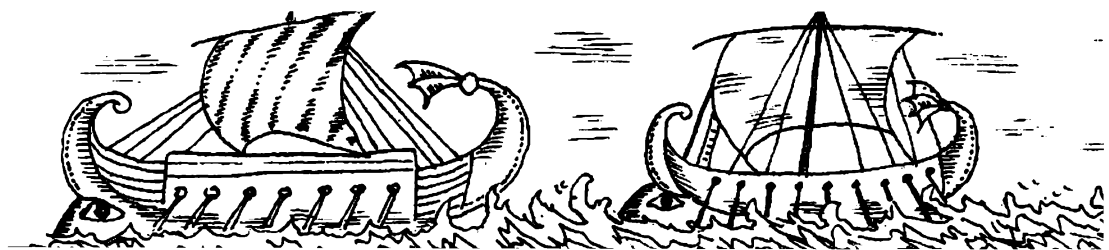
6. Послы и агенты

Царь снова прибыл к стенам Халкиды. Теперь в его распоряжении имелось более внушительное войско. После поражения римского отряда ситуация в городе резко изменилась. Городская беднота, которая безоговорочно держала сторону Антиоха, свергла аристократическую верхушку и встретила царя как освободителя. Ахейский и пергамский отряды перешли в крепость Салганею, что охраняла переправу с материка на остров Эвбею. Римляне облюбовали для себя небольшую крепостцу неподалеку. Ахейцев осадил Менипп, а римлян — сам Антиох. Обе крепости пали после непродолжительных боевых действий. Тит Ливий оговаривается, что ахейцы сдались сразу, а римляне сопротивлялись «героически». Эти победы отдали в руки Антиоха большой и стратегически важный остров Эвбею. Здесь Антиох и зазимовал.

Римляне потратили зиму на сбор легионов в Италии для вторжения на Балканы. Их должен был вести в бой вновь избранный консул Маний Ацилий Глабрион. Отправка консульской армии говорила о том, что к вторжению Антиоха в Риме отнеслись со всей серьезностью.

Этой зимой к сенаторам явились послы из Египта и Македонии. Базилевс Филипп V и фараон Птолемей V предложили римлянам помощь в борьбе с Антиохом. Предательство фараона объяснялось легко: он хотел вернуть Келесирию. Мотивацию Филиппа понять сложнее. Еще недавно он был союзником Антиоха. Что же произошло? Македонский царь ненавидел римлян. Но поражение при Киноскефалах лишило его армии, а заодно и иллюзий. В победу Антиоха он не верил. А потому решил отсидеться, подкопить сил, дожидаться удобного случая и лишь тогда выступить против римлян. Филипп наверняка знал, что Антиох договорился с Аминандром выдвинуть на македонский престол самозванца. Так что получается, что первым показал себя ненадежным союзником как раз Антиох. Что оставалось Филиппу V, если он хотел сохранить царство? Выступить против Антиоха. Он просто отвечал на удар ударом.

Римляне выслушали послов от Филиппа и Птолемея, заверили их в дружбе. От помощи египтян они отказались, не же-

лая усиливать фараона, но македонскую помощь с удовольствием приняли. Филиппу сообщили, что он окажет услугу сенату и народу римскому, если присоединится к консулу Манию Ацилию Глабриону, лишь только тот прибудет в Грецию со своими легионами.

Следом приехали в Рим послы от царя нумидийцев Масанассы (его страна была союзником сената и народа римского и занимала территорию примерно современного Алжира) и из Карфагена. Пунийцы сообщили, что готовы снарядить флот за свой счет, доставить в Рим 500 000 мер пшеницы и столько же — ячменя, а также выплатить сразу все послевоенные репарации, которые платили в рассрочку. По поводу флота и репараций римляне просили не беспокоиться, а зерно готовы были взять только за плату. Столь взвешенная политика объяснялась недоверием к коварному Карфагену. Незачем было возбуждать лишние страсти, принимая дань и подарки.

Нумидийский Масанасса тоже договорился о поставках зерна (римляне опять же подчеркнули, что в дар ничего не примут — только за плату). Кроме того, он предоставил небольшое стадо боевых слонов — 20 голов. Римляне приняли это пополнение.

Антиох потратил зиму 192—191 годов до н. э. на то, чтобы поднять греков. Нельзя сказать, чтобы эта деятельность была очень успешна. Агенты «царя Азии» действовали повсюду, но результат их работы оставлял желать лучшего.

Правда, он всё же был. Первыми к Антиоху пришли на поклон элейцы. Элида — область на Пелопоннесе, она входила в Этолийский союз, затем была захвачена ахейцами. Однако жители Элиды не хотели подчиняться ахейским землевладельцам. Они попросили помощи у Антиоха, чтобы избавиться от ахейцев и вновь обрести самостоятельность. «Великий царь» с радостью принял элейцев к себе в друзья и отправил к ним тысячу пехотинцев под командой критянина Эвтана.

Затем пожаловали гонцы от Эпирского союза. Эта конфедерация образовалась после крушения Эпирского царства в результате «революции». Она была слаба, непоследовательна и осторожна. Вот и теперь вместо конкретных предложений от эпиротов последовали двусмысленные намеки. Гон-

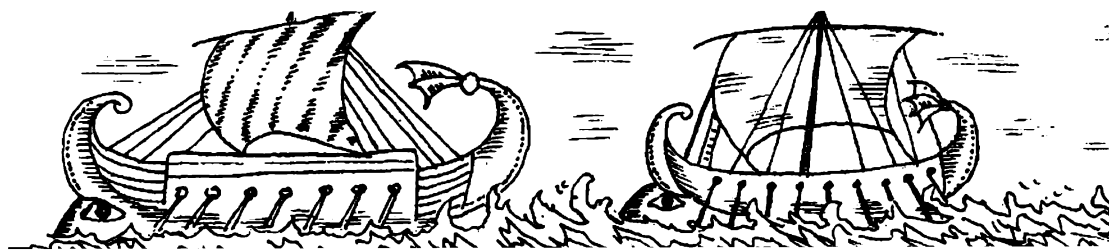
цы сообщили, что весь эпирский народ поддерживает царя и ненавидит римлян, но восстать против них не может — мало сил. Вот если бы Антиох высадился с крупной армией и явился в Эпир — тогда другое дело. Эпироты выступили бы против Рима все как один. А пока они просят Антиоха не впутывать их в глобальный конфликт с Римской республикой. Озадаченный неприкрытым шкурничеством, «Великий царь» отпустил эпиротов и пообещал прислать посольство в их страну, чтобы уговориться о совместных действиях.

Сам Антиох отправился в Беотию. Эту маленькую страну лихорадило от смут и волнений. Антиох прибыл в Фивы. Уже на подходах его торжественно встретили фиванские старейшины. В Народном собрании царь произнес демагогическую речь. Антиох заявил, что его цель — поддерживать мир и порядок в Греции. Пускай беотийцы заключат с ним союз, не порывая с римлянами. Большого царь не хочет.

Беотийские старейшины с готовностью приняли такое решение, но настроения здесь были гораздо более решительные. Все ждали настоящей войны.

Затем Антиох вернулся в Халкиду. А через некоторое время назначил большое совещание в Деметриаде. Туда прибыли послы этолийцев, царек атаманов Аминандр и карфагенянин Ганнибал. Этого человека давно не приглашали на подобные сборища. Ему никто при дворе не верил. Но теперь пуниец как-то смог втереться в доверие и явился вместе со всеми.

Говорили о фессалийцах. Этот народ недавно освободился из-под власти македонян и обрел независимость. Антиох хотел склонить фессалийцев на свою сторону. Начался спор. Кто-то советовал немедленно идти в Фессалию с войском, другие рекомендовали начать переговоры и дожждаться весны. Один Ганнибал слушал обсуждение молча. Это заметил Антиох и попросил его высказать свое мнение. Пуниец не заставил просить себя дважды. Он сказал, что прежде всего надо вовлечь в союз Филиппа, царя Македонии. Тогда мелкие государства — Беотия, Эвбея, Фессалия — сами прибегут. Как все, у кого мало сил, они заискивают перед любым могущественным правителем, который находится рядом. Если бы его послушали сразу, говорил пуниец, война полыхала бы не в Греции, а в Этрурии — у ворот Рима. Римляне услышали бы, что

в Италии находится Ганнибал, а страшнее этого нет для них ничего. Но и сейчас еще не поздно всё исправить. Нужно собрать все морские и сухопутные силы. За флотом должны следовать грузовые корабли с припасами. Морские силы следует разделить надвое. Одна часть пусть стоит у Керкиры и мешает римлянам переправиться в Грецию, а другая войдет в море между Сардинией и Италией. Войско необходимо перевести в Южную Иллирию, чтобы угрожать оттуда высадкой римлянам. И в удобный момент действительно высадиться. Все это сулит верный и быстрый успех.

Речь Ганнибала весьма понравилась присутствующим. Антиох тотчас послал своего наварха Поликсенида в Малую Азию — привести флот и войска. Но на этом реализация плана Ганнибала закончилась. Армия стягивалась медленно, возникали тысячи препятствий, без царя никто не мог правильно организовать войско, все тянули время и разворовывали деньги. Антиох же без толку торчал в Европе.

7. Поход в Фессалию

Чтобы не тратить времени даром, Антиох вошел со своими отрядами в Фессалию. Туда же прибыли Аминандр и его протеже Филипп из Мегалополя с двумя тысячами воинов. Перед этим Филипп отправился на поле битвы при Киноскефалах и захоронил оставшиеся непогребенными останки македонских воинов. Тит Ливий утверждает, что сделано это было по приказу Антиоха. Если так, то «царь Азии» совершил глупость. Он действовал прямо в противоположном направлении, чем то, какое указывал ему Ганнибал. Нужно было дружить с базилевсом Македонии, а «Великий царь» вместо этого поддерживал авантюриста Филиппа из Мегалополя, который претендовал на македонский престол.

Филипп V пришел в бешенство. Тит Ливий утверждает для пущего драматизма, что перед этим Филипп якобы хотел верить себя судьбе и перейти на сторону Антиоха. Но теперь он послал гонцов к римлянам. Тут же из Иллирии (эта провинция тогда уже была захвачена Римом) явился с небольшим войском претор Марк Бебий и соединился с македонянами.

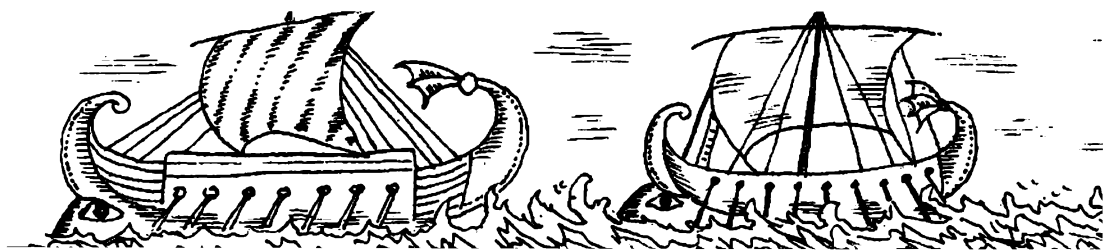
Не будем безоговорочно верить Ливию, он сам себе противоречит. Выше историк писал, что Филипп V предложил свою помощь римлянам гораздо раньше. Но может быть, он как раз и отправил посольство в Рим после захоронения при Киноскефалах? Тогда сведения о посольстве правильнее поместить именно здесь. Впрочем, это детали. Важно другое: Филипп оказался в лагере римлян.

Войдя в Фессалию с войском, Антиох оказался под крупным городом Феры. Сюда подтянулись Аминандр и этолийцы. Снова начались переговоры. Фессалийцы долго выясняли, что нужно «Великому царю» в их стране. Антиох пафосно заявил, что принес грекам свободу. Греки ответили, что свободны. Антиох потребовал, чтобы его впустили в Феры. Горожане ответили, что останутся верны союзу с Римом.

«Великий царь» понял, что от его дальнейшего поведения зависит важная вещь: будут ли его презирать фессалийцы как слабого правителя или же отнесутся с уважением как к решительному полководцу. Изготовив всё необходимое, царь начал решительный штурм. Первый натиск горожане выдержали мужественно, а потом пали духом, перейдя от бравады к унынию. Руководители города сумели уговорить людей продолжить сопротивление, но сил не хватало. Горожане оставили внешнюю стену и ушли в акрополь. Последовал еще один штурм. Всем было ясно, что «Великий царь» не отступит. Фессалийцам уже мерещилась всеобщая резня и продажа людей в рабство. Чтобы избежать этого, они капитулировали.

Пока общий страх не прошел, царь быстро послал 4000 воинов под город Скотусу, который сдался без сопротивления. В Скотусе оказался отряд из другого фессалийского города, Ларисы, многолюдного и сильного. Чтобы снискать расположение ларисцев, Антиох отпустил этот отряд в полном вооружении, после чего выступил в поход и быстро захватил три города вокруг Ларисы. Затем настал черед и самой Ларисы. Дабы устрашить горожан, Антиох выстроил перед стенами города пехоту, а впереди поставил слонов. Вид грозной силы врага поверг ларисцев в уныние. Потребовалось большое усилие воли, чтобы не сдаться сразу. Началась осада.

В это время Менипп вторгся в Перребию с трехтысячным полком этолийской пехоты и двумя сотнями всадников. Он

захватил несколько городов, взял добычу и вернулся под Ларису. Храбро действовал и Аминандр. Со своей дружиной он взял городок Пеллиней, после чего тоже двинулся на соединение с Антиохом.

«Великий царь» собрал совет. Вопрос был один: что делать с Ларисой — осаждать или отступить. Как обычно, нашлись скептики. Поскольку город не сдавался, они начали высказывать опасения. Лариса, мол, гораздо сильнее Фер, а значит, и шансов на успех мало. К тому же на дворе — зима: плохое время для военной кампании и серьезной осады. Но тут, в разгар этих обсуждений, примчались гонцы из-под Фарсала с сообщением, что этот фессалийский город сдался Антиоху. И «Великий царь» решил продолжать осаду, чтобы взять Ларису во что бы то ни стало.

Тем временем претор Марк Бебий повстречался с Филиппом V на западной границе Македонии, получил от него согласие пропустить римлян через свою территорию и направил для защиты Ларисы римский отряд во главе с военным трибуном Аппием Клавдием. Тот двинулся «скорым ходом» (как пишет Ливий) на юго-восток и скоро вошел в Темпейское ущелье на расстояние 20 миль от Ларисы. Здесь Аппий Клавдий раскинул лагерь и зажег множество костров, чтобы создать впечатление многочисленности римского войска. Антиох должен был поверить, что вместе с римлянами пришел Филипп V, — отсюда и сотни огней. «Великий царь» действительно клюнул на эту хитрость. Он снял осаду и вернулся в Деметриаду, объясняя своим, что всё дело в приходе зимы. Аппий Клавдий тотчас вошел в Ларису. Дело выглядело так, будто римляне прогнали сирийцев и спасли город. В Ларисе остался римский гарнизон.

8. Эвбейская красавица

Антиох бездействовал, ожидая подкреплений из Азии. Но складывается ощущение, что там, вдали от твердой руки царя, никто не думал о подготовке войск.

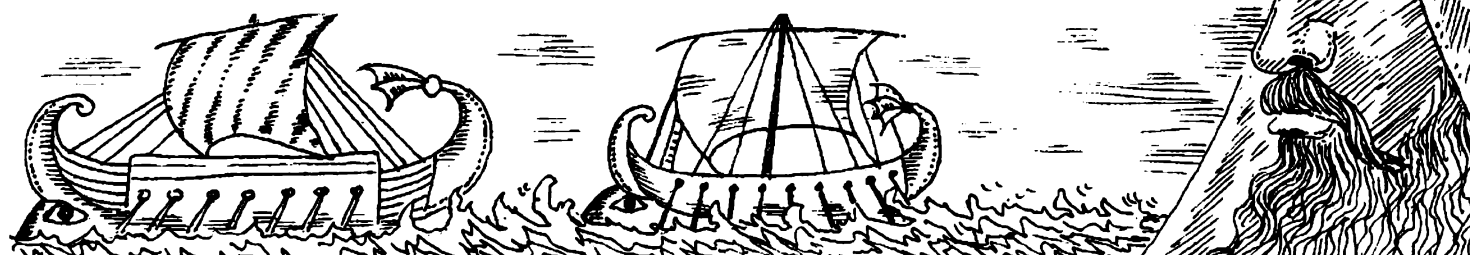
«Великий царь» сам подал дурной пример. Видимо, еще раньше он влюбился в халкидскую девушку, дочь местного аристократа, пользовался взаимностью и никак не мог ее за-

быть, невзирая на походы и дела дипломатии. Историк Полибий, современник событий, который и сам мог видеть халкидянку, называет избранницу Антиоха «красивейшей из женщин». Ради нее царь оставил Деметриаду и вернулся в Халкиду, на остров Эвбею. Он был влюблен как мальчишка и какое-то время вообще не думал о войне и политике.

Однако отец девушки (история сохранила его имя — Клеоптолем) был категорически против ее связи с Антиохом. «Великий царь» годился его дочери в отцы. Антиоху стукнуло пятьдесят два. Впрочем, по меркам древних греков — это не возраст. Антиох сохранил стать и мужественную красоту. Волевой подбородок, умный взгляд, прямой крупный нос, тонкие губы; волосы, разбросанные с продуманной небрежностью и перехваченные диадемой. Таким его изображение дошло до нас. Конечно, косметических кабинетов в то время не было, но в искусстве обманывать старость греческие врачи не знали равных. К тому же Антиох был подтянут, спортивен и мускулист — настоящий воин. Его лицо несколько портил шрам на щеке, полученный во время Восточного похода, да некоторая шепелявость (напомню, копьё раскрошило у царя несколько зубов), но шрамы и производственные травмы — украшение воина. К тому же базилевс полностью сохранил величавость облика и царственность манер. Это был воистину Великий царь. Обрести любовь такого для женщины — большая честь (а любовные связи с мужчинами царь, кажется, отрицал, что большая редкость для людей его племени).

И все-таки отец девушки возражал. Даже не разница в возрасте его пугала, а социальное неравенство. Эвбеец Клеоптолем не хотел связываться с «человеком несоизмеримо высшего звания», как пишет Ливий. Царь был вознесен выше всех, но в любую минуту его могли убить. При царе кормилось много льстецов и наушников. В этой гнилой атмосфере было очень трудно уцелеть и вообще жить.

Впрочем, Антиох во что бы то ни стало решил жениться на дочери Клеоптолема! Это свидетельствует о романтичности царя и о том, что сам по себе он не был монстром и тираном, готовым на всё ради удовлетворения собственной похоти. Если он любил, то лишь по взаимности. Жен — ценил и уважал,

сохранял им жизнь, даже если любовь проходила (что не было правилом в то время), заботился о детях.

Антиох заслал сватов. Отец девушки отказал. Тогда «Великий царь» лично пожаловал к нему. Отец упирался. Лишь ценой больших усилий (и, вероятно, ценных подарков) Антиох сумел добиться согласия сурового главы семейства на этот брак. Сыграли свадьбу по греческому обычаю. Антиох был на седьмом небе от счастья, а про войну забыл начисто. Для человека такое настроение простительно. Для лидера огромной империи — преступно. Беспечность в конечном счете стоила Антиоху жизни. Подобные ошибки можно было допускать с кем угодно, но только не с римлянами.

Остаток зимы царь-молодожен наслаждался молодой женой. Настоящее имя ее не сохранилось. Известно, что Антиох называл свою супругу Эвбея — по имени острова, где произошла их встреча. Юная красавица не отличалась умом и была далека от политики. Ей нравилось кружиться в вихре удовольствий. О том, что будет завтра, она не думала. Базилевс проводил ночи в пиршествах и любовных утехах, а днем отсыпался. Такая же изнеженность охватила и высших сановников. Сообразив, что начальство за ними не следит, на зимних квартирах распустились и младшие офицеры. А потом дошел черед до солдат. Недавние походы и подвиги словно канули в прошлое. Никто не брал в руки оружия, не выходил в заставы и караулы. Трудно поверить, что с этими людьми Антиох совершил опаснейший азиатский поход и дошел до границ Индии. Но факт остается фактом: что-то надломилось и никто, начиная с самого царя, уже не был способен на подвиг.

9. Неудачи Антиоха

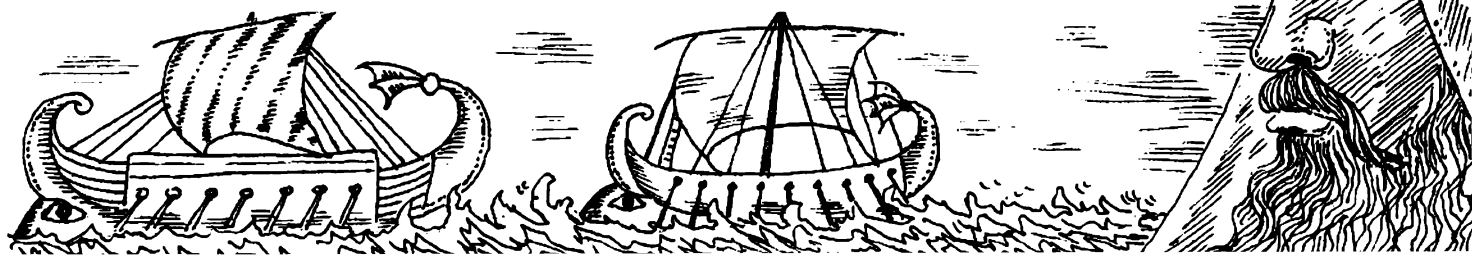
Лишь с началом весны «Великий царь» вновь приступил к делам. Он призвал к себе акарнанца Александра, дал ему несколько полков и послал освобождать Акарнанию с севера. Досталась работа и проверенному Мениппу — воину и дипломату. Он напал на Акарнанию с юга, со стороны города Страт. Сам Антиох совершил жертвоприношение в Дельфах и поехал вдогонку.

Менипп проявил себя во всем блеске. Он сумел договориться с одним знатным акарнанцем, по имени Мнасилох, который за взятку перешел на сторону Антиоха, а с ним на сторону «Великого царя» склонилось всё ополчение. Затем Менипп отправился к стратегу акарнанцев и тоже смог перетянуть его к Антиоху. Страна упала к ногам Антиоха.

Только Левкада — столица Акарнанского союза — закрыла ворота, да еще несколько городов помельче последовали ее примеру. Они больше опасались римлян, чем сирийцев. Римский флот курсировал неподалеку, а воинов Антиоха было немного. Но против колеблющихся применили хитрость, придуманную изобретательным Мнасилохом. Он примчался в Левкаду и в панике закричал, что сирийцы вот-вот займут соседние города и нужно без промедления перебросить туда подкрепления. Левкадцы купились на эту дезинформацию и направили соседям в подмогу 500 отборных молодых воинов. Под этими городами тотчас объявился Антиох. Предатели открыли ворота, царь вошел и взял в плен левкадских солдат. Те перепугались, но зря: Антиох сохранил им жизнь и свободу. Сам он двинулся к Тирею — этот город был от Левкады совсем близко. Сил для сопротивления у акарнанцев уже не было. Но тут вмешались римляне. В Левкаду прибыл римский уполномоченный Гней Октавий с отрядом солдат и небольшой эскадрой.

Узнав о приближении римлян, Антиох увел войска из Акарнании. Половина захваченных им городов тотчас переметнулась к римлянам.

Тем временем Филипп V и римский претор Бебий ударили по тылам «азиатов». Филипп вступил в Перребию и осадил ее столицу, а Бебий атаковал фессалийские города, верные Антиоху. Захватив стремительным ударом два из них, Бебий пришел на помощь Филиппу. Едва услышав о приближении римлян, перребы сдались. Затем римско-македонское войско двинулось на зачистку Фессалии, в которой стояли гарнизоны атаманы. С налета Филипп и Бебий заняли семь городов. Все плоды недавних успехов Антиоха в Фессалии были сведены на нет. Наверно, со стороны выглядело немного странно, что римляне, недавно резавшие македонцев при Киноскефалах, теперь шагают рядом с пельтастами и фалангитами.

Наконец они осадили город Пеллиней, который оборонял Филипп из Мегалополя — неудачливый претендент на македонский престол. В его распоряжении было 500 пехотинцев и 40 конников. Прежде чем идти на штурм, Бебий и Филипп V предложили авантюристу капитулировать, но получили отказ. Мегалополитанец заносчиво молвил, что готов сдаться римлянам, но под власть Филиппа V никогда не склонится. Бебий остался осаждать непокорный город. Филипп V двинулся дальше.

Примерно в эти же дни в Греции высадился римский консул Маний Ацилий Глабрион со своей армией. В ней насчитывалось 20 000 пехоты, 2000 конницы и 15 африканских слонов, присланных Масанассой и карфагенянами. Глабрион имел репутацию человека решительного и даже жестокого, так что грекам было чего бояться. Он приказал военным трибунам вести пехоту в Ларису, а сам с конницей кинулся на помощь Филиппу V. Македонский царь осаждал хорошо укрепленный фессалийский город Лимней, который защищали сирийцы и атаманы. Появление римлян и здесь решило исход осады. Защитники капитулировали. Консул бросился к Пеллинею — там римляне по-прежнему блокировали Филиппа. После прибытия консула город сдался. Филипп V, обладавший своеобразным чувством юмора, отдал мегалополитанцу царские почести и в шутку назвал его «братом».

После этого римляне собрались в Ларисе, а Филипп V отправился в Атаманию и занял эту страну.

В свою очередь консул Глабрион захватил города Феры, Фарсал и Скотусу. Оттуда он двинулся к Малийскому заливу и попал в засаду. Враги, спрятавшись вдоль дороги, стали обстреливать римлян камнями и стрелами. Однако Глабрион действовал решительно: он обошел засады и стал занимать опустевшие сёла. Греки выбегали из укрытий, чтобы защитить родные очаги; тут их и уничтожали римляне.

Антиох, в это время находившийся в Халкиде, мрачно наблюдал за тем, как фессалийские города уходят от него один за другим, войска тают, а грозные римляне приближаются, да еще вместе с македонцами.

Все достижения «Великого царя» в Греции свелись к приятной зиме, проведенной в объятиях юной жены. Виноватым в своем провале он посчитал этолийцев и лично Фоанта, который заманил его пустыми обещаниями, будто бы десятки тысяч греков придут к Антиоху, едва его нога ступит на греческий берег. А вышло наоборот. Греки перебежали к римлянам и с удовольствием служили новым господам. В распоряжении Антиоха было всего несколько тысяч гоплитов из Беотии да этолийская конница. Ситуация приняла угрожающий характер. Близились время решающей битвы, а драться, собственно, было нечем.

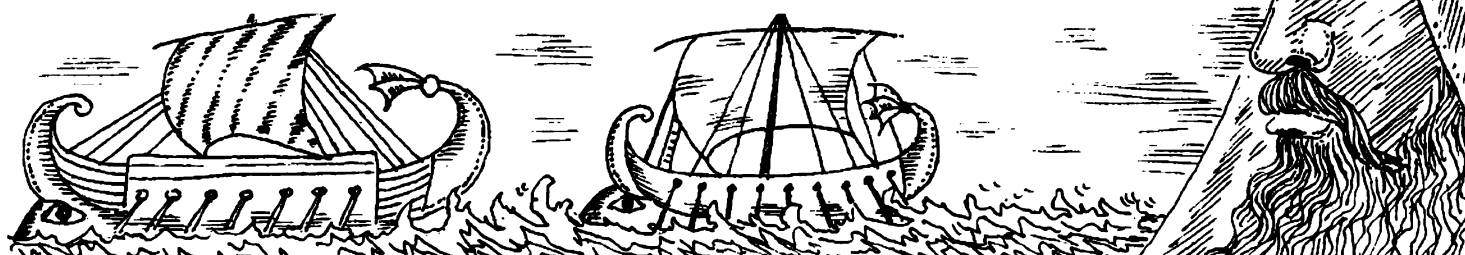
10. Битва при Фермопилах

Антиох пытался спасти то, что еще можно. Из Азии к нему наконец прибыли небольшие подкрепления, так что царь восстановил прежнюю численность своего экспедиционного корпуса: 10 000 пехоты и 500 конников. С ними он направился в приморскую Ламию, откуда можно было легко эвакуироваться в случае неудачи. Туда же он приказал явиться своим греческим друзьям.

Таковых оказалось немного. Этолийцы привели всего 4000 солдат. О беотийской помощи историки вообще умалчивают. Оставленный всеми, Антиох укрылся в Фермопильском ущелье (191 год до н. э.). Именно здесь когда-то спартанский царь Леонид пытался остановить персов. Позднее греки сражались здесь с македонянами и отражали нашествие галлов. Теперь Антиох занял эту удобнейшую позицию, чтобы остановить римлян. По сути, это было верное решение. Узкое ущелье сводило на нет численный перевес врага и давало возможность защищаться с помощью тяжелой пехоты. Всё это учел Антиох. Он дополнительно укрепил ущелье валом и даже стеной, этолийцев же послал вперед занять Гипату и Гераклею — два города, лежащих перед ущельем.

Скоро появились римляне. Они обошли оба городка, даже не позаботившись блокировать их, а сами приблизились к горячим источникам, которые, собственно, и дали имя ущелью (правильное его название — не Фермопилы, а Термо-Пилы, то есть Горячие Ключи).

Тут Антиохом овладела тревога: как бы не попасть в окружение. Он помнил, что персы в свое время отыскивали горную тропу и по ней зашли в тыл спартанцу Леониду. Опасаясь повторения этой истории, Антиох направил гонцов к этолийцам, приказывая занять горные тропы и не пускать римлян. «Помогите мне хотя бы в этом!» — с горечью восклицал государь.

Между этолийцами начался спор. Одни говорили, что надо отсидеться. Если победит Антиох, всегда можно присоединиться к нему. Если одержат верх римляне — у этолийцев останутся нетронутыми силы для обороны своей страны. Другие предлагали помочь Антиоху, потому что у них с царем теперь одна судьба, а от его победы или поражения зависит будущее Греции.

В конце концов все остались при своем мнении, и этолийцы разделились. Две тысячи из них отправились на помощь Антиоху и заняли горные проходы. Остальные засели в городке Гераклея и стали ждать исхода событий.

Подошли римляне.

Увидев, что враг занял теснины, консул Глабрион решил атаковать и выбить этолийцев оттуда. Такая задача была поставлена двум легатам, происходившим из аристократических римских семей: Марку Порцию Катону и Луцию Валерию Флакку. Каждому из них Глабрион дал по одной тысяче отборных пехотинцев. Сам консул решил атаковать самого Антиоха с его маленькой армией. Перед битвой римский командующий обратился к воинам с речью: «Солдаты! Многие из вас сражались в этих местах под началом Тита Фламинина. Однако тогда и укрепления у врага были посерьезнее, да и сам враг посильнее. На стороне Филиппа были македонцы и фракийцы — неустрашимые народы. А здесь перед вами мелкие людишки — сирийцы. Победа близка».

Битва началась на рассвете. Консул поставил войско плотным строем с нешироким передним краем, приспособиваясь к условиям ущелья.

Антиох тоже расставил солдат. Впереди — легковооруженных. Позади — тяжеловооруженных сариссофоров — солдат с длинными копьями. Слева, на возвышенности, чтобы стрелять сверху и поражать врага в незащищенные бока, встали лучники, пращники и метатели дротиков. Справа от сариссо-

форов, рядом с непроходимыми болотами, что простирались до самого моря, Антиох поставил слонов с опытными погонщиками, кавалерию и все остальные силы.

Первую атаку римлян выдержали легковооруженные отряды. Сверху стрелки поливали атакующих дротиками, стрелами, камнями, свинцовыми шариками из пращей. Глабрион бросал в бой всё новые и новые силы. Легионеры совершали чудеса героизма, орудуя короткими мечами, пробиваясь сквозь лес копий и вспарывая кишки врагам. Тактические соединения римлян — манипулы по 120 человек в каждой — были гораздо более гибки и подвижны, чем соединения фалангитов, которые строились в таксисы (батальоны) по 600 бойцов.

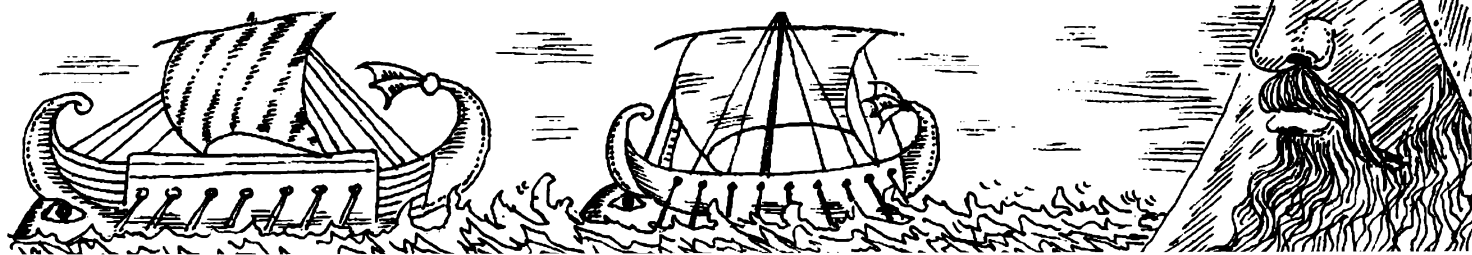
Наконец римляне потеснили противника. Антиох отвел часть своих солдат в лагерь, защищенный валом. Сариссофоры выдвинулись вперед и выставили очень плотно копья. Многие легионеры бросались в гущу врага и погибали не в силах прорвать сирийский строй.

И вдруг — в тылу армии Антиоха появились римляне. Это был отряд Марка Катона. Что же случилось?

Как помним, Глабрион послал против этолийцев, защищавших проходы, два отряда. Одним командовал Флакк, другим — Катон. Задача обоим была поставлена одна: выбить этолийцев с их позиций, обойти армию Антиоха и атаковать ее с тыла. Офицеры начали действовать.

Флакку не повезло. Этолийцы отбили все атаки, он отступил. Зато отряд Катона действовал несравненно удачнее. Римляне подкрались к защитникам горной тропы тихо и незаметно. Этолийцы отдыхали (Ливий вообще пишет, что спали) и даже не выставили караулы. Катон со своим отрядом напал на них, вышиб с позиции и большую часть перебил. Кажется, он присоединил к своему отряду людей Флакка, вышел в тыл Антиоху и пошел в решающую атаку.

Сирийцы заметили облако пыли позади своих полков, но решили, что это идут на подмогу этолийцы. Однако вскоре стали видны римские значки. А потом послышался и римский боевой клич, с которым легионеры бросились в атаку. Сирийцы тотчас смешались и ударились в бегство, побросав оружие. Катон преследовал врага, истребляя без жалости. В свою оче-

редь, пошел в атаку и Глабрион. Впрочем, преследователям мешали укрепления, узость долины и вражеские слоны. Погонщики бросили их в безнадежную атаку, чтобы спасти бегущих сирийцев. Слоны пугали римлян, особенно кавалерию. Это позволило части войск Антиоха спастись.

Некоторые легионеры увлеклись разграблением лагеря. Но Глабрион быстро навел порядок в своих манипулах. Римляне возобновили погоню, настигли убежавших по дороге сирийцев и многих перебили. Погибли также слоны, прикрывавшие отход пехотинцев.

В этот момент внезапно в тыл римлянам ударил этолийский гарнизон Гераклеи. Почему это пришло в голову этолийцам, неясно. Может быть, они просто увидели спины врагов и не удержались от искушения. Другая, менее стойкая армия рассыпалась бы от такого удара. Но римляне выстояли. Загнавши этолийцев обратно в Гераклею, они снова бросились за сирийцами. А те, решив, что опасность для жизни миновала, брели без всякого порядка, садились на отдых...

Римляне были безжалостны — уйти от погони удалось немногим. Акарнанец Александр с горстью людей добрался до морского побережья в Малийском заливе. Здесь стояло несколько сирийских кораблей. Израненный, подавленный, Александр рассказал о страшном поражении и гибели армии. Его взяли на борт. Корабли отплыли на Эвбею. По дороге Александр умер. Его смерть означала серьезную потерю: этот энергичный грек умел поднять сограждан на войну, ненавидел римлян и оказал много услуг Антиоху.

Сам Антиох спасся. Он прибыл со своими гетайрами и остатком экспедиционного корпуса в Халкиду. Собрать удалось всего 500 человек. Получается, римляне перебили и рассеяли всю пехоту. Уцелела лишь конница. Тит Ливий пишет, что римлян в этом сражении полегло всего двести. Это типичная картина занижения потерь, когда не учитываются умершие от ран и пропавшие без вести. Впрочем, суть не меняется. В битве при Фермопилах «Великий царь» потерял весь свой экспедиционный корпус. О попытках закрепиться в Европе следовало забыть.

Глава 2. Между Грецией и Азией

1. Греки капитулируют

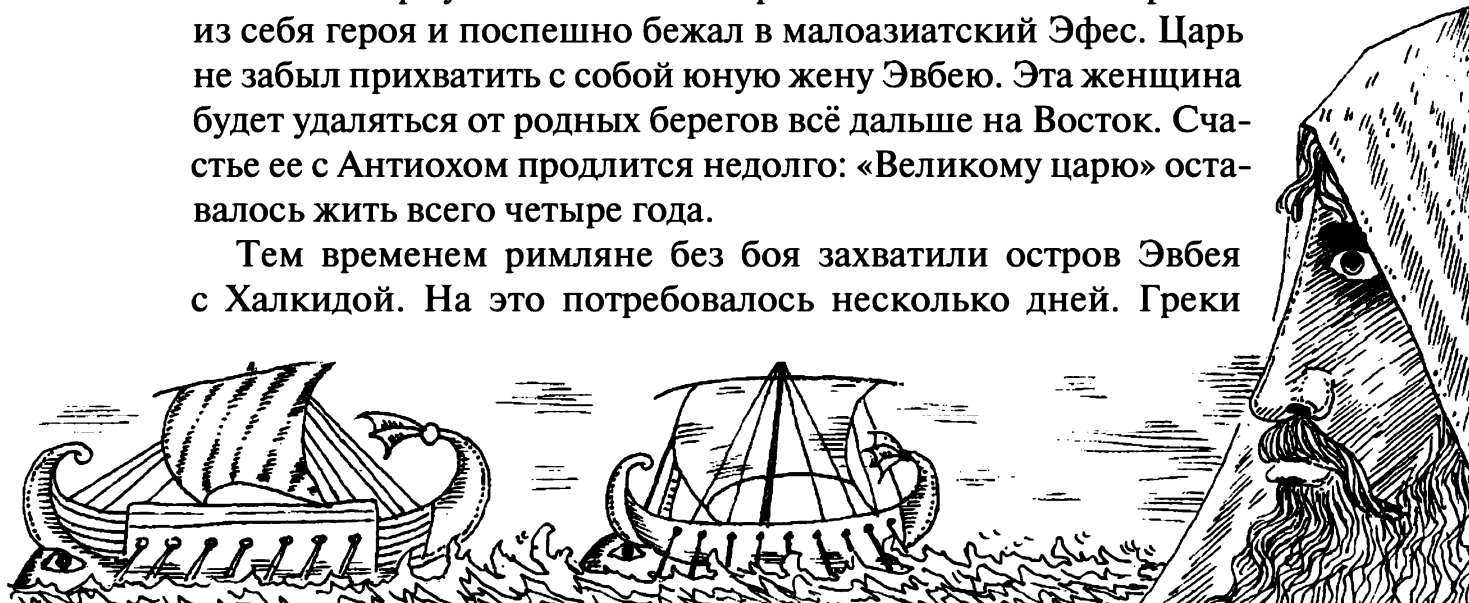
Преследуя Антиоха, консул Глабрион шел со своим войском через Фокиду и Беотию. Жители этих областей, потрясенные неудачей «царя Азии», встречали римлян оливковыми венками как освободителей, а сами тряслись от страха. Ведь совсем недавно они встречали с такими же венками другого освободителя — Антиоха, а крутой нрав римлян знали не понаслышке.

Однако у Глабриона хватило ума не устраивать повальную резню греков. Он быстро продвигался по их территории, принимал заверения в преданности и шел дальше. Так продолжалось до тех пор, пока консул не достиг города Коронеи в Беотии. Здешние жители не успели уничтожить статую Антиоха, которая стояла в храме Афины. Глабрион был этим страшно разгневан и решил показать, кто настоящий хозяин в стране. Его солдаты разграбили поля вокруг храма. Но и теперь консул быстро одумался. Грабеж прекратили, статую снесли. Беотийцам вынесли словесное порицание за то, что они поддерживали Антиоха. Когда этого требовали обстоятельства, римляне умели быть милосердными. Борьба с Антиохом еще далеко не закончилась.

В это же время римская эскадра настигла у острова Андрос транспортный флот, который вез Антиоха припасы. Римляне напали на транспорты, часть потопили, остальные привели в афинский порт Пирей.

Положение «Великого царя» становилось опасным. В любую минуту его могли осадить в Халкиде. Подкреплений не было. На море уже хозяйничали враги. Антиох не стал корчить из себя героя и поспешно бежал в малоазиатский Эфес. Царь не забыл прихватить с собой юную жену Эвбею. Эта женщина будет удаляться от родных берегов всё дальше на Восток. Счастье ее с Антиохом продлится недолго: «Великому царю» осталось жить всего четыре года.

Тем временем римляне без боя захватили остров Эвбея с Халкидой. На это потребовалось несколько дней. Греки

всюду покорно открывали ворота и каялись. Политика милосердия делала свое дело. Глабрион захватил Фокиду, Беотию и Эвбею, не потеряв ни одного человека. Этолийцы были отрезаны в своих горах. В сенат победоносный консул отправил Катона, чтобы тот похвастался удивительными победами. В Риме устроили по этому случаю трехдневное молебствие и принесли в жертву богам несколько десятков животных.

Изгнав Антиоха, Глабрион взялся за этолийцев. Они еще сидели в Гераклее. С одной стороны, потрясала быстрота, с какой римляне разгромили Антиоха и взяли Среднюю Грецию. В свое время с Филиппом V в этих местах воевали несколько лет. Селевкид оказался слабее. Но это не означало, что этолийцы должны были сразу сдаться. Эти гордые люди, безжалостные и необузданные, надумали драться до последнего. Они ответили отказом на все предложения римлян капитулировать. Эти безумцы словно решили погибнуть вместе со свободой Греции.

Глабрион осадил Гераклею, но взять с ходу не мог. Небольшой гарнизон (две тысячи человек) дрался против всей римской армии с мужеством отчаяния. Если бы так дрались все греческие города, а не открывали ворота, помахивая оливковыми ветвями в знак собственного бессилия, история Греции могла стать иной.

Осада продолжалась почти месяц. Силы защитников иссякли. Наконец Глабрион взял город хитростью. Он приучил этолийцев, что штурмы продолжаются только днем. Обессиленные воины стали самовольно покидать посты и отдыхать ночами, чтобы снова сражаться при свете дня. Этой оплошностью и воспользовался Глабрион. Предприняв ночную атаку, он захватил город. Остатки защитников укрылись в городском акрополе и скоро сдались. В плен попал видный этолиец Дамокрит, один из главных зачинщиков войны.

Позже его привезли в Италию и держали до самых торжеств, посвященных победе на Балканах. Этолиец должен был пройти в цепях перед толпой во время триумфа римских полководцев. Затем пленника полагалось зарезать. Дамокрит, однако, устроил дерзкий побег. Его догнали. Тогда бесстрашный этолиец бросился на меч. В этике древних греков род смерти имел очень важное значение. Доставить врагу радость убить

тебя считалось позорным. Ты должен был умереть сам, как тебе угодно, и лишить врага радости выбора способа казни и наслаждения твоей агонией.

За несколько дней до падения Гераклеи этолийцы собрались на совет в одном из своих городов. Они договорились отправить вестников к Антиоху с просьбой вновь высадиться на Балканах. Или хотя бы помочь этолийцам людьми или деньгами. Во главе посольства встал Фоант; весть о падении города пришла уже после его отбытия. Она произвела на этолийцев такое впечатление, что решено было начать переговоры с римлянами.

Странно, что именно падение Гераклеи стало причиной мирных переговоров. Неужели этолийцы рассчитывали, что город, не получая помощи извне, будет вечно держаться против римской армии?

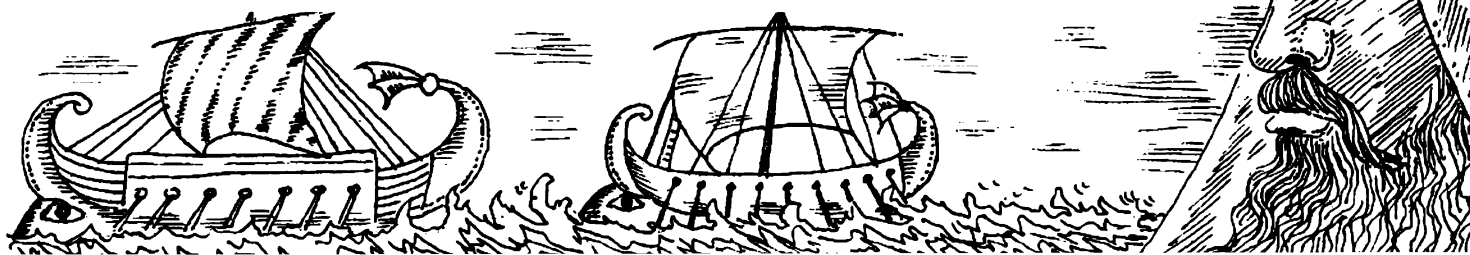
Впрочем, возможно и другое объяснение. В посольство к Антиоху специально отрядили во главе с Фоантом самых непримиримых — всех, кто мог помешать заключению мира. А сторонники компромисса воспользовались первым удобным случаем, чтобы вступить с римлянами в переговоры.

Глабрион и его подручные потребовали безоговорочной капитуляции. Этолийцы ответили, что это противоречит греческим обычаям. На это консул сказал небрежно: «Меня мало волнует, что именно вы считаете соответствующим греческому обычаю. Я римлянин и действую по праву победителя».

Как раз когда шли эти переговоры, к этолийцам прибыл эмиссар Антиоха Великого Никандр. Он сообщил, что Антиох ведет грандиозные приготовления к новой войне и на римлян скоро обрушится вся мощь «Азиатского царства». Между прочим, он сообщил, что по дороге к этолийцам угодил в плен к Филиппу V. Однако македонский царь встретил его как друга и даже проводил в Этолию. Это внушало надежду на возобновление союза с македонским царем.

Наслушавшись этих речей, руководители Этолийского союза отказались от переговоров с Римской республикой и продолжили войну. Консул Глабрион невероятно разгневался и двинул в Этолию свои легионы. Он направился к Навпакту, одному из главных городов Этолии, расположенному на морском побережье. В это же время ахейцы вторглись в Мес-

сению и Элиду; обе области были захвачены и вошли в Ахейский союз. А Филипп V захватил Атаманию, причем Аминандр успел бежать. Филипп развил успех, взяв Деметриаду в Фессалии. Затем повернул на запад и присоединил землю долопов в Эпире. Римляне позволяли ему округлить свои владения — лишь бы он не сговорился с Антиохом, тем более что потом эти области можно было легко отобрать.

Пока происходило все это, Маний Ацилий Глабрион, уже два месяца, безуспешно осаждал Навпакт. Наконец к Навпакту прибыл Тит Фламинин, который сказал Глабриону примерно следующее: «Что ж ты упустил время после победы над Антиохом, осаждая мелкие города, когда Филипп Македонский усиливается и захватывает область за областью, а твои консульские полномочия скоро закончатся?»

Тит начал переговоры с горожанами и предложил им перемирие на срок, необходимый, чтобы отправить посольство в Рим.

Осада была снята. Римляне сохранили лицо, легионы вернулись в Фокиду. Этолийцы получили передышку.

Тем временем в Рим явились послы Эпирского союза в надежде получить прощение за союз с Антиохом, оказавшийся, однако, бесполезным для «Великого царя». Эпироты не выставили ни одного солдата. Римляне сурово отчитали послов, но прощение даровали. Время для расправы еще не пришло.

Неопределенным оставалось лишь положение этолийцев.

2. Почему Антиох медлил?

А «Великий царь» в очередной раз познал радость отцовства. Молодая красавица Эвбея родила ему дочь. Но долго находиться подле жены Антиоху не позволяли дела. Впрочем, историки замечают, что царь впал в странную апатию.

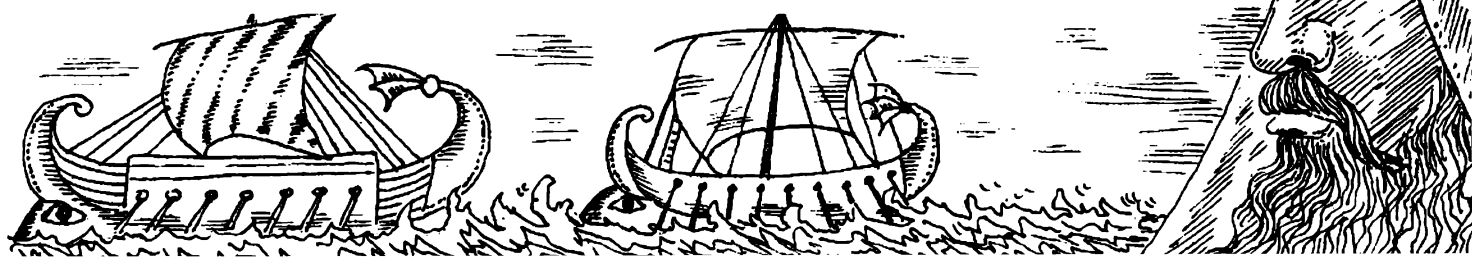
Он бездействовал. И это — вопреки обещаниям, которые дал этолийцам. Почему? Ливий пишет, что царь не верил в возможность высадки римлян в Азии и только предостережение Ганнибала заставило его выйти из спячки и начать неспешную подготовку к отражению римлян.

Как это не похоже на поведение царя в молодости! Тогда он был энергичен. Но сейчас ему уже перевалило за пятьдесят, былая энергия ушла. Хотя, возможно, дело вовсе не в возрасте?

Причины могли быть разные. Может быть, например, вспыхнуло крупное восстание восточных сатрапий? Об этом мы не знаем. Империя была слишком велика, границы ее ненадежны. Антиоху приписывают легкомысленную фразу, будто бы сказанную после поражения в войне: «Я благодарен римлянам за то, что они избавили меня от необходимости управлять слишком большой державой». В этом абсурдном на первый взгляд утверждении есть свой резон. Расширив империю, Антиох вдруг понял, что не имеет сил и средств для управления ею. Не хватает ни опытных кадров, ни войск. В сатрапиях приходится держать крупные гарнизоны. А полевую армию собрать попросту невозможно — иначе окраины начнут отпадать. Возьмем хотя бы Малую Азию. Прибрежные греческие города Ионии и Эолиды, всегда готовые к бунту, неприязненный Пергам, мелкие династии Каппадокии, Понта, крохотная Вифиния, непостоянные галаты, горные племена писидийских разбойников, покорить которых не удалось никому. А ведь это лишь одна провинция огромной державы! Для удержания всей страны в повиновении требовались огромные усилия, деньги, время и войско.

Важной причиной странной бездеятельности Антиоха мог быть финансовый кризис. На первый взгляд это утверждение парадоксально. Принято считать, что финансы восточных владык «неисчерпаемы». Впрочем, и восточные армии принято описывать как «неисчислимы» — со времен Геродота счет идет на миллионы солдат и миллиарды золотых монет. А если взглянуть на вещи трезво? Экономическая и социальная история державы Селевкидов известна плохо. Остается рассуждать о том, что могло быть. Для управления провинциями требовался штат чиновников. Чем больше империя, тем он многочисленнее. Для его содержания необходимы крупные средства. Затем царский двор. Положение обязывает: царь огромной империи должен поражать всех богатством и блеском. Но царю немедленно начинают подражать наместники. Всё это — дополнительные расходы. Но дороже всего обходится содержание войск. Оружие, доспехи, кони, обслуга, жалованье наемникам. Профессиональные воины стоят дорого сами по себе, но ведь их надо содержать. Гарнизоны в крупных городах, отдельные полки в провинциях. После Восточного похода надо защищать индийскую границу. Какие-то силы нуж-

ны на рубежах Парфии и Бактрии на случай, что эти царства отпадут и придется покорять их заново. Отдельные контингенты требуются для наблюдения за границей Азербайджана. Далее — оккупационные силы в Армении и Софене. Гарнизоны в Келесирии на границе с Египтом. Полки в европейской Фракии, армия в Малой Азии. Всё это деньги и люди. Каждый наместник пишет, что нет ни денег, ни людей, а ослабить защиту вверенной ему провинции — невозможно, иначе это грозит бедствиями. Что такое аналитические записки бюрократов — мы хорошо знаем. В некоторых случаях это правда. Как отличить ее от элементарной отписки? Скорее всего, это невозможно, и наместники получают приказ с примерной разрядкой — кто сколько воинов должен привести под знамена царя. При этом возникает огромный риск, что, собрав войска, базилевс оставит почти без охраны часть границ и провинций. Антиох понимал этот риск, колебался, вел переписку с наместниками и терял драгоценное время. Он боялся быстрых решений, которые могли бы разрушить здание империи, восстановленной с огромным трудом.

3. Бой у Киссунта

Бежав из Греции, Антиох жил некоторое время в Эфесе. Он приглядывался к европейским событиям и выжидал. Судя по косвенным свидетельствам Ливия, сирийцы так стеснили Пергам, что город находился почти в осаде. Его царь Эвмен ушел с флотом далеко на запад, на остров Эгина, что неподалеку от Афин. Там Эвмен отсиживался и не хотел отделяться от римлян, «на которых только и надеялся» (Тит Ливий).

Антиох ждал, что предпримет сенат. Предложит мир или будет продолжать войну? Сам царь полагал, что закончил кампании вничью. Он проиграл битву за Грецию, но усмирил врагов в Малой Азии. Наконец Ганнибал сообщил, что к римлянам пришли подкрепления на море. Это была эскадра под началом претора 191 года до н. э. Гая Ливия Салинатора. И это означало войну.

Базилевс отправился к Херсонесу Фракийскому. Он укрепил фракийские города на случай внезапного появления римлян. В то же время своему наварху Поликсениду царь приказал

держат флот в готовности, а на островах Эгейского архипелага вести тщательную разведку.

Ему доложили, что флот Салинатора стоит у острова Делос и на помощь римлянам спешат эскадры мелких греческих государств. Именно там должна была решиться судьба морского владычества Антиоха. Поэтому царь оставил Фракию, вернулся в Эфес с тяжелыми кораблями и сразу собрал совет.

Наварх Поликсенид, выступавший первым, горячо доказывал необходимость атаковать римлян, говоря, что их корабли тяжелы и неповоротливы, поскольку перегружены припасами. Наоборот, корабли базилевса легки и подвижны. Значит, необходимо уничтожить римлян, пока они не соединились с пергамским флотом.

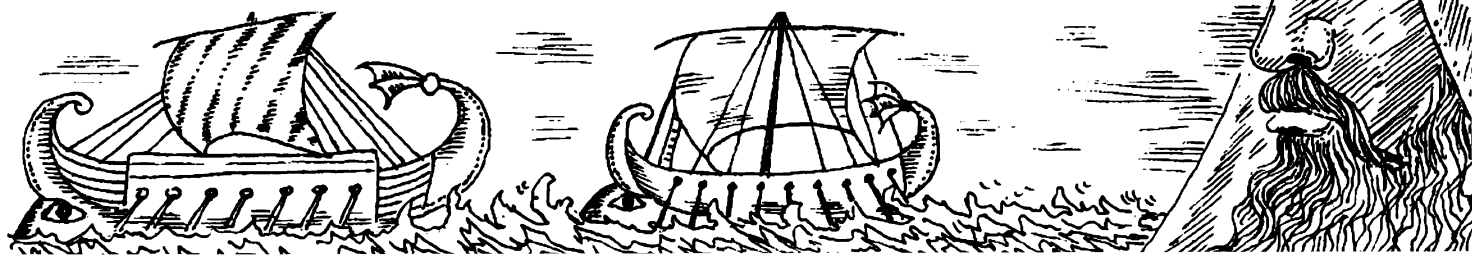
Царь принял план Поликсенида. Два дня ушло на приготовления. На третий 100 кораблей, из которых 70 — палубных, а остальные — открытые, вышли в море и направились к Фокее — городу в Ионии, в современном Измирском заливе. Римский флот курсировал поблизости.

Антиох чувствовал себя неуверенно на корабле. С возрастом боязнь морских баталий только усилилась. Базилевс сошел на берег и принялся собирать сухопутные войска.

Римляне дождались попутного ветра, пополнили припасы и тоже двинулись к Фокее. Там их настиг союзник — Эвмен, царь Пергама. С ним было 24 палубных корабля и чуть больше открытых. Усилившись, римляне почувствовали себя уверенней. Теперь их адмирал Салинатор имел 105 палубных кораблей и почти 50 открытых. С этими силами он двинулся вперед, к городу Киссунт. Возле него и состоялось морское сражение.

Сначала боковой северный ветер прижимал римские корабли к побережью, заставляя идти узкой цепочкой. Потом он стих, и это позволило Салинатору выстроить эскадру в боевую линию. Эвмен с пергамской эскадрой шел в хвосте, но как только началась суматоха, прибавил хода, чтобы вовремя вступить в битву.

Когда Поликсениду донесли о приближении римлян, он обрадовался. Казалось, враг сам идет в руки. Левое крыло, выходящее в открытое море, наварх повел в бой сам. Правое — приказал растянуть до самой суши. Правильная линия сирийских кораблей двинулась навстречу неприятелю. Это было

первое большое сражение римлян и сирийцев на море, и Поликсенид совершил в нем массу ошибок. Он привык к маневренной тактике, когда корабли стараются поломать друг друга весла и затем топят, пробив борта тараном. Римляне действовали иначе. Они сразу шли на abordаж, а в рукопашной схватке равных им не было. Ничего этого Поликсенид не знал, поэтому в бою его ждала масса сюрпризов.

Перед римским флотом оказались три хорошо оснащенных сирийских триеры, лихо вырвавшиеся вперед. Им наперерез тотчас бросились два карфагенских корабля, союзных римлянам. Сирийцы зажали одного «пунийца», обломали ему весла ловким фланговым ударом и тем самым лишили хода. Дальнейшее оказалось делом техники. Врага взяли на abordаж и захватили, перебив или сбросив в воду его команду.

Другой пунийский корабль сражался с врагом один на один. Но, увидев катастрофу соседнего судна, карфагеняне на всех веслах бросились к своему флоту. Так первая схватка закончилась победой сирийских мореходов.

Претор произнес короткую речь. Он приказал захватывать вражеские корабли железными «лапами» или «воронами», которые находились на вооружении у римлян, а потом перебежать по этим мосткам на палубы. Тем самым морское сражение превращалось как бы в сухопутное. Не забыл Салинатор упомянуть и о пресловутой римской доблести свободных людей. Адмирал приказал не щадить сирийцев — этих «царских рабов». Как видим, римляне не очень-то уважали политические системы соседних государств и были свято убеждены в собственном превосходстве. Впрочем, эта убежденность часто помогала им одерживать громкие победы.

Флоты ринулись навстречу друг другу, столкнулись по всему фронту, началась битва. Ливий Салинатор смял левое крыло неприятеля. Римляне перекидывали мостки на вражеские корабли и брали их штурмом.

На правом крыле бой шел с переменным успехом, но скоро туда подоспел Эвмен со своей пергамской эскадрой, и перевес склонился на сторону римлян и их союзников.

Тем временем на левом фланге началось бегство сирийцев. Пример подал сам наварх. Увидев, что римляне берут один его корабль за другим, Поликсенид на всех парусах помчал-

ся прочь. Вскоре его примеру последовали и те, кто у самого берега сражался с Эвменом. Римляне и пергамцы упорно преследовали врага, куда хватало сил у гребцов. Но сирийские корабли шли налегке, а враг был нагружен припасами, поэтому сильно уступал в скорости. Совсем обессилев, римляне прекратили погоню. Но и без того они одержали убедительную победу: захватили тринадцать сирийских кораблей и еще десяток пустили ко дну. Римские потери ограничились, по словам историка Тита Ливия, одним кораблем, который был потоплен в самом начале.

Поликсенид удирал до самого Эфеса и успокоился лишь тогда, когда укрыл в гавани остатки разбитого флота.

Что касается римлян, то у них после этой победы сразу объявился новый союзник — Родос. Родосская морская республика процветала и имела сильный флот, так что это было весьма ценное приобретение.

Родосский наварх Павсистрат привел 25 палубных кораблей под вымпел Салинатора. Вместе они двинулись к Эфесу, чтобы добить врага.

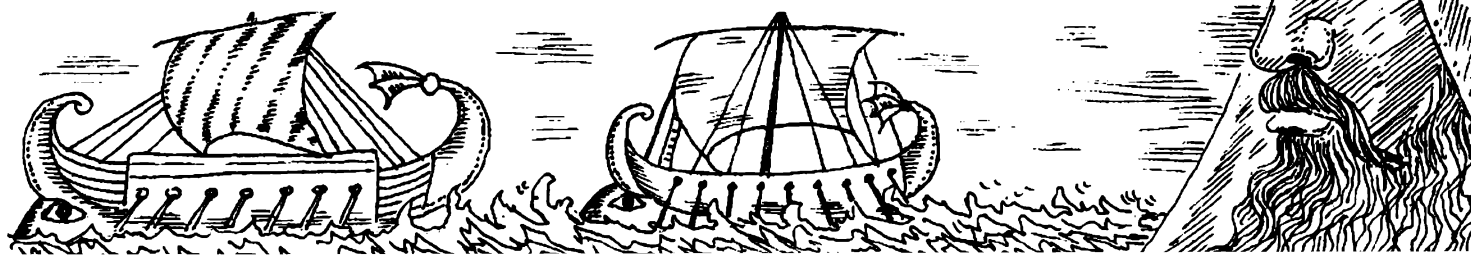
Правда, на этом успехи римлян закончились. Салинатор выстроил флот в линию у гавани, чтобы продемонстрировать собственную победу и заставить сирийцев признать себя побежденными, но добить врага не мог. Побережье прочно держали воины Антиоха. Не зря «Великий царь» и его сын Селевк на протяжении нескольких лет сражались в этих местах за то, чтобы укрепить свою власть. Малоазийские греки отказывались помогать римлянам. Это заставило Салинатора отпустить родосцев и Эвмена. Для блокады Эфеса не было ни удобной гавани, ни припасов. Римские союзники разошлись по родным городам, а сам претор обосновался со своей эскадрой в Канах — городке напротив острова Лесбос.

Салинатор вытащил корабли на берег, обвел их валом и рвом и стал ждать прихода весны. Так закончился 191 год до н. э.

4. Снова в Греции

Тем временем в Риме состоялись очередные выборы должностных лиц. На соискание консульства выдвинул свою кандидатуру Луций Корнелий Сципион. Его поддержал зна-

менитый брат — Публий Корнелий Сципион Африканский, победитель Ганнибала. Публий заявил, что если брата выберут консулом и дадут командование в Греции, то он сам, Публий, пойдет служить к Луцию простым легатом. На римлян этот пропагандистский ход подействовал так сильно, что Луций получил консульство. Командование флотом поручили Луцию Эмилию Региллу. Он должен был сменить Ливия Салинатора, о приключениях которого на Эгейском море мы еще расскажем. Глабрион в это время маневрировал в Этолии, ожидая смены консулов.

Одновременно сенат вел переговоры с этолийцами, которые прислали в Рим очередное посольство. Держались послы смиренно. Сенаторы устроили им перекрестный допрос, чтобы добиться покаяния и капитуляции. Наконец предложили два варианта: либо этолийцы полностью отдают себя на волю сената, либо выплачивают 1000 талантов и становятся римскими сателлитами со всеми последствиями: без права вести внешнюю политику, но с обязанностью выставлять вспомогательные войска против врагов Рима. Послы пытались возражать, требовали ясно прописанного договора о правах и обязанностях. О тысяче талантов речь вообще не шла: таких денег в Этолии не было. Но внятного ответа от сенаторов так и не получили. Прожив в Риме полмесяца, этолийцы отправились восвояси. Война с ними продолжилась.

Этолийские полководцы предположили, что Глабрион с наступлением весны опять двинется осаждать Навпакт, поэтому заняли горные проходы в свою страну. Разведка тотчас донесла об этом римскому полководцу. Глабрион решил не испытывать судьбу и повернул на восток, разграбив город Ламию, державший сторону этолийцев. Затем обрушился на город Амфиссу, что стоял между горой Парнас и хребтом Пинд. Глабрион предпринял яростную атаку и пробил стену в нескольких местах. Горожане укрылись в акрополе.

В это время к городу подошли братья Сципионы. Их войско состояло почти целиком из ветеранов войны с Ганнибалом, которых привлекло имя Сципиона Африканского. Легионеры знали: там, где Публий Сципион, — удача и добыча. Под началом у братьев было 13 000 пехоты и 500 конников. Формально

армией командовал Луций, но фактически войско вел Публий. Кстати, вместе с Публием отправился воевать его сын.

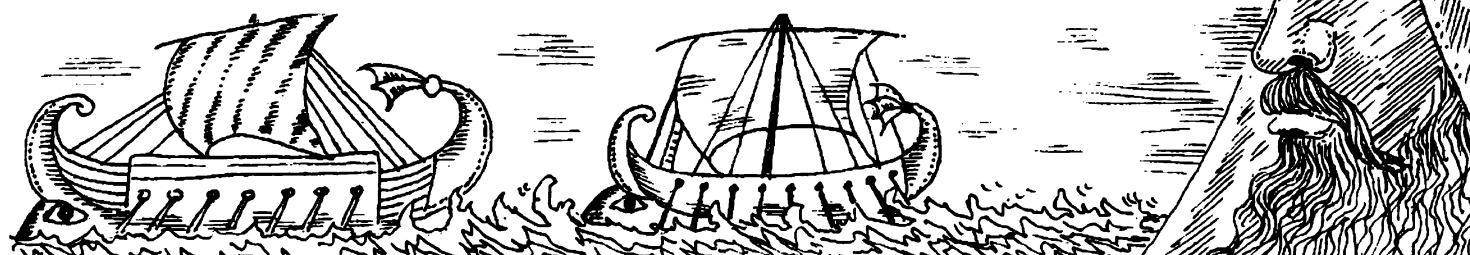
Братья прошли через Эпир и обогнули владения этолийцев с севера. Пройдя Фессалию, явились к Малийскому заливу и осадили крупный город Гипату. В ответ на требование сдачи горожане дерзко ответили, что такой приказ может им дать только общее собрание этолийцев. Тогда Сципионы решили не тратить времени на осаду и двинулись к Амфиссе.

Публий Сципион хотел побыстрее заключить мир с этолийцами, чтобы переправиться в Азию и воевать с Антиохом. Поэтому вместо штурма акрополя он начал переговоры о мире. Условия предложил мягкие, но тут вмешался его брат-консул. Он сказал, что получил ясное предписание сената покорить Этолию и ни на какие уступки не идти. За войну выступал и экс-консул Глабрион. Однако Публий был не из тех, кто легко сдается. Он обладал прекрасным стратегическим мышлением, чувствовал пространство и время. И сумел убедить брата пойти на компромисс. Этолийцам предложили перемирие на полгода с тем, чтобы за это время они отправили новое посольство в Рим. Таким образом, Сципион формально не нарушил приказ сената разобраться с этолийцами, но фактически высвободил себе руки. За такую увертливость многие сенаторы его не любили, но победитель Ганнибала пренебрегал мелочами. Он стремился к одному: разделаться с Антиохом.

Кажется, единственным недовольным в этой ситуации оказался Глабрион, чьи полномочия истекли. Он хотел увенчать свою карьеру победой, но ее вырвали у него из рук. Передав армию Сципионам, Ацилий Глабрион отбыл в Италию.

Братья же вступили в переговоры с Филиппом V. Македонский царь согласился пропустить римлян через свои владения и проводить во Фракию, которую занимали гарнизоны Антиоха, и даже подготовить припасы и пункты снабжения римской армии. Сципионы возликовали.

А что, собственно, оставалось делать македонскому базилеусу? Сил у него было мало. Вероятно, он мог задержать римскую армию и спасти Антиоха от вторжения. Но ценой разорения своей страны и, возможно, собственной гибели. Филипп

был тонким политиком, и он решил спастись, оказав помощь римлянам против Антиоха.

Сципионы с консульской армией отправились в поход на восток. Так война пришла во владения «Великого царя».

Глава 3. Морские сражения

1. Битва при Самосе

После неудачной морской битвы при Киссунте Антиох провел зиму в подготовке к дальнейшей борьбе. Главное внимание было уделено флоту. Причина понятна. «Великий царь» решил остановить римлян в морских боях, уничтожить их флот и тем самым обезопасить свои азиатские владения. Ведь без флота римляне не могли переправиться в Азию. План выглядел хорошо, если бы не один нюанс: Антиох переходил к стратегической обороне против Рима. А значит, заранее признавал свою слабость. Но и в обороне царь совершит несколько крупных ошибок.

Пока же он серьезно готовился к грядущим сражениям: Ганнибала послал к финикийцам за новыми подкреплениями, Поликсениду приказал чинить и строить суда в малоазийских портах.

Своего сына Селевка «Великий царь» оставил в Эолиде, чтобы тот удерживал города Малой Азии. На них нападали пергамцы с суши и римляне — с моря. Сам Антиох уехал в Великую Фригию набирать солдат. Прежде всего он вступил в переговоры с галатами, которые еще не утратили древней кельтской доблести и охотно нанимались к тому, кто платил. Ждал он подкреплений и с востока своей державы.

Римский флот зимовал в Канах. Туда явился пергамский царь Эвмен с двумя тысячами пехоты и полутысячей конницы. Этот царь превратился в настоящего пирата. Из всех владений у него оставался только Пергам, да еще несколько маленьких островов, включая Эгину. Опираясь на них, царь промышлял морским разбоем. В этом духе было и предложение, которое Эвмен сделал римлянам. Царь выпросил у римлян 5000 солдат, чтобы совершить набег на побережье. Римляне просьбу

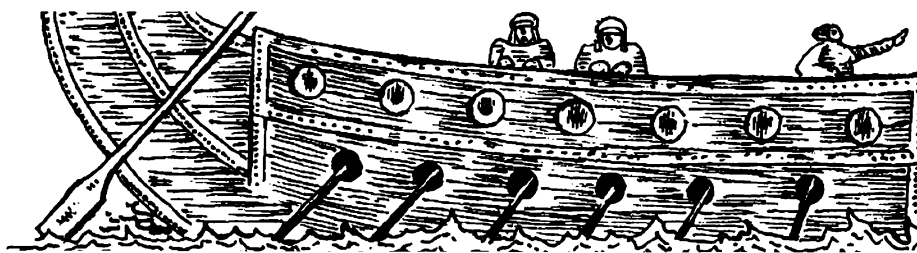
удовлетворили, и Эвмен разграбил один из городов и захватил большую добычу.

Но вскоре против римских мародеров началось восстание. Тит Ливий пишет об этом крайне туманно. Если называть вещи своими именами, произошло вот что. Римские моряки занимали несколько городов на архипелаге и вели себя весьма разнузданно. Богатые жители смогли откупиться от них. Все тяготы постоя, вся грубость и всё насилие падали на бедноту, и она вспомнила об Антиохе. Правление «Великого царя» как хранителя империи было гораздо более мягким. Словом, жители восстали и изгнали римлян с нескольких важных баз. Чтобы не потерять всё, римский флот двинулся во Фракию. Командовал им всё еще Ливий Салинатор — новый начальник, обыкновенно назначаемый после смены консулов, пока не прибыл. Ливий сначала пошел на север, к Пергаму. Напал на города Эолиды, захватил часть из них и передал в распоряжение Эвмена.

Затем римский адмирал вошел в Геллеспонт (Дарданеллы). Десять кораблей он оставил у азиатского города Абидос, а сам переправился в Европу и осадил фракийский Сест, в котором сидел гарнизон Антиоха.

Сест сдался римлянам без боя. Салинатор тотчас переправился снова в Азию и подступил к Абидосу. План его был прост: захватить господство на Геллеспонте, отрезать европейские владения Антиоха от азиатских и создать удобный плацдарм для Сципионов. Однако Абидос, в отличие от Сеста, оказал сопротивление и запер ворота. Салинатор начал его осаду.

Как только римляне ушли из южной и средней частей Эгейского моря, туда явился адмирал Антиоха Поликсенид. Вскоре он узнал, что приближается родосский флот под началом наварха Павсистрата, который базировался на острове Самос. В нем было 27 кораблей. Поликсенид располагал гораздо большими силами: в его распоряжении было 70 палубных судов и легких челнов. Но он решил понапрасну не тратить силы, а пошел на хитрость. Поликсенид притворился, что готов предать Антиоха и перейти на сторону родосцев, тем более что сам был родосским изгнанником. Он снесся с Павсистратом и сообщил, что хочет вернуться на родину, предварительно сдав весь флот Антиоха. Павсистрат боялся поверить

своему счастью! Как человек осторожный, он опасался ловушки, но и отвергнуть представившийся случай не мог. Наварх стал требовать у мнимого предателя дополнительных доказательств. Хитрый Поликсенид тотчас собственноручно написал, что готов предать Антиоха, и в доказательство своих намерений скрепил письмо личной печатью. Павсистрат наконец поверил. Он решил, что Поликсенид не стал бы давать ему в руки письменное доказательство своего предательства, если бы и в самом деле не собирался его совершить. Руководствуясь этим спорным аргументом, он продолжал переговоры.

Флот Поликсенида находился возле Эфеса. Наварх отпустил команды кораблей на берег, несколько судов выволок на сушу для ремонта и всем видом показывал неготовность к сражению. Павсистрат торжествовал.

Но тут родосцы захватили в плен одного из солдат Антиоха, и тот выдал планы Поликсенида. Пораженные моряки привели пленного к Павсистрату. Оказывается, корабли Поликсенида стоят наготове, моряки прячутся неподалеку и ждут сигнала, и вообще никогда ни один флот не готовился к битве так тщательно, как сейчас готовится эфесская эскадра.

Вся хитрость висела на волоске. Павсистрат выслушал пленника... и не поверил ему. Отказаться от всего из-за сомнительного доноса перепуганного солдата Антиоха, когда удача сама идет в руки? Ни за что! Так рассуждал Павсистрат. Эта ошибка стоила ему жизни.

Усыпив бдительность врага, Поликсенид ночью вывел свои корабли в море и подошел к гавани на острове Самос, где стоял родосский флот. Вход в гавань защищали два мыса. Чтобы захватить их, Поликсенид выслал вперед отряд на быстроходных кораблях под началом своего офицера Никандра — отчаянного человека и опытного воина. Этот сорвиголова должен был атаковать мысы с суши и занять их до начала морского сражения.

На заре Павсистрат увидел вражеский флот. Его собственные корабли не были готовы к сражению. Шанс его состоял в том, чтобы с мысов обстрелять корабли противника и помешать им войти в гавань. Однако там уже хозяйничали воины Никандра. Увидев себя окруженными с суши и моря, родосцы бросились на корабли. Павсистрат решил прорваться из гавань-

ни и уйти в море. Но тут его встретил Поликсенид! Он маневрировал, обрубал весла у врагов, атаковал таранами, в то время как воины на мысу осыпали родосцев стрелами...

Корабль Павсистрата, едва вырвавшись из узкого горла гавани, превратившейся в ловушку, был атакован врагом. На него напали сразу три быстроходных квинквиремы. На одной из них находился Поликсенид. Силы были неравны. Корабль Павсистрата пронзили вражеские тараны. Он стал тонуть. Последних его защитников засыпали дротиками. Среди погибших оказался и сам родосский наварх. Поликсенид торжествовал победу.

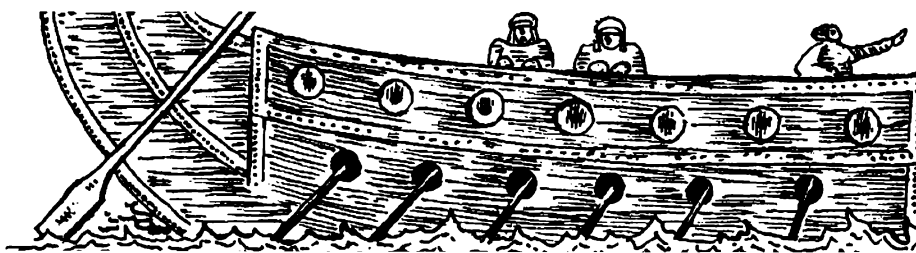
Родосская эскадра была уничтожена. Спаслись лишь семь кораблей. Они отбились от врага огненными снарядами (изобретение погибшего Павсистрата) и ушли на север. Вскоре им удалось соединиться с римской эскадрой.

Поликсенид полностью восстановил свое реноме великого флотоводца. Он потопил и захватил 20 кораблей неприятеля. Это была большая удача.

2. Бесплезная победа

Она тотчас отразилась на ходе сухопутных операций. Города Эолиды, только что перешедшие на сторону Рима и Пергама, снова стали сдаваться полководцам Антиоха. Войсками «Великого царя» в этом районе по-прежнему командовал его сын Селевк. Прежде всего он захватил город Фокею. Ее сдали предатели. Они оставили открытыми одни из ворот, куда Селевк спокойно ввел свои отряды. За Фокеей сдались Кима и еще несколько населенных пунктов в этой части побережья. Было очевидно, что здешние греки просто ищут хозяина посильнее и готовы отдаться любому. Правда, в части городов боролись две партии — проримская и антиримская. Это была последняя борьба за эллинизм и свободу. Она достигала невероятного накала.

Пока Селевк в очередной раз захватывал города Эолиды, Салинатор продолжал осаду Абидоса. Приступы, обстрелы, блокада — римляне испробовали все средства, чтобы овладеть этим важным пунктом. Наконец комендант Абидоса начал переговоры о сдаче. Он был готов сдать Абидос на условиях сво-

бодного выхода гарнизона. Салинатор не возражал. Камнем преткновения стал один пункт: с оружием или без выйдут сирийцы. Римляне хотели их разоружить. Защитники упирались. Пока спорили, к римлянам явился гонец и сообщил о гибели родосского флота во главе с навархом Павсистером. Салинатор не на шутку перепугался. Значительная часть его флота стояла в Канах, вытасченная на берег. Поликсенид мог напасть на нее и отрезать римлянам дорогу домой. Салинатор поспешно и без всяких условий снял осаду Абидоса, явился в Каны, спустил на воду корабли, прекратил блокаду Геллеспонта и двинулся морем к Фокее. Здесь его ждал неприятный сюрприз в виде сирийского гарнизона. Неподалеку находился Селевк с войском. Салинатор разграбил побережье, погрузил добычу на корабли и, соединившись с пергамским царем Эвменом, флот которого курсировал неподалеку, двинулся к острову Самос. Здесь их ждали наконец хорошие вести: родосцы собрали новый флот.

Это была удивительная новость. Собрать новую эскадру взамен погибшей в столь короткие сроки — на это были не способны даже крупные империи. Родос снарядил 20 кораблей, во главе его нового флота встал наварх Эвдам. Этот человек сильно уступал талантами погибшему Павсистеру, зато обладал важным качеством — осторожностью. Оно оказалось весьма ценным и вскоре помогло разбить самого Ганнибала, который вообще не обладал опытом сражений на море.

Узнав о появлении на сцене нового родосского флота, Поликсенид ушел в Эфес. Его победа над Павсистером оказалась почти бесполезной. Всё приходилось начинать заново.

3. Неудача Регилла

Салинатор присоединил родосские корабли к своим, привел флот к Эфесу и выстроил для боя. Но никто ему на встречу не вышел. Поликсенид не захотел ввязываться в драку в невыгодных условиях. Тогда римский флот разделился. Одна часть его стала на якорь у входа в бухту, а другая направилась к берегу и высадила десант в окрестностях города. Римляне опустошили поля, нагрузились добычей и отправились к кораблям. Когда они проходили мимо стен Эфеса, жите-

ли сделали вылазку. Ими командовал наемник по имени Андроник Македонянин. Горожане отняли у мародеров добычу и гнали их до самых кораблей.

На другой день римляне действовали хитрее. Они устроили засады на подходах к городу, а сами выдвинули несколько манипул, которые строем двинулись к городским стенам, чтобы выманить Андроника. Но тот заподозрил неладное, и вылазки не последовало. Римляне вернулись ни с чем на свои корабли.

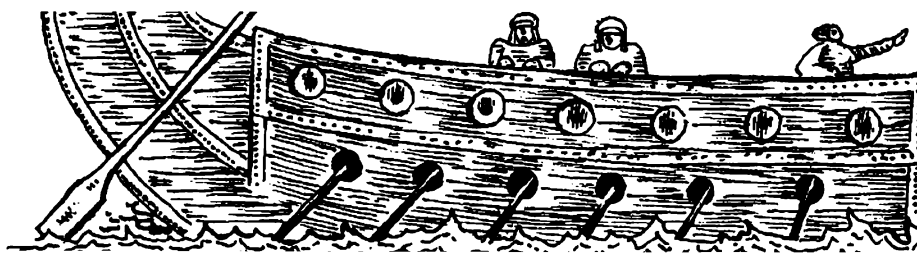
После этого Ливий Салинатор отвел флот на Самос. Поликсенид воспользовался этим и принялся грабить купеческие корабли римлян и их союзников. Плавать по Эгейскому морю стало небезопасно.

Вскоре на смену Салинатору прибыл новый командующий флотом — Луций Эмилий Регилл. Он привел несколько кораблей в качестве подкрепления.

Первым делом собрали совет, чтобы решить вопрос о дальнейших действиях. Салинатор предложил затопить у входа в эфесскую гавань грузовые суда, наполненные песком, дабы лишить неприятеля выхода к морю по узкому фарватеру. Это предложение никому не понравилось. Первым выступил Эвмен, царь Пергама, сказав, что это не освободит римский флот для помощи союзникам, поскольку он будет вынужден сторожить Поликсенида. Если римляне уйдут — сирийцы расчистят проход и обретут свободу действий. Если же останутся — что толку? В руках врагов останется и гавань, и Эфес — богатейший город в Нижней Азии. А римляне будут стоять в открытом море, уязвимые для бурь и ветров. Без припасов, нуждаясь в самом необходимом... Нет, это плохой замысел.

В том же духе высказались два родосских наварха, присутствовавших на совете, — Эвдам и Эпикрат. Последний предложил отправить часть флота в Ликию, чтобы взять тамошний торговый город Патары и перехватить эскадру Ганнибала, которую тот собирает у финикийцев. Это поручение дали Салинатору, который стал как бы вице-адмиралом римского флота.

Он немедленно отправился на юг с небольшой эскадрой. По дороге римлянин посетил несколько городов Ионии и Карики, чтобы заручиться их поддержкой против Антиоха, — Милет, Минд, Галикарнас, Книд, Кос. В этом был еще один недобрый знак для «Великого царя». Его владения расползались,

уплывали из рук. А ведь главные силы римлян еще не пришли в Азию.

Затем Салинатор прибыл на Родос, получил там еще три квадриремы (корабль с четырьмя рядами весел) и продолжил путь. Он уже был вблизи Патар, когда разыгралась буря. Римляне кое-как на веслах добрались до берега, но высадиться из-за слишком высокой волны не смогли. В конце концов они заметили укромную бухту, окруженную скалами, в которой можно было укрыться от шторма. Но позицию на скалах успели занять жители Патар и несколько десятков сирийских солдат. Салинатор высадил десант. На скалах завязалась схватка. Она выглядела тем более драматично, что вокруг шумел прибой и огромные соленые волны били в берег.

К горожанам стали подходить подкрепления. Салинатор не шутку перепугался. Он ввел флот в бухту и высадил всех на берег, даже гребцов, велел им вступить в сражение. Оно протекало с переменным успехом и зависело от того, к кому в данный миг подходили подкрепления. Наконец римская выучка восторжествовала над азиатской горячностью. Защитников Патар обратили в бегство. Правда, римские моряки заплатили за это немалой кровью.

Салинатор пересидел шторм, а потом двинулся к западу. Воевать было нечем: лучшие воины погибли в схватке. Он отпустил союзников, а сам отбыл в Грецию, где встретился со Сципионами и попросился домой. Может, он был ранен, а может, после своей неудачи сломлен духовно. Его отпустили в Италию.

Своего непосредственного начальника Луция Эмилия Регилла Салинатор полностью игнорировал. Регилл узнал о его возвращении в Италию гораздо позже — видимо, от гонцов из Греции. Но формально он не мог наказать Салинатора, поскольку того отпустил сам консул Сципион.

Сочтя постыдным поражение Салинатора у Патар, Регилл двинулся туда лично, чтобы взять город. По пути он атаковал городок Яс в Баргилийском заливе (Кария), за стенами которой сидел сирийский гарнизон. Жители Яс отправили к римлянам посольство и умоляли их о пощаде. Регилл предложил им сдаться. Но горожане, заливаясь слезами, завопили, что не властны над этим: им, мол, сдаться не позволит сирийский

гарнизон. Римлянин только плечами пожал: не хотите сдаваться — будет осада.

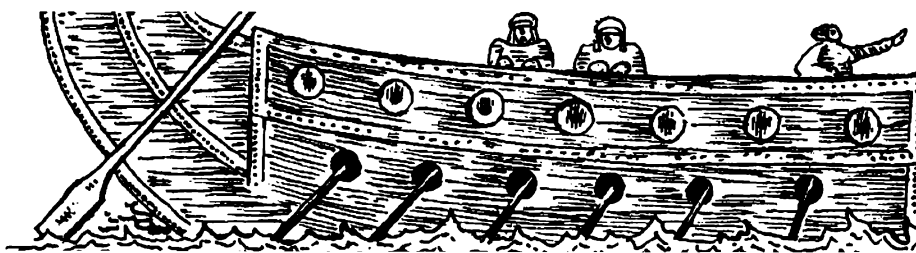
Но тут случилось нечто неожиданное. К Региллу явились родосцы и сам пергамский царь Эвмен. Они наперебой просили пощады для городка. Изумленный римлянин снял осаду. Он явно не понимал мотивов поведения этих непостоянных греков. Понятно, что они родня меж собой и не хотят гибели соседям. Но сами римляне отнюдь не щадили родственные племена. Они вырезали половину Италии, чтобы господствовать в ней, а греки не хотят пожертвовать каким-то заштатным городом в Азии.

Регилл двинулся дальше. Вдруг — редчайший случай в дисциплинированной римской армии того времени — заволновались его собственные офицеры. Среди них пошли толки, что флот удаляется с главного театра военных действий, оставляя Эгейское море в полную власть сирийцам. Доброжелатели доложили Региллу об этих разговорах. Адмирал встревожился не на шутку. Надо было прекращать поход. Он спросил у родосцев, поместится ли римский флот в гавани Патар. Родосцы сказали, что нет. Воспользовавшись этим фактом как предлогом, Регилл приказал возвращаться на остров Самос.

4. Осада Пергама

Пока римляне безуспешно пытались грабить прибрежные города, сирийцы осадили Пергам. Военными действиями здесь руководил принц Селевк. Он блокировал вблизи города хорошо укрепленную крепость Элею, но взять не смог, разорил окрестные поля и подступил к самому Пергаму. Город защищал Аттал — брат пергамского царя Эвмена. Он пытался атаковать врага в предместьях города конницей и легкой пехотой. Бои развернулись в садах, полях и среди домов. Но, видя, что силы неравны, Аттал затворился в городе.

Примерно в это время Антиох Великий совершил рейд во Фригию, набрал там свежие войска, на вербовал галатских наемников и вернулся в приморские районы Эгеиды. Сначала он прибыл в Сарды, а затем двинулся на помощь Селевку. Это показывает, что главным своим противником сирийцы счи-

тали Эвмена и только после расправы с ним готовы были возобновить полномасштабные военные действия против Рима.

Войско «Великого царя» состояло из разных племен. Наибольший страх наводили 4000 галатов. На пару с сыном Антиоха принялся опустошать пергамские земли.

Услыхав об этом, Эвмен оставил свои пиратские набеги и устремился в Элею со своим флотом. Война пришла в его собственный дом, надо было защищаться. У Аттала имелось недостаточно сил, чтобы выдержать длительную осаду. Эвмен снарядил легкую пехоту, взял конницу и поспешил к стенам собственной столицы. Каким-то образом ему удалось проникнуть внутрь. Может быть, сирийцы окружили город недостаточно плотно или Эвмен пошел на прорыв ночью. Так или иначе, он оказался внутри родного города и значительно усилил его гарнизон. Видя среди защитников самого царя, люди воспрянули духом. Снова начались вылазки, короткие стычки с сирийцами за стенами города.

Через несколько дней в Элею прибыли родосский и римский флоты, чтобы помочь царю.

Об этом доложили Антиоху. Одновременно «Великий царь» узнал, что Сципионы договорились с македонским Филиппом V о проходе войск и стремительно движутся во Фракию.

Антиоха вдруг оставило мужество. Он решил начать переговоры, прежде чем его обложат с суши и моря. «Царь Азии» спустился с конницей к морю (у него было 6000 кавалеристов) и послал гонцов к Эмилию Региллу.

Регилл вызвал из Пергама Эвмена, пригласил родосцев и держал совет. Родосцы готовы были пойти на мировую. Кодекс чести греческих городов-государств предполагал, что противника добивать нельзя. Его следовало победить и помириться с ним на выгодных для себя условиях. Эвмен оказался настроен более воинственно. Видимо, он уже не был «настоящим» греком и мыслил, скорее, как римлянин, которые всегда стремились ослабить, унижить и добить врага. «Разве можем мы пойти на мир, будучи осаждены? — возмущался пергамский властитель. — Опять же, нельзя заключить мир без согласия консула, сената и народа римского. Ты, Эмилий Регилл, не сможешь принять окончательного решения, будешь дожидаться консула и разместишь войска у нас на квартирах. Это

значит — новые налоги, поборы, снабжение продовольствием. То есть мы будем изнурять себя, а Антиох — радоваться. Между тем есть все возможности закончить войну до зимы. Надо только действовать решительно».

Это мнение одержало верх. Антиоху ответили, что до прихода консула Сципиона никаких мирных решений быть не может.

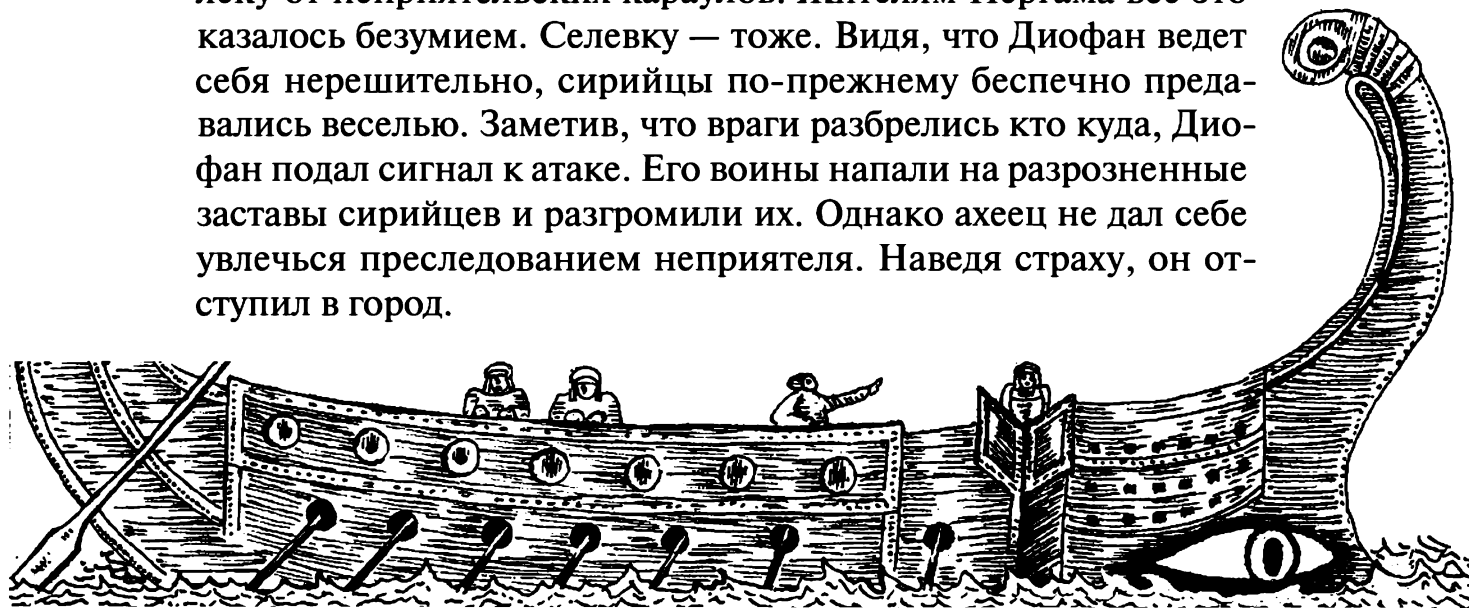
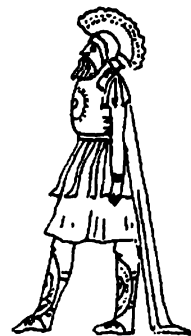
Потерпев неудачу в попытках добыть перемирие, Антиох основательно разграбил окрестности Элеи, затем Пергама. Затем он передвинулся к прибрежному городу Адрамитию и осадил его. Следом за ним туда явились Эвмен и Регилл, чтобы защитить осажденных.

В те же дни в Элею прибыли тысяча пехотинцев и сто конников из Ахайи. Ими командовал военачальник Диофан, ученик легендарного Филопемена. Всё это были испытанные в боях старые воины. Ночью их проводили в Пергам. Греки изо всех сил помогали римлянам, приближая собственное поражение.

Диофан дал воинам отдохнуть два дня. За это время он разведаль местность и обнаружил, что осаждавшие город сирийцы необыкновенно беспечны. Они не ждали от пергамцев никакого подвоха. Даже кони у сирийцев были расседланы.

Диофан явился к принцу Атталу и заявил, что желает напасть на врага. Аттал нехотя разрешил. Он знал, что сотне ахейских конников предстоит драться с шестьюстами кавалеристами сирийцев, а тысяче пеших солдат — с четырьмя тысячами пехоты. Своих солдат Аттал вообще не брал в расчет. Кстати, из этих цифр мы можем легко понять, что войско Селевка насчитывало всего полк пехоты и три эскадрона кавалерии — это слишком далеко от мифов о «неисчислимых» восточных армиях.

Выйдя из города, Диофан разместил свой отряд неподалеку от неприятельских караулов. Жителям Пергама всё это казалось безумием. Селевку — тоже. Видя, что Диофан ведет себя нерешительно, сирийцы по-прежнему беспечно предавались веселью. Заметив, что враги разбрелись кто куда, Диофан подал сигнал к атаке. Его воины напали на разрозненные заставы сирийцев и разгромили их. Однако ахеец не дал себе увлечься преследованием неприятеля. Наведя страху, он отступил в город.

На другой день Селевк привел свои войска в порядок. Диофан опять вышел из города. Стороны некоторое время стояли друг против друга, не решаясь начать сражение. Наконец перед закатом Селевк повел свое войско обратно в лагерь. Диофан тотчас напал на вражеский арьергард и потрепал его. Селевк пребывал в мрачайшем состоянии духа. Силы его таяли. Их было недостаточно для продолжения осады, поэтому принц снял ее и отвел свои отряды в глубь материка. Опасность для Пергама миновала.

5. Ганнибал воюет на море

Пока Селевк бился на севере, его отец Антиох Великий увяз в мелких сражениях на юге. Тамошные города не отличались постоянством: их жители только и делали, что присягали на верность новому государю. Антиох с первого приступа захватил пять таких городов и оставил в них свои гарнизоны. Но эти тактические победы не могли повлиять на исход войны. Решающей силой была консульская армия. Против нее и нужно было сконцентрировать все свои силы Антиоху, а он разменивался на мелкие схватки. Царь повторял ошибки молодости, когда воевал в Келесирии с мелкими городами, а потом потерпел неудачу в решающей битве при Рафии.

Римляне и пергамцы действовали весьма грамотно. Они сковали силы Антиоха, нападая то на один, то на другой город. Особенно упорные сражения развернулись на острове Вакха в малоазиатской Фокее. «Великий царь» перебросил туда три тысячи бойцов и отбил нападение. После этого Эвмен увел свою эскадру в Геллеспонт, чтобы помочь переправить армию Сципионов в Малую Азию. А претор Луций Эмилий Регилл вернулся на Самос и продолжил блокировать сирийский флот Поликсенида в Эфесе. Казалось, вернулась исходная ситуация, если бы не одно «но». Братья Сципионы всё ближе подходили к малоазиатским владениям Антиоха. А тот был уже слишком измотан мелкой войной, чтобы пережить крупную.

На юге малоазийского полуострова, в Перее, сирийцев беспокоила небольшая родосская эскадра. Родосцы высаживались то здесь, то там, захватывали и снова теряли крепости.

Получилось, что сирийцы вынуждены воевать на всем побережье от Геллеспонтской Фригии до Ликии.

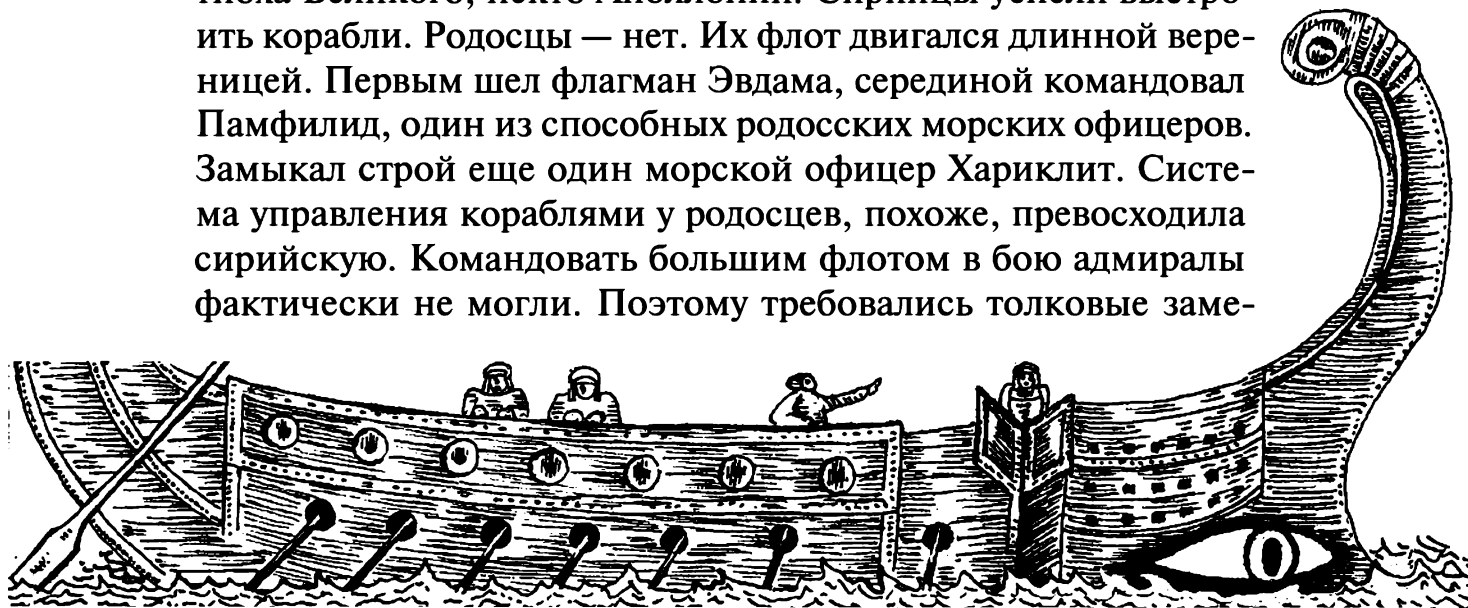
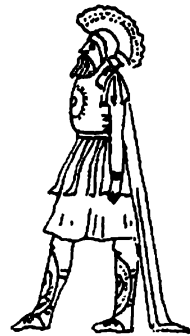
Помочь Антиоху выйти из патовой ситуации могли только новые подкрепления. «Великий царь» сильно надеялся на подход Ганнибала с финикийской эскадрой. Однако про эту эскадру знали и римляне с родосцами. Посовещавшись, они решили перехватить пунийца на юге и для этого снарядили флот из 38 крупных родосских кораблей. Во главе флота был поставлен наварх Эвдам.

Наварх прибыл в Фаселиду — город на границе Ликии и Памфилии, высадил людей на берег, но место для лагеря выбрал крайне неудачно — у болот. Люди стали болеть. Видимо, больных отправили морем на двух кораблях, потому что Тит Ливий пишет, что вскоре под началом у Эвдама находилось уже не 38, а 36 судов. Впрочем, это незначительные детали. Они не меняют суть. С этими силами родосцы стали ждать подхода врага.

Ганнибал двигался медленно. Движению его эскадры мешали сильные ветра. Наконец он прибыл к Сиде — мысу и поселению у берегов Памфилии. В распоряжении пунийского полководца находилось 37 больших кораблей, включая гептеры и четыре гексеры (суда с семью и шестью рядами весел, то есть очень быстроходные). Беда была только одна. Насколько талантлив Ганнибал был в сухопутных сражениях, настолько же бездарен — в морских. Правда, об этом еще никто не знал, но момент истины близился.

Противники заметили друг друга. Они передохнули, привели снасти в порядок, а на рассвете вышли из гаваней для сражения.

Левым крылом сирийского флота, обращенным в сторону моря, командовал сам Ганнибал. Правым — царедворец Антиоха Великого, некто Аполлоний. Сирийцы успели выстроить корабли. Родосцы — нет. Их флот двигался длинной вереницей. Первым шел флагман Эвдама, серединой командовал Памфилид, один из способных родосских морских офицеров. Замыкал строй еще один морской офицер Хариклит. Система управления кораблями у родосцев, похоже, превосходила сирийскую. Командовать большим флотом в бою адмиралы фактически не могли. Поэтому требовались толковые заме-

стителю для начальствования над отдельными частями эскадры. У родосцев было три начальника, причем все достаточно опытные и осторожные. У сирийцев — двое, причем один — Ганнибал — никогда прежде всерьез не воевал на море. Правда, поначалу родосские морские офицеры плохо координировали действия, но затем выучка моряков и опыт командиров сделали свое дело.

Эвдам взял мористее и приказал кораблям, следовавшим за ним, выровнять строй к бою, а сам вдруг решил обойти Ганнибала с фланга и устремился к нему с ближайшими пятью кораблями. Противоречивые его действия привели к неразберихе в боевых порядках родосцев. Тут бы на них и напасть сирийцам. Но основная часть сирийского флота не сдвинулась с места.

Это позволило родосским адмиралам перегруппироваться и начать правильное сражение. И тут сказались превосходство быстроходных родосских кораблей и опыт моряков. Вообще, Родос — это была Голландия античного мира. Он поставлял лучших матросов, рыбаков и пиратов. Тягаться с морскими волками могли только разве что римляне с их тактикой абордажного боя.

Главный удар родосцев пришелся на правое крыло «азиатского» флота. Островитяне на своих скоростных судах работали филигранно. Особенно отличились корабли Хариклита (впоследствии он получил повышение). Они пробивали таранами носовую часть вражеских кораблей, или ломали весла, или, проскользнув через неприятельский ряд и зайдя в тыл, нападали со стороны кормы. Одна триера нанесла удар судну, на котором был Аполлоний. Неповоротливый многопалубный корабль получил серьезное повреждение и стал выходить из боя. Видя это, сирийские капитаны тоже стали выводить свои корабли из сражения. Родосцы догнали судно Аполлония и захватили его. Сразу после этого весь правый фланг сирийцев обратился в бегство.

На левом крыле Ганнибал яростно атаковал Эвдама. Флагман родосского адмирала был пробит таранами в нескольких местах, потерял часть весел. Видя, что дело плохо, Эвдам дал сигнал бедствия. Ему на помощь тотчас устремились все, кто мог. Правый фланг сирийцев был уже разбит, поэтому родосцы атаковали Ганнибала превосходящими силами.

Ганнибал вынужден был отступить. Он потерял почти половину флота. Неповрежденными остались двадцать кораблей, прочие были изуродованы или пошли ко дну. Уставшие родосцы не сразу стали его преследовать. А когда Памфилид и Хариклит кинулись в погоню, Ганнибал уже ушел под прикрытие малоазиатских берегов. Родосцы испугались ловушки и вернулись назад. После этого между Эвдамом и его подчиненными начались склоки. Адмиралы обвиняли друг друга в том, что Ганнибал сумел уйти.

Но ругались они зря. Может быть, материальный ущерб, нанесенный врагу, мог быть и больше, но моральный урон, который понес лично Ганнибал, — огромен. Карфагенский военачальник разуверился в своих силах и больше не хотел рисковать, сражаясь на море.

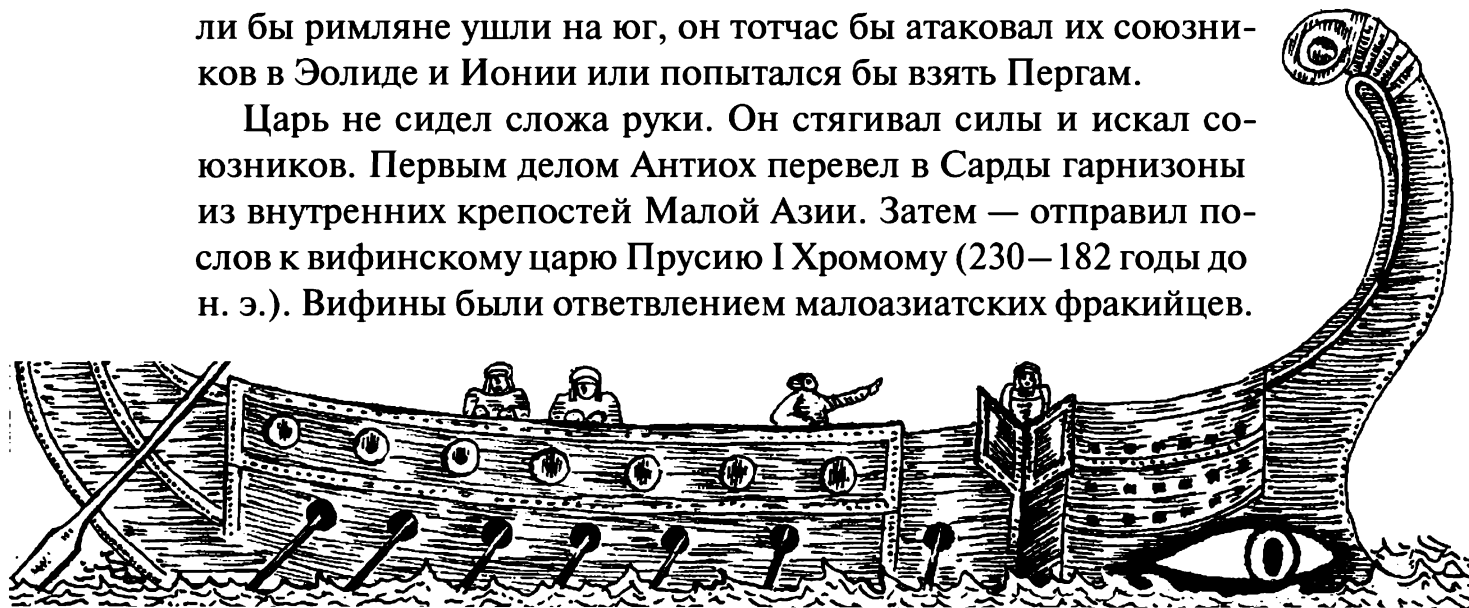
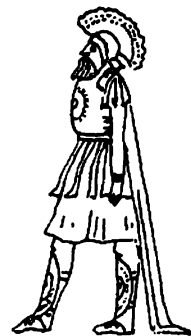
Эвдам с семьёю кораблями отправился к Самосу. Его целью было уговорить римлян предпринять новый морской рейд в Ликию, чтобы захватить наконец Патары и окончательно отрезать Ганнибала от эгейского флота сирийцев. У родосцев был свой интерес: они хотели захватить Ликию для себя.

6. Битва при Мионнесе

Римский претор Регилл, командовавший флотом, выслушал Эвдама с интересом. Весть о поражении Ганнибала не могла его не порадовать, но ввязываться в новую авантюру по захвату Патар Регилл отказался. Может быть, он не хотел усиливать родосцев. А может, боялся Антиоха Великого. Поэтому к Патарам отправили четыре больших корабля под началом флотоводца Памфилида — одного из участников битвы при Сиде. То есть предоставили родосцев их собственной судьбе.

К тому времени Антиох Великий обосновался в Сардах. Если бы римляне ушли на юг, он тотчас бы атаковал их союзников в Эолиде и Ионии или попытался бы взять Пергам.

Царь не сидел сложа руки. Он стягивал силы и искал союзников. Первым делом Антиох перевел в Сарды гарнизоны из внутренних крепостей Малой Азии. Затем — отправил послов к вифинскому царю Прусию I Хромому (230—182 годы до н. э.). Вифины были ответвлением малоазиатских фракийцев.

Прусий приходился родственником Филиппу Македонскому, одно время союзничал с ним, но был достаточно осторожен, чтобы не ввязываться в авантюры. Он заявил римлянам о своей дружбе с ними, как только выяснилось, что они разбили Филиппа. В то же время Прусий ненавидел пергамского царя Эвмена. Вифиния и Пергам издавна соперничали друг с другом из-за пограничных владений. Поэтому Антиох решил попробовать вовлечь Прусия в союз.

«Великий царь» написал вифинскому коллеге пространное послание на общегреческом наречии койнэ. В письме говорилось о римской угрозе. Римляне, как совершенно справедливо указывал Антиох, явились, чтобы уничтожить все царства. Их конечная цель — чтобы в круге земном не осталось никакой власти, кроме римской. Филипп V и спартанский Набис уже побеждены. Сейчас на очереди он, Антиох. Следующей жертвой станет Вифиния.

Послание не на шутку встревожило Прусия. Об этом бывшие при его дворе римские шпионы тотчас донесли Сципионам, и братья поспешили написать вифинскому царю письма. Публий Сципион Африканский расстилался в любезностях. Он был не только первым полководцем своего времени, но и блистательным дипломатом. Публий писал Пруссию, что у римлян принято возвышать союзных царей, а не уничтожать их. В пример приводились царьки, которых Сципион оставил править после изгнания карфагенян с Пиренейского полуострова.

Даже Филиппу V и Набису, воевавшим против Республики, оставили их владения. Но самым ярким примером был, конечно, царь нумидийцев Масанасса. Сципион Африканский напомнил, что после падения Карфагена царство Масанассы было расширено и сейчас занимает в Африке огромную территорию. Поэтому пусть вифинский царь ищет дружбы римлян и в особенности дружбы его, Публия Сципиона Африканского, человека чести. В этом случае Пруссию опасаться нечего.

Вифинский царь несколько успокоился и продолжил переговоры с обеими сторонами. Дипломатическая война между Антиохом и римлянами за Вифинию длилась еще некоторое время. Наконец к Пруссию прибыл посол из Рима. Им оказался Гай Ливий Салинатор — бывший начальник флота, считавшийся теперь специалистом по азиатским делам.

В ходе переговоров Салинатор убедил Прусия в силе римского оружия. Взвесив шансы на победу римлян и Антиоха, новоявленный посол доказал, что выгоднее дружить с сенатом, чем с «Великим царем». И Прусий принял сторону Рима. Возможно, он оказался прав. Союз с римлянами продлил существование Вифинии на полтора столетия. Лишь тогда сбылось предсказание Антиоха Великого, и страна азиатских фракийцев стала одной из провинций Рима.

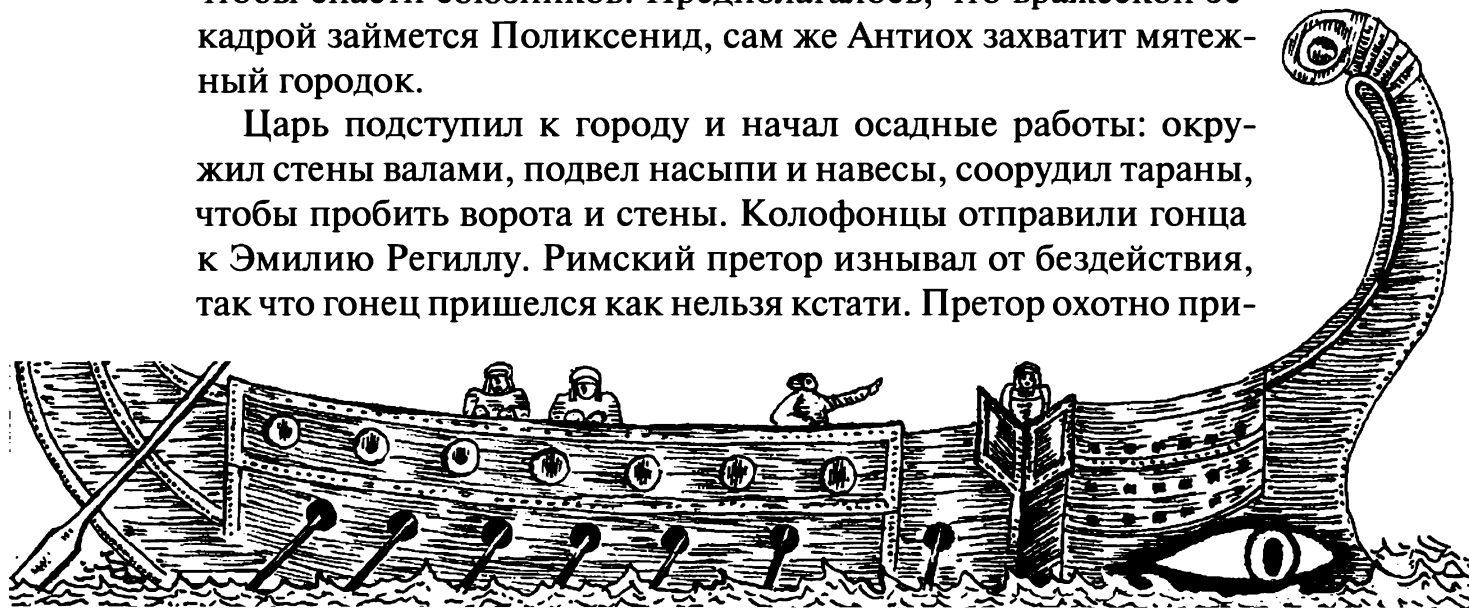
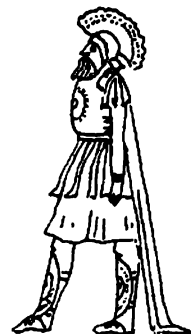
Так или иначе, в бескровной битве за Вифинию Антиох понес очередное поражение. Теперь римляне получили плацдарм на севере полуострова Малая Азия.

Раздосадованный Антиох решил вновь попытать счастья на море. Сципионы приближались с большой армией, и другого способа остановить их, кроме как уничтожив вражеский флот и воспрепятствовав переправе, не было. Другого выхода царь не видел.

Он прибыл из Сард в Эфес, устроил смотр флоту и посоветовался с Поликсенидом. Верный наемник был не прочь в очередной раз попытать счастья. Большая часть родосского флота в это время ушла в Ликию сторожить Ганнибала. Пергамская эскадра во главе с Эвменом отправилась к берегам Геллеспонта. Следовательно, был удобный момент, чтобы напасть на ту часть флота врага, которая осталась в Самосе. Антиох задумал выманить вражескую эскадру в открытое море и там попытаться разгромить ее.

Для этого царь с войском отправился на несколько миль к северу от Эфеса. Там лежал городок Колофон. Неподалеку от него находилась гавань, которую и занял Антиох. Колофон, несмотря на то что располагался почти рядом с Эфесом, держал сторону римлян. Антиох решил убить двух зайцев. Он осадил Колофон, рассчитывая, что римляне выведут флот, чтобы спасти союзников. Предполагалось, что вражеской эскадрой займется Поликсенид, сам же Антиох захватит мятежный городок.

Царь подступил к городу и начал осадные работы: окружил стены валами, подвел насыпи и навесы, соорудил тараны, чтобы пробить ворота и стены. Колофонцы отправили гонца к Эмилию Региллу. Римский претор изнывал от бездействия, так что гонец пришелся как нельзя кстати. Претор охотно при-

нял вызов судьбы и отправился на помощь осажденному городу. Советники его тоже были единодушны. Даже осторожный Эвдам говорил, что нужно действовать решительно. Все надеялись на морскую битву. Хитрость Антиоха оказалась излишней: римляне сами рвались в бой.

Прежде чем отправиться в поход, они решили пополнить запасы продовольствия и вина на острове Хиос, но задержались в пути из-за бури; тем временем пришло донесение, что огромные запасы продовольствия имеются на острове Теос. Причем жители Теоса поддерживают дружбу с Антиохом, торгуют припасами и недавно предложили ему 5000 сосудов вина. Регилл с полпути повернул к Теосу, намереваясь разграбить остров. Эскадра прошла у мыса Мионнес — между Теосом и Самосом, как пишет Ливий. Здесь римляне заметили полтора десятка кораблей. Решив, что они из флота Антиоха, Регилл приказал догнать беглецов. Но это были пираты, которые на всех парусах бросились к Мионнесу и скрылись среди скал. Местность была претору незнакома, и он, опасаясь засады, не решился преследовать их дальше. День был потерян.

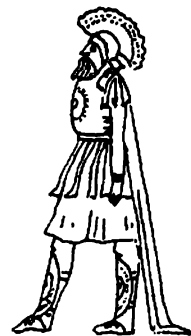
Наутро Регилл повернул к Теосу, достиг острова и принялся грабить окрестности. Теосцы выслали парламентеров, чтобы выяснить, отчего вдруг подверглись атаке. Претор инкриминировал им пять тысяч амфор вина, которые островитяне собирались продать Поликсениду, и заявил, что спастись теосцы могут лишь одним способом: передав амфоры бесплатно римлянам, иначе остров будет razoren и razгромлен. Теосцы обещали подумать.

Римский флот был расположен весьма неудачно, в теснине между островом и гаванью. Поэтому Регилл торопил островитян с принятием решения.

И не зря. К Мионнесу как раз подошла сирийская эскадра под началом Поликсенида. В ее составе было 89 больших кораблей. Флот Регилла насчитывал 80 боевых кораблей — 58 римских и 22 родосских. Сирийский наварх решил атаковать римлян тем же способом, что и Павсистрата в битве у Само-са, — то есть с суши и моря.

Но к счастью для претора, жители Теоса быстро капитулировали, и он тотчас ввел свой флот в гавань, ловко, сам не зная того, ускользнув из-под удара, который собирался нанести

Поликсенид. Тит Ливий пишет лишь о предчувствиях Эвдама, или скорее об осторожности, вследствие которой он посоветовал Региллу перевести флот в гавань. После этого моряки почувствовали себя в безопасности, сошли на берег, стали грузить продукты и пить вино. Дело, как часто бывает, решил случайный доброжелатель. Какой-то грек сообщил претору, что видел большой флот у соседнего островка. Претор был потрясен. Он приказал трубачам дуть в дудки, а трибунам — собирать солдат. С большим трудом в эскадре был наведен порядок, и она вышла в открытое море. Первыми шли римские корабли, а замыкали колонну родосцы во главе с Эвдамом.

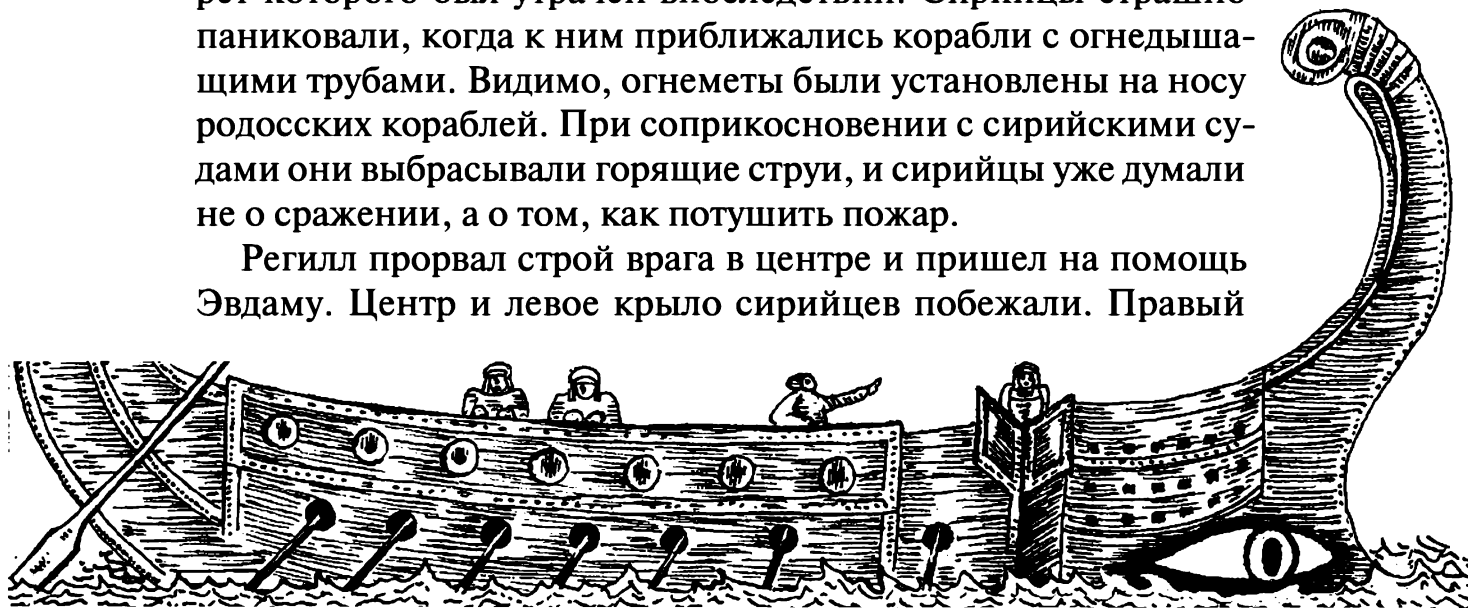
У Мионнеса они заметили неприятеля. Сирийские корабли шли длинной вереницей попарно. Завидев римлян, они развернулись в ряд. Поликсенид сильно растянул левое крыло, где находился сам. Он предполагал обойти врага с фланга и взять в кольцо, но римлян спас резерв. Эвдам, который шел в хвосте, заметил маневр сирийцев и бросился вперед. Родосские корабли отличались высокой скоростью, никто не мог соперничать с ними. Эвдам с ходу врезался в линию сирийцев и напал на флагманский корабль Поликсенида.

Крепостью судов и доблестью воинов римляне значительно превосходили врага; их кораблями управляли искусные родосские кормчие. Так что при прочих равных условиях Поликсенид уступал неприятелю. Он мог надеяться только на внезапность нападения и неожиданность маневра, но на первое надеяться уже не приходилось, а второму помешал Эвдам. Так что победители и побежденные в этой схватке выявились довольно быстро.

Эвдам применил в бою изобретение Павсистрата — огнеметы. Вероятно, это был прообраз знаменитого «греческого огня», который впоследствии использовали византийцы и секрет которого был утрачен впоследствии. Сирийцы страшно паниковали, когда к ним приближались корабли с огнедышащими трубами. Видимо, огнеметы были установлены на носу родосских кораблей. При соприкосновении с сирийскими судами они выбрасывали горящие струи, и сирийцы уже думали не о сражении, а о том, как потушить пожар.

Регилл прорвал строй врага в центре и пришел на помощь Эвдаму. Центр и левое крыло сирийцев побежали. Правый

фланг держался какое-то время, но, увидев, что товарищи отступают, последовал их примеру. Сам Поликсенид тоже ударился в бегство. Подняв все паруса, он устремился к Эфесу. Ветер благоприятствовал наварху. Он благополучно укрылся в гавани вместе с теми, кто успел спастись.

Таких оказалось немного. Сирийцы потеряли 42 корабля. Из них 13 были захвачены, остальные — сгорели или пошли ко дну под ударами таранов. Римляне лишились двух кораблей, еще несколько получили серьезные повреждения. О потерях родосцев не сообщается. Известно лишь, что сирийцы умудрились по чистой случайности захватить у них один корабль.

Как бы то ни было, ставка Антиоха на морскую войну была бита. В двух сражениях он потерпел серьезные неудачи. При Сиде Ганнибал лишился половины кораблей. При Мионнесе Поликсенид почти вовсе лишился флота. Теперь никто не мешал римлянам высадиться в Малой Азии.

Сам Антиох после этого стал совершать ошибку за ошибкой. От величия «Великого царя» не осталось и следа. Он стал похож на суетливого чиновника, который боится увольнения и от этого совершает промах за промахом.

Глава 4. Катастрофа

1. Удача Сципиона

Первой ошибкой Антиоха оказался вывод гарнизона из фракийской Лисимахии. «Великий царь» был так удручен поражением при Мионнесе, что не верил в возможность защиты Лисимахии, а зря. Римляне восприняли это как подарок судьбы. По мнению Полибия и Тита Ливия, столица европейских владений Антиоха могла бы продержаться всю зиму. Она была в изобилии снабжена припасами, ее охранял сильный гарнизон. Если бы удалось затянуть оборону, можно было бы воспользоваться обычным римским междоусобием — начались бы новые выборы, а после них из Рима на Балканы, скорее всего, явился бы новый начальник, который должен был войти в курс дела. Позже македонский царь Персей воевал целых шесть лет, пользуясь несовершенством римской административной системы.

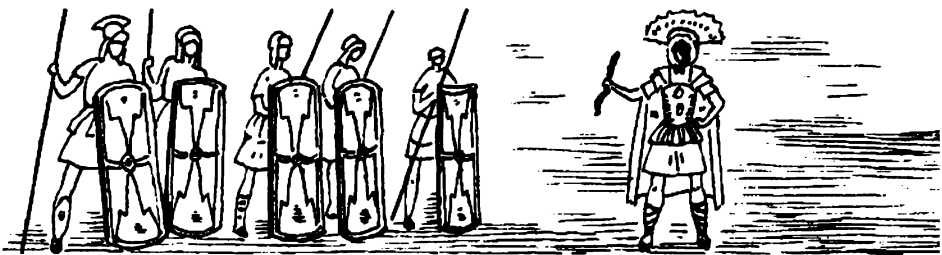
Но Антиох был не в состоянии вести войну нервов. Он эвакуировал Лисимахию, чем Сципионы были приятно удивлены.

И это было не единственное странное решение Антиоха. Сразу после поражения при Мионнесе и гибели флота он снял осаду Колофона и вернулся в Сарды совершенно опустошенным. На первый взгляд это кажется необъяснимым. Но война и политика изматывают людей. Антиох же воевал и плел политические интриги без перерыва тридцать лет. Хотя для монарха это не оправдание...

Минута слабости оказалась короткой. Антиох сумел собраться с силами. Он решил, что, коль скоро его флот уничтожен, а римлян задержать в Европе не удастся, нужно дать им генеральное сражение в Азии. «Великий царь» принялся собирать войска. Первым делом он запросил подкреплений у своего зятя Ариарата IV, царя Каппадокии. Затем — вывел гарнизоны из отдаленных провинций. Потребовал подмоги у вассальных царств. Словом, собрал всё, что мог. Это была опасная игра. Если бы эти войска были потеряны в неудачном сражении, империя могла развалиться. Видимо, для Антиоха была невыносима мелкая изнурительная война, которая продолжалась несколько лет. Он решил играть по-крупному.

Тем временем Регилл продолжал блокаду Эфеса, в котором укрылся Поликсенид с остатками сирийского флота. Часть эскадры римлянин отправил к Геллеспонту, чтобы помочь переправиться консульской армии. Родосцев — отпустил, выделив им долю в добыче. Но островитяне по собственной инициативе прибыли к Геллеспонту. Они тоже хотели участвовать в переправе римских войск в Азию. Это было поразительное рвение. Родосцы искренне не могли понять, что переправляют собственных господ, от которых натерпятся в скором будущем обид и несправедливостей. Кажется, они были полностью солидарны с Теодором Моммзенем, видя в римлянах освободителей и союзников. Но Моммзен мог позволить себе роскошь считать именно так. Ему, читавшему лекции за университетской кафедрой, не грозило быть выставленным на рынке рабов или пасть во время резни, устроенной римскими легионерами.

Сципионы были приятно поражены. Одна удача следовала за другой. Сначала пришло известие о разгроме флота Антиоха при Мионнесе. Затем римляне подступили к Лисимахии и вы-

яснили, что сирийский гарнизон оттуда выведен, а все припасы в сохранности. А стоило им двинуться к Геллеспонту, как все здесь было готово для переправы. Поблизости курсировал пергамский флот, и сам царь Эвмен следил за порядком. Наконец, подошла еще и родосская эскадра.

Сципионы благополучно переправились в Азию и возблагодарили богов за череду бескровных побед.

2. Штурм Фокеи

Между тем претор Регилл осадил Фокею. Он хотел иметь несколько надежных пунктов на побережье. Фокея, на свою беду, оказалась одним из них. В предыдущие годы она несколько раз переходила из рук в руки. Теперь претор вознамерился решить вопрос с принадлежностью Фокеи раз и навсегда.

Регилл высадился на берег, смастерил осадные орудия и обратился к городскому совету на предмет сдачи. Совет оказался настолько глуп, что предпочел «свободе» верность Антиоху и великой имперской идее. Римляне начали штурм сразу в двух местах.

Одна из частей города была застроена неплотно. Много места в ней занимали храмы. Этот священный квартал претор вознамерился взять в первую очередь. Подведя таран, он стал расшатывать стены и башни. Когда для защиты сбежались горожане и солдаты царского гарнизона, еще один таран начал работу в другом месте. Вероятно, стали действовать также стрелки — пращники и велиты. Наконец стены обрушились в двух местах, и легионеры пошли в атаку. Одни из них двигались прямо через развалины, другие взбирались на стены по приставным лестницам.

Однако горожане и на этот раз не пожелали «свободы». Они дрались столь яростно, что Регилл приказал трубить отбой. Тит Ливий пишет, что претор «не хотел губить людей понапрасну».

Горожане тотчас стали восстанавливать укрепления и сооружать завалы в местах разрушений. За этим занятием их застал римский парламентар. Начались переговоры. Попеняв жителям за упрямство, посланник мира сообщил, что римляне не хотят гибели города и от всей души жалеют его храбрых защит-

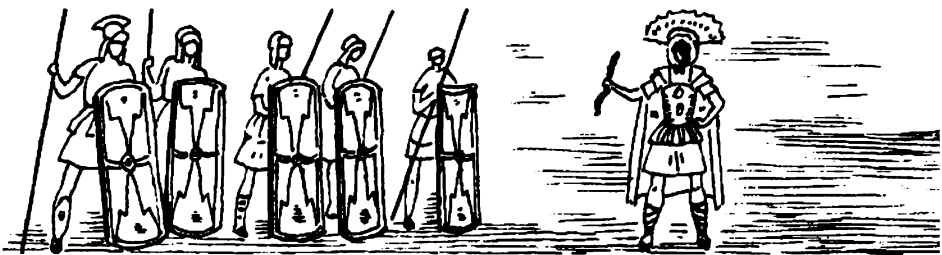
ников. Если горожане намерены отказаться от своего безумства, то претор готов принять капитуляцию на самых выгодных условиях. Защитники потребовали пять дней на раздумье. За это время к Антиоху были направлены гонцы с вопросом, стоит ли ждать от царя подмоги. Выяснилось, что нет. Лишь после этого, заручившись от римлян новыми обещаниями пощадить людей и дома, горожане открыли перед ними ворота.

Час капитуляции настал. Значки воинских подразделений внесли в город, и это означало, что он становится собственностью захвативших его солдат. В этот миг, однако, Регилл заявил, что Фокее дарована пощада. Легионеры подняли крик. Фокее припомнили, что она несколько раз переходила от римлян к Антиоху. Наконец кто-то заорал, что фокейцы — враги и поэтому не должны избежать наказания. По этому крику, как по условному сигналу, легионеры бросились грабить дома. Эмилий Регилл метался и убеждал (кажется, не очень искренне), что разорять можно только захваченные города. А Фокея, мол, сдалась добровольно. Его не слушали. Убедившись, что ярость солдат не поддается уговорам, претор разослал повсюду глашатаев и велел всем свободным фокейцам сойтись на площадь, гарантируя им защиту. И действительно, после того, как город был разграблен, претор вернул его фокейцам и даже никого из них не продал в рабство. Так что горожане легко отделались. А самое главное — не пострадала честь претора. Выходило, что это не он нарушил слово, а разнузданная солдатня, которую, впрочем, Регилл наказывать не собирался. Так что все остались довольны. Жители — тем, что сохранили свободу. Солдаты — тем, что разграбили город. Регилл — тем, что сохранил честное имя, удовлетворив аппетиты солдат и не нарушив слово, данное горожанам.

В фокейской гавани зазимовал флот римлян. На севере, у берегов Геллеспонта, расположилась римская армия Сципионов. Враг подбирался к Антиоху со всех сторон.

3. Полезный совет

«**В**еликий царь» не выдержал и запросил мира у римлян. Он нашел посредника, ловкого человека, византийца Гераклида. Видимо, тот был в городе Византии сирийским

прокшеном (это что-то вроде неофициальной дипломатической должности у древних греков; через прокшенов обычно шли мирные переговоры между греческими государствами, находившимися в состоянии войны).

Гераклид взял на себя трудную миссию посредника и сообщил, что готов отправиться к римлянам с мирными предложениями от Антиоха. Ничего невероятного по греческим меркам в этом не было. Греки легко воевали и мирились друг с другом. Война насмерть считалась в этом обществе дурным тоном. Враждующие стороны предпочитали разорить поля, убить несколько десятков профессиональных воинов, изнасиловать известное количество женщин и мальчиков и под сладострастные пляски полуобнаженных «флейтисток» заключить мир. Серьезные римляне делали политику совершенно иначе. Антиох уже догадывался об этом, но не хотел верить. Он устал и пытался использовать любую возможность, чтобы остановить изнурительную войну.

В то же время он был реалистом. Почему же вдруг решил, что римляне согласятся на мир? На эти размышления Антиоха толкнула медлительность Сципионов. Он полагал, что враги сразу после высадки в Азии двинутся к нему навстречу для решительного сражения. А они не топтались на месте. Почему? Испугались? Может, теперь-то и стоит предложить Риму мир?

Зерно истины в рассуждениях Антиоха, конечно, было. Сципионы осторожничали. Азиатский театр войны оказался для них совершенно новым. Братья присматривались, разведывали, вынюхивали. Вместо того чтобы рисковать, они предпочитали ударить наверняка. И выжидали время для такого удара.

Больше всего Антиох надеялся на сговорчивость Публия Сципиона Африканского. Этот победитель Карфагена был пресыщен славой. А самое главное, в ходе последних сражений в плен к сирийцам попал сын Публия. Тит Ливий приводит две версии этого пленения. Из них правдоподобнее вторая. После высадки в Азии сын Сципиона отправился в разведку с конным отрядом, наткнулся на сирийцев, потерпел неудачу, свалился с коня во время бегства и оказался в плену. Антиох окружил юношу заботой и вниманием. С ним обращались не как с пленником, а как с другом, чтобы использовать в качестве козыря в большой игре. Правда, римляне времен рас-

цвета Республики ставили гражданские доблести выше личных привязанностей. Пожертвовать собственным ребенком во имя интересов страны было для них делом достойным и похвальным. Но кто знает — может, римские нравы хоть немного смягчились? Антиох сильно на это надеялся.

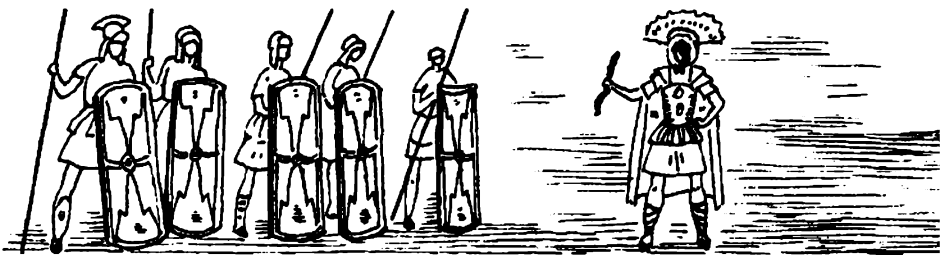
Так или иначе, Гераклид отправился в лагерь римлян. Его приняли вежливо, допустили к консулу. Правда, по этому случаю Луций Сципион созвал многолюдный совет. На нем присутствовали не только римляне, но и союзники.

Гераклид держал перед ними речь. От лица Антиоха посол предлагал следующие условия мира: «Великий царь» уступит несколько крупных городов на малоазиатском побережье — Смирну, Лампсак, Александрию Троаду. А также все европейские владения. Кроме того, базилевс соглашался выплачивать римлянам половину военных издержек.

— Не стоит вам, римляне, — вещал Гераклид, — ни свою судьбу испытывать, ни чужую отягчать. Ограничьтесь владениями в Европе. Держава ваша и без того обширна. Приращивать ее по частям легче, чем сразу захватить много и тратить силы на то, чтобы удержать захваченное. (Чувствуется, что это подлинные слова Антиоха, которые он передал Гераклиду. Царь говорит о наболевшем. Ведь он создал огромную державу из ничего, а теперь не мог удержать.) Но если хотите заполучить какую-то часть Азии, Великий царь готов уступить римской алчности. Лишь бы граница была четко определена.

Римляне зашумели. То, что Антиоху казалось достаточным, для римских хозяев Европы не стоило упоминания. Луций Сципион потребовал, чтобы царь оплатил все военные расходы, а не только половину. Требовал он и серьезных территориальных уступок. Антиох должен был очистить не только три города в Малой Азии, а вообще всю страну вплоть до Таврских гор. Это означало отказ без боя от таких городов, как Эфес, Сарды, и вообще от всех владений, за которые сирийцами было пролито столько крови. Гераклид подумал, что ослышался. Но римляне уперлись. Спорить было бесполезно.

Пришлось действовать в обход. Гераклид встретился с Публием Сципионом Африканским и предложил вернуть ему сына без выкупа. Сципион ответил, что был бы признателен Антиоху за это.

Тогда Гераклид пошел дальше. Он пообещал Сципиону крупную сумму и участие в управлении Сирийским царством, если он уговорит своего брата Луция заключить мир на приемлемых условиях.

Если Сципион и был удивлен простодушным азиатским коварством, то не подал вида. Вот его ответ (в изложении Тита Ливия): «Самое удивительное не то, что ты не знаешь ни римлян вообще, ни меня, к которому послан, — а то, что не осведомлен ты и об обстоятельствах, в которых находится посланный тебя. Надо было удерживать Лисимахию, чтобы нам не пройти в Херсонес, или же оборонять Геллеспонт, чтобы мы не переправились в Азию. Вот тогда вы могли бы просить о мире, поскольку противник был бы еще не уверен в исходе войны. Но теперь, когда вы пустили нам перейти в Азию и приняли от нас не только узду, но даже ярмо, какой может быть у нас разговор на равных? Вам остается терпеть нашу власть. Я же из щедро предложенных мне царских даров приму самый лучший — сына. Что до остальных, то молю богов не допустить до того, чтобы мое имущество в них нуждалось... Царь почувствует ту признательность, которую я испытываю к нему за великий дар, поднесенный мне, но только если он согласен принять частную благодарность за частное благодеяние. Но как государственный муж я ничего от него не приму и не дам ничего. Все, что я мог бы ему сейчас подарить, — это добрый совет; ступай и передай ему мои слова: пусть он откажется от войны и соглашается на любые условия мира»

Это был наглый ответ уверенного в себе властелина мира. Дальнейшие переговоры теряли смысл. Гераклид откланялся и отбыл к Антиоху.

Тот выслушал дипломата и решил готовиться к битве. «Великий царь» рассудил здраво. Коль скоро римляне диктуют ему условия как побежденному, ничего худшего война уже не принесет.

После неудачной попытки примирения римляне активизировались. Консул Луций Сципион занял значительную часть Геллеспонтской Фригии. Пергамскому царю Эвмену приказали заготовить продовольствие, потому что собирались двинуться на юг Малой Азии и, если получится, разбить Антиоха до наступления зимы.

Публий Сципион Африканский к тому времени захворал и уехал в Пергам лечиться. Антиох, как человек благородный, выполнил обещание — вернул полководцу сына. Публий был несказанно рад. Он заключил отпрыска в объятия, а потом обратился к людям Антиоха с просьбой передать царю благодарность и совет не выводить войско для битвы, пока до него не дойдет слух, что Сципион возвратился в лагерь. То есть если уж сражаться с римлянами, то не с кем-нибудь, а с ним, Сципионом, — лучшим полководцем римлян. В сущности, это была изощренная форма издевательства над загнанным в угол царем.

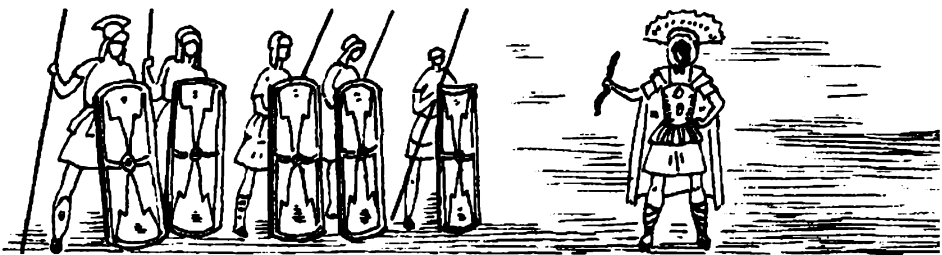
Битва, которая решила исход войны и предопределила судьбу династии Селевкидов, между тем приближалась. Ее одинаково искали и римские полководцы, и «царь Азии».

4. Перед сражением

Консул Луций Сципион был личностью бездарной и ничемной, но ему повезло с братом и с советниками. Аппиан в своей «Римской истории» пишет, что когда Публий Африканский заболел, то прислал вместо себя энергичного легата Гнея Домиция Агенобарба (Огнебородый). Это был человек дельный и крайне честолюбивый. Он-то и управлял римскими войсками в решающей битве с Антиохом. Аппиан вообще не считает нужным упоминать об участии в ней консула Луция. Все распоряжения отдавал, по его мнению, только Огнебородый.

Тит Ливий утверждает, что Антиох наконец-то собрал большие силы: 60 000 пехоты и 12 000 конницы. Не будем безоговорочно доверять этим цифрам. Как только античные авторы пишут о восточных войнах, армии противника имеют тенденцию увеличиваться до невероятных размеров. Место объективного анализа постоянно заступает фантазия. Но если оценка Ливия соответствует действительности, то, значит, Антиох стянул силы из всех провинций империи, ослабив ее обороноспособность до минимума.

Описание битвы у того же Тита Ливия вызывает много вопросов. Аппиан пытается преодолеть эти противоречия в своей версии рассказа о сражении, но также оказывается в плену

несостыковок из-за сообщений о гигантском размере армии Антиоха. К тому же он писал позднее Ливия, а потому имел еще меньше возможностей докопаться до правды. С другой стороны, сам Ливий явно опирается на рассказ Полибия, который, однако, до нас не дошел. Полибий же сочинял историю по заказу римлян. Поэтому и возникают неувязки, недоговоренности, противоречия. Впрочем, не станем забегать вперед.

Антиох выступил навстречу римлянам и расположил свои полки на удобной позиции у города Магнезия (или Магнесия), что у подножия горы Сипил, на берегах бурной реки Фригий (современная река Кум, правый приток реки Гедиз в Турции). Выбранную позицию он укрепил рвом, валом и даже башенками, в которых разместил стрелков. Предполагалось, что эта импровизированная крепость сдержит натиск врага. Опасения были не напрасны. Качественный состав армии Антиоха оставлял желать лучшего. Его ветераны сложили головы в Восточном походе, египетских кампаниях, европейской авантюре. Отряды, которые привели отовсюду сатрапы, состояли из греков, македонцев и множества вассальных племен, которые плохо понимали друг друга и едва усвоили греческое наречие койнэ — язык воинского начальства. Все это делало армию трудноуправляемой.

Римляне во главе с Луцием Сципионом и Гнеем Агенобарбом также вышли к Фригию. Конница «Великого царя» в составе тысячи человек (галаты, парфяне, туранские конные стрелки) немедленно переправилась через реку и атаковала римские заставы. Сначала римляне пришли в замешательство, но постепенно сумели оправиться от первого испуга. К ним постоянно подходили подкрепления с марша, а вражеский конный полк слишком оторвался от своих и дрался в одиночку. Наконец соотношение сил поменялось настолько, что всадники Антиоха почуяли неладное. Они решили вернуться к своим, но опоздали. Римские воины их окружили и перебили «во множестве», как пишет Ливий. Назад прорвались немногие.

Следующие два дня прошли спокойно. Река разделяла врагов. Луций Сципион и Гней Агенобарб ждали удобного мо-

мента для начала сражения. Антиох сидел за своими укреплениями и вообще не собирался атаковать. Огнебородый волновался больше всех, ибо хотел разбить Антиоха до выздоровления Публия Корнелия Сципиона Африканского.

На третий день римляне перешли реку и разбили лагерь в двух с половиной милях от противника. О римских лагерях в источниках написано много, классическое описание — у Полибия. Это были мощные крепости, способные выдержать неприятельскую осаду. Из таких лагерей вырастали впоследствии города. На строительство укрепления уходило несколько часов, в работах задействовали всю армию. Так произошло и сейчас. Оставив часть воинов в караулах, Агенобарб приказал остальным строить укрепления.

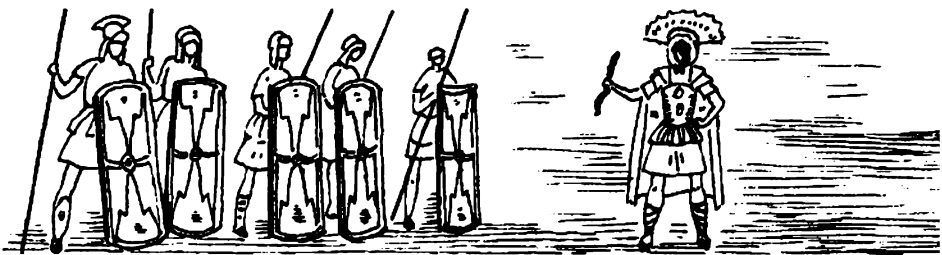
Антиох попытался воспользоваться неудобным положением врага. Царь выслал легкий полк из пехоты и конницы численностью 3000 человек, чтобы потрепать римлян. Но легионеры отбили нападение с уроном для противника. Потеряв сотню солдат убитыми и столько же пленными, сирийцы отступили. О потерях римлян в этой схватке римские историки умалчивают — как почти всегда в таких случаях.

Пролетели еще четыре дня. Войска противников находились в своих лагерях и не решались на большое сражение. На пятый день Сципион вывел свое войско на середину равнины. Антиох не двигался.

Римский консул совещался с приближенными. Он не рассчитывал на пассивность Антиоха. Такое поведение «царя Азии» таило опасность для римлян. Если кампания не будет выиграна одним ударом, она затянется. Не за горами зима. Предстояло либо держать легионеров в палатках, либо отвести на зимние квартиры и отложить решающую борьбу до лета.

Но никогда ни одного врага римляне не презирали так, как Антиоха. Со всех сторон военные трибуны и прочие офицеры стали кричать, чтобы консул Сципион тотчас повел легионы в бой. Солдаты готовы были идти на укрепления врага и резать азиатов. Сципион решил воспользоваться всеобщим порывом и начать атаку.

Римляне начали с разведки, чтобы уяснить, каким путем удобнее подобраться к вражескому валу. На другой день они перенесли лагерь поближе. На третий — значки легионов вы-

несли на середину равнины, и войско построилось в боевой порядок. Аппиан драматизирует эту историю. Согласно его версии, Агенобарб послал вызов «Великому царю», заявив, что если Антиох струсит и опять не примет сражения, то римляне всё равно заставят его драться и уничтожат.

Тут базилевс совершил очередную ошибку. Он вывел войско из укреплений навстречу римлянам. По словам Ливия, царь считал, что дальнейшая отсрочка подрывает дух сирийской армии и питает надежды врагов. Аппиан добавляет, что «Великий царь» вышел из своих укреплений, чтобы рассчитаться с Агенобарбом за дерзость. Но может быть, у Антиоха просто кончились припасы, и нужно было принимать решение: либо менять позицию, рискуя подвергнуться атаке римлян, либо атаковать самому и решить исход войны одной битвой. Так случилась битва при Магнезии.

5. Битва при Магнезии

В боевой линии войска Сципиона и Агенобарба разместились два легиона собственно римлян численностью по 5400 человек каждый. Римляне образовали центр позиции, их союзники-латины встали на флангах. Как обычно, передовую часть составили манипулы гастатов — молодых воинов, вооруженных метательными копьями-пилумами, короткими мечами для вспарывания животов и щитами овальной формы скутумами. За гастатами выстроились более опытные солдаты старших возрастов — принципы. «Пойти на принцип» означало для римлян, что сражение принимает серьезный оборот. Наконец, позади всех находились надежные отряды ветеранов-триариев, которые имели на вооружении длинные копья. Уж если «дело дошло до триариев», говорили римляне о любом деле, то это означает, что начинается битва насмерть.

Продолжая строй, консул расположил справа вспомогательные отряды пергамского базилевса Эвмена, расставив между ними для устойчивости ахейских пельтастов под командой Диофана. Всего их оказалось 3000 солдат. За ними Агенобарб поставил конницу — тоже 3000 человек. Из них 800 всадников было из Пергама, остальные — римляне. На самый

край, растянув правое крыло для глубокого охвата, консул выдвинул 500 стрелков-критян и столько же иллирийцев.

Левое крыло вроде бы не нуждалось в таких подкреплениях. Естественным рубежом для него служила река с отвесными берегами. Но и тут Агенобарб поставил для прикрытия четыре эскадрона (турмы) конницы. Впоследствии они были атакованы Антиохом и смяты.

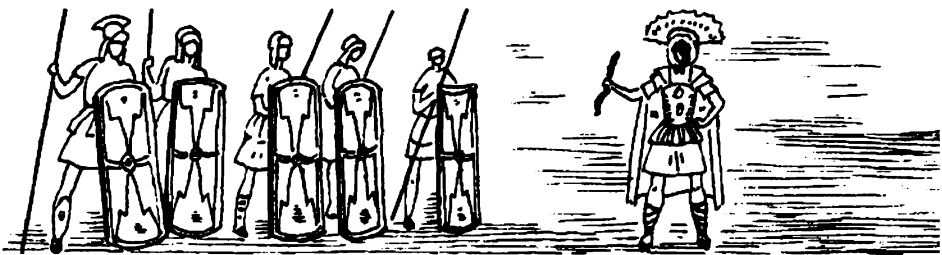
Лагерь римлян охраняли 2000 македонских и фракийских добровольцев. Видимо, консул не полагался на их стойкость, потому и отправил глубоко в тыл. Ими командовал молодой военный трибун Марк Эмилий Лепид. Именно он вместе с фракийским заградотрядом остановит бегство римских солдат после атаки Антиоха и во многом решит исход боя.

В резерве, за триариями, находились 16 африканских слонов. У Антиоха было гораздо более внушительное стадо в 54 «индийца». Сципион знал об этом от донесений разведчиков и даже не пытался атаковать их «в лоб».

Такова была дислокация римлян. А что же Антиох?

Строй его армии выглядел более пестро из-за множества племен, которые пришли воевать с разным оружием и в разных одеждах. Ядро армии составляла фаланга — 16 000 вооруженных по македонскому образцу воинов. Антиох поставил их в центре, сделав как бы опорой позиции. В глубину это построение достигало 32 рядов, а вширь было разбито на 10 «полков». В промежутках между ними стояли по два индийских слона. Это был цвет царского войска. Прекрасно вооруженные, в начищенных доспехах, фалангиты внушали ужас врагу. Дополнительный страх нагоняли слоны, серыми громадами возвышавшиеся среди леса копий и шлемов. Слонов защищали стальные налобники и украшали пышные султаны. На спинах у животных находились башенки, которые вмещали погонщика и четырех воинов.

Справа от фаланги царь расположил 1500 галлогреков — эллинизированных кельтов. К ним присоединил отборную кавалерию парфян — 3000 катафрактов, облаченных в кольчугу с головы всадника до ног коня. Рядом с катафрактами встала царская агема — отборный конный полк тяжелых кирасир в тысячу человек. Его набрали из знатных мидийцев. К конным полкам примыкал отряд аргираспидов.

Рядом стояли дахи — 1200 конных лучников. Возможно, так называли легковооруженных парфян, потому что, по сути, это был один народ. Появление дахов и парфян означает, что зависимость Парфии от «Великого царя» не была пустым звуком.

За дахами разместились легковооруженная пехота — 3000 критян и иллирийцев. А также 2500 лучников из Геллеспонтской Фригии, то есть азиатских фракийцев. Край этого фланга замыкали вперемешку 4000 тяжелых стрелков из иранцев и эламитов, которых оруженосцы прикрывали при стрельбе огромными щитами.

На левом фланге множество воинов демонстрировало абсолютный «Вавилон» — смешение языков, обычаев и военной тактики. Здесь к фаланге примыкали 1500 галатов и 2000 каппадокийских конников, присланных царем Ариаратом IV. Дальше стояли 2700 человек из вспомогательных войск всех видов, 3000 кавалеристов-катафрактов и еще 1000 других всадников. Затем шел царский эскадрон (ала) с броней на людях и лошадях легче, чем у катафрактов, но тяжелее, чем у обычных конников. То есть это был прообраз драгун, сбалансированно вооруженных, чтобы успешно драться в конном и пешем строю. В этом эскадроне служили сирийцы, лидийцы, фригийцы.

Перед этой конницей Антиох выставил отряд серпоносных колесниц, присланных ему с Востока. Здесь же встали отряды арабских наездников на дромадерах — одногорбых верблюдах. На вооружении у арабов были стрелы и длинные мечи в 4 локтя длиной.

В глубине располагались резервы: тарентинцы, 2500 галатских всадников, 1000 критян-новобранцев (античные авторы звали их неокритянами), 1500 карийцев и киликийцев, столько же иллирийцев-траллов, а также полк легковооруженной пехоты в 4000 человек из числа писидийцев, ликийцев и памфилийцев. Наконец, были еще вспомогательные части иранцев в несколько сот человек. Позади строя стояли 16 слонов.

Такова была пестрая армия Антиоха. Сам «Великий царь» находился на правом крыле. Во главе левого фланга он поставил сына Селевка и племянника — «принца крови» Антипатра. Центр вверил трем испытанным соратникам: Минниону,

старому Зевксиду и начальнику слонов (или фаланги, как пишет Аппиан) Филиппу.

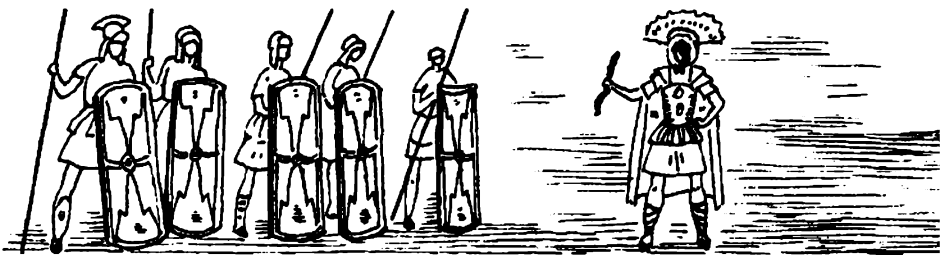
Битва должна была стать вершиной военной карьеры Антиоха или его гибелью.

Утренний туман сполз с гор и навис белыми облаками. Травы покрылись росой, стояли свинцовые сумерки. Влага пропитала все так, как будто прошел дождь. Это не помешало римлянам двинуть вперед боевые порядки. Легионеры имели в основном тяжелое вооружение и рассчитывали на ближний бой. Ну разве что можно было метнуть пару пилумов перед схваткой.

Не то — армия Антиоха. Там было очень много стрелков и легковооруженных. Царь намеренно растянул фронт, чтобы воины могли без помех вести обстрел. Но погода сыграла с ним злую шутку. Влага размягчила тетивы луков и ремни пращей. Принимать бой в столь невыгодных условиях, когда главные силы армии оказались парализованы, было убийственно. Но Антиох еще не успел понять всего трагизма ситуации, как был атакован Эвменом, который заметил, что колесницы Антиоха слишком выдвинулись вперед, и решил напасть на них.

Тит Ливий, оставивший подробное описание битвы при Магнезии, впадает в противоречие. У него солдаты Эвмена лихо обстреливают колесницы врага, хотя выше Ливий рассуждал о сырой погоде, из-за которой луки азиатов промокли. Одно из двух: или у солдат Эвмена были луки особенные, не поддававшиеся сырости, или Тит о чем-то недоговаривает. Скорее второе. Может быть, в данном случае от стрелков не требовалась особая меткость. Главное было напугать и изранить лошадей. С этой задачей воины Эвмена успешно справились. Выстрелами и дикими воплями они привели лошадей в бешенство. Колесницы стали неуправляемы. Лошади инстинктивно устремились прочь от врага и бестолково металась по полю. Лишь вдали от битвы возникло удалось совладать со взбесившимися животными. Но это было уже бесполезно. В тумане всюду кипела битва, и складывалась она крайне неудачно для азиатского войска.

Кавалерия римлян атаковала левый фланг неприятеля и быстро его опрокинула. Решительное участие в этой атаке приня-

ли пергамские конники во главе с принцем Атталом — братом царя Эвмена. Побежали и легкие части сирийцев, и тяжелая конница катафрактов. Это порождает следующий вопрос: у римлян не только луки не намокали от воды, но и лошади оказались храбрее? Взбесившиеся колесничные кони должны были посеять панику в обеих армиях. Но отчего-то ей оказались подвержены одни только воины Антиоха, в то время как римляне спокойно сражались и обращали врага в бегство.

Таким образом, очевидно, что внятного рассказа о битве при Магнезии нет. Позднейшие авторы, вроде Ливия, писали о ней по хвастливым рассказам римских полководцев, в которых правда перемешана с вымыслом.

Объяснение напрашивается одно. Похоже, что численность армии Антиоха — 60 000 пехоты и 12 000 конницы — источниками сильно завышена. Все поведение «Великого царя» говорит о том, что у него войск было мало — меньше, чем у римлян. Антиох, как мы помним, высадился в Европе с десяти тысячной армией. Значительная часть ее полегла в битве при Фермопилах. Возможно, в Азии ему удалось набрать 20–25 тысяч солдат — но вряд ли втрое больше. Тем не менее общепринятым считается мнение, восходящее к Ливию, что азиаты обладали подавляющим численным перевесом. При этом никто не спорит, что управление сирийской армией было налажено из рук вон плохо. Разноязычные солдаты не понимали друг друга и бежали от римлян сломя голову, преувеличивая опасность: у страха глаза велики...

Итак, римляне опрокинули левый фланг неприятеля, где командовали принцы Селевк и Антипатр. После этого римская кавалерия атаковала фалангу, стоявшую в центре. Ряды фаланги смешались, воины не могли действовать сариссами. Во-первых, для этого нужно было развернуться фронтом к неприятелю. Во-вторых, возникла сумятица, и фалангиты могли поразить длинными копьями своих же отступавших кавалеристов. В-третьих, в атаку на фалангу уже бросились римские легионеры. Они сокрушили врага лобовым ударом. А вспомогательные отряды, которые прикрывали фалангитов, были истреблены римской конницей. Даже слоны не остановили римлян. Легионеры имели большой опыт борьбы с этим колоссами. Главное было избежать удара страшных бивней

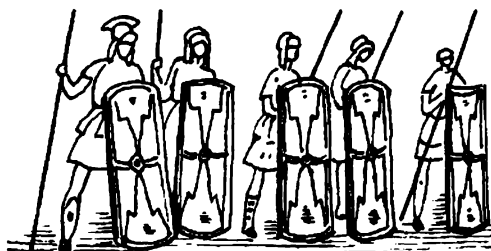
и уклониться от выстрелов из башенок, а затем прыгнуть слоноу под ноги и перерубить сухожилия, после чего гигантская туша падала и становилась бесполезной горой мяса. Очень быстро большая часть слоновьего стада Антиоха была истреблена.

В тот миг, когда левое крыло и часть центра азиатов были сокрушены, римляне получили тревожные вести с другого фланга. Там энергично сражался сам Антиох Великий.

Едва началась неурядица с колесницами, «Великий царь», заметив, что стоявший напротив него враг слишком слаб, напал на римлян. Римскую пехоту здесь прикрывала река, за ней на фланге находились четыре турмы конницы. Сюда-то и ударил Антиох, используя катафрактов и вспомогательные части. Пехота напала на римлян с фланга, а сам «Великий царь» атаковал в лоб. Первыми обратились в бегство римские всадники, за ними опрометью бросились к лагерю легионеры. И тут Антиох повторил ошибку, которую допустил в битве при Рафии. Он увлекся преследованием и упустил из вида события на другом фланге. Царь потерял контроль над событиями, за что вскоре и поплатился.

Неожиданно бежавшие римляне остановились. Причиной тому стал вышедший им навстречу из лагеря заградотряд во главе с Марком Эмилием Лепидом. Сначала он просто кричал, чтобы беглецы повернулись и встретили неприятеля во всеоружии. Затем предупредил, что пустит в ход оружие против своих. Ему не поверили, и напрасно. Римляне из заградительного отряда стали методично убивать бегущих от сирийцев сограждан. Поставленные перед нелегким выбором, легионеры вновь повернулись лицом к Антиоху.

Мало-помалу сопротивление возобновилось, и Лепид с двумя тысячами солдат стал отчаянно рубиться с неприятелем. Антиох тем не менее теснил римлян, но вскоре им на помощь пришел пергамский принц Аттал, и «Великий царь» вмиг оказался зажат в клещи. Перед ним были римляне, с тыла атаковали пергамцы. Грозил опасность окружения, и Антиох поворотил коня. Царю удалось уйти благодаря мужеству аргираспидов, которые сдержали удар, но сами полегли до последнего человека. Впрочем, Тит Ливий пытается принизить подвиг врага, говоря, что их «удерживали от бегства» не только храбрость, но и тяжесть вооружения. Так или иначе, царь был

спасен, чего не скажешь о его армии, которую погнала римская конница. Впереди мчался Эвмен со своими всадниками. Для него это был звездный час. Пергамский царь уже видел себя повелителем всех малоазийских владений. Его кавалеристы убивали всех, кого удавалось догнать.

Еще губительнее для бегущих оказались они сами. Смешались кони, слоны, верблюды и в страшной давке людей давили, как сливы. Ужасное избиение произошло перед лагерем. Ливий пишет, что в нем погибло больше людей, чем в скоротечной битве. Лагерь охранял большой отряд. К нему присоединилось множество беглецов. Все они решили дорого продать свою жизнь и встали перед валом. (Еще одна нестыковка у Ливия. Почему перед валом, а не на валу? Казалось бы, разумнее укрыться в укрепленном лагере и сражаться там, как в крепости.)

Враги, рассчитывавшие захватить лагерь с ходу, были отброшены. Конники дождались подхода легионеров. Те, хотя и были сначала остановлены у вала, ворвались в лагерь и устроили грандиозную резню. «Рассказывают, — пишет Ливий, — что в тот день было перебито до пятидесяти тысяч пехотинцев и три тысячи всадников». Отметим сомневающуюся интонацию нашего историка — «рассказывают». Уж больно велики потери врага. Кажется, Ливий и сам в них не верит, но продолжает перечислять. По его словам, в плену оказались 1400 солдат Антиоха и 15 слонов с погонщиками. Вот эти цифры как раз реальны. Во-первых, они невелики. Во-вторых, пленных привезли в Рим и каждый желающий мог их перебрать по головам. Так что здесь фантазия победителей не могла разгуляться.

Какие же потери понесли сами римляне в этой битве? Они смехотворны. По версии Ливия, пали 300 пехотинцев и 24 всадника. Еще 25 кавалеристов потерял Эвмен. Сюда вошло всё: бой с колесницами, конные атаки, резня, учиненная Антиохом на подступах к римскому лагерю, бойня своих римским заградотрядом, сражение с аргираспидами и прочей тяжелой пехотой, схватка у сирийского лагеря... И на все про все — 300 убитых? Правда, было еще «много раненых», пишет Ливий, у которого, кажется, тоже мелькнула тень сомнения. Сколько было этих раненых? Какое количество из них оста-

лось в живых? Не известно. Всё встает на места лишь в одном случае: если мы в очередной раз признаем, что армия Антиоха была гораздо меньше, чем об этом раструбили римляне. Тогда и сражение окажется гораздо менее грандиозным. Скорее мы сможем говорить о нескольких скоротечных схватках и последовавшей резне.

Магнезия — это символ неэффективности многонациональной империи, идея которой была чужда этносам, объединенным только фигурой царя. И с другой стороны, символ победы грубой римской силы, которая сумела вырезать чужаков в Италии, освободить жизненное пространство для своих граждан и двинула победоносные легионы за пределы Апеннинского полуострова.

Глобальные последствия битвы при Магнезии очевидны. Антиох остался без армии. Защищаться против римлян было нечем. Малая Азия была для Селевкидов потеряна навсегда.

6. Тяжелый мир

Победители разграбили лагерь врага и с большой добычей вернулись к себе. Весь следующий день они снимали доспехи с убитых. Пришли послы из Магнезии и еще одного соседнего города, чтобы объявить о капитуляции. И это были только первые плоды победы.

Антиох бежал с несколькими телохранителями, но многих подобрал в пути и уже с целым отрядом воинов к середине ночи добрался до Сард. О судьбе его ближайших соратников, которые воевали вместе с царем тридцать лет, чтобы потерпеть унижительное и жестокое поражение, мы ничего не знаем.

Охрану Сард «Великий царь» поручил Ксенону — одному из ветеранов, воевавшему еще в Египте против фараона. Наместником Лидии назначил Тимона. Прежний губернатор, верный Зевксид, следовал за Антиохом в его передвижениях.

В Сардах до царя дошли слухи, что его сын Селевк вывел из битвы часть войск и собирает их в Апамее (городов с таким именем было много — этот располагался в Лидии). Взяв с собой молодую жену Эвбею и недавно родившуюся маленькую дочь, Антиох ночью покинул Сарды и пошел на соединение с сыном. Из Апамеи, уже вместе, они отправились в Келе-

ны — старую столицу Фригии. То есть стали уходить на восток, оставляя римлянам запад.

Узнав об этом, горожане и солдаты сардского гарнизона отправили гонцов к римлянам с известием о своей капитуляции. Никто не обращал внимания на Ксенона и Тимона, оставленных царем в качестве наместников. Это показывает, насколько слаба стала власть Антиоха и как равнодушны были местные жители к идее империи. По большому счету запад Малой Азии был вообще слабо связан с державой Селевкидов. «Цари Азии» покоряли эти места снова и снова, чтобы потерять их после битвы при Магнезии уже окончательно.

Эта капитуляция стала сигналом для малоазийских греков и лидийцев. Город за городом присылали гонцов, чтобы сдать Риму. Луций Сципион перебрался в Сарды. Здесь консул принимал сдавшихся и рассылал солдат, чтобы занимать города.

Из крупных поселений вскоре капитулировал Эфес. Наварх Поликсенид с флотом направился оттуда к Патарам, которые еще удерживались сирийцами. Но по дороге Поликсенид испугался вражеских кораблей, высадился на сушу и пешком отправился в Сирию.

В обстановке всеобщего краха Антиох искал мира. Его империя оказалась непрочной, и воевать дальше не только не имело смысла, но и было смертельно опасно. Вслед за Малой Азией начали бы отпадать другие области.

Царь назначил послами Зевксида, бывшего наместника Лидии, и своего племянника Антипатра. На верность обоих он мог положиться. Сам же уехал в Сирию — вероятно, чтобы предупредить возможные мятежи на востоке и сохранить управляемость страной. Послам были предоставлены самые широкие полномочия для заключения мира.

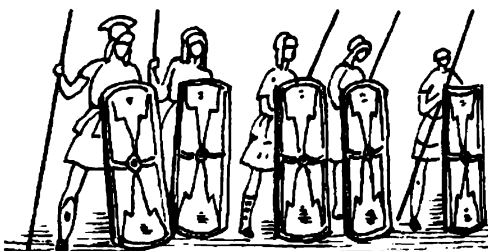
Дипломаты явились прежде всего к пергамскому Эвмену. Антиох считал его главным противником мира из-за долгой вражды, каковая имела место между Пергамом и «Азиатским царством». Но Эвмен был греком и в глубине души оставался приверженцем «греческих» принципов ведения войны — идти на переговоры и не добивать врага. Он оказался настроен даже мягче, чем рассчитывали Антиох и его послы. Зевксид и Антипатр были приятно удивлены.

С помощью пергамского царя они вышли на Публия Сципиона Африканского, а через него — на консула Луция и поняли, что римляне сейчас не в состоянии двинуться в глубину Азии. Теперь можно было выносить вопрос о мире на всеобщее обсуждение. По просьбе дипломатов военный совет римлян и их союзников собрался в полном составе. Начались официальные переговоры.

Первым выступил Зевксид. Речь его — в передаче Тита Ливия — звучит смиренно: «Мы не столько сами имеем что-то сказать, сколько спрашиваем у вас, римляне, чем именно можем мы искупить ошибку царя и исходатайствовать у победителей мир и прощение. Ведь вы всегда великодушно снисходили к поверженным царям и народам. Насколько же великодушнее, насколько милостивее подобает вам вести себя после этой победы, сделавшей вас властителями земного круга. С кем из смертных вам теперь враждовать? Подобно богам, пристало вам оберегать и миловать род людской».

Эта полная унижения речь тешила римлян. Есть подозрение, что говорить так послов научил Публий Сципион. Ответную речь римляне тоже приготовили заранее. То есть решение о мире было принято во время закулисных консультаций, а на самом совете все просто исполнили назначенные римлянами роли.

Итак, от лица Республики говорил Публий Сципион Африканский: «Еще не видали мы вашего войска, еще Марс не склонился ни в ту, ни в другую сторону и исход войны был неясен, а мы уже, ведя с вами переговоры как равные с равными, предъявили те самые условия, которые выставляем теперь, когда обращаемся к вам как победители к побежденным: оставьте в покое Европу, очистите все азиатские земли по сю сторону Тавра; для возмещения военных расходов выплатите пятнадцать тысяч эвбейских талантов, пятьсот немедленно, а две с половиной тысячи — после одобрения мирного договора сенатом и народом римским, а затем по тысяче талантов в течение двенадцати лет. Эвмену тоже вы должны возместить четыреста талантов и недоимку зерна из задолженности его отцу. По заключении договора вы в обеспечение его исполнения выдаете нам в качестве залога по нашему выбору двадцать заложников...»

Антипатр и Зевксид от имени Антиоха согласились на всё. Сирийские гарнизоны были выведены из Малой Азии, римляне расположились в Лидии на зимних квартирах. Сам Луций Сципион разместился в Эфесе. Все ждали, когда Антиох выполнит условия мира, а пока его посланцев переправили в Рим для ратификации договора сенатом. Туда же отправился Эвмен, а с ним — представители «освобожденных» малоазиатских городов. Интересы их были различны. Пергамский царь претендовал на все малоазиатское наследство Антиоха. Города хотели сохранить независимость. Возникло обширное поле для интриг и склок. Всем было интересно, как будет устроено управление Малой Азией после ухода римлян?

Начались переговоры, консультации, дипломатические маневры. Первым делом сенат утвердил мир с Антиохом Великим на тех условиях, о которых договорились с царем братья Сципионы. Узнав об этом, царь прислал первый взнос дани (которая стыдливо была названа «возмещением за военные расходы»), а также указанных Римом заложников. Среди них был царевич Антиох, младший сын «Великого царя».

Затем сенат отправил в Малую Азию комиссию децемвиров — десяти уполномоченных, которым предстояло поделить бывшие владения Антиоха в Малой Азии. По главным вопросам, однако, решения были вынесены еще в Риме. Обе Фригии (Великую и Геллеспонтскую) отдали Эвмену. Также ему причитались области в малоазиатской Мисии. Пергамский царь, кроме того, получал Ликаонию далеко на востоке. Достались ему Лидия, Иония (кроме тех городов, что получили от римлян свободу), часть Ликии и Памфилии. В Европе он получил Лисимахию и Херсонес Фракийский. Это была великолепная плата за услуги, оказанные Республике! Территория Пергама выросла в шесть или семь раз.

Родосцам отдали остальную часть Ликии и Кари (так называемая область Перея), а также часть Писидии, кроме нескольких освобожденных городов. Получив континентальные владения, Родос превратился в обширное малоазиатское государство.

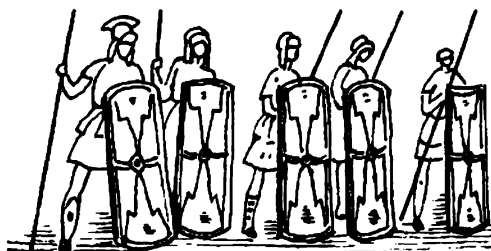
Тотчас возникли конфликты из-за территорий. В Киликии находился обширный и богатый греческий город Солы. Он лежал к востоку от хребта Тавр и принадлежал соответственно

Антиоху Великому. Вдруг родосцы стали требовать свободы для этого города, ссылаясь на древние уложения. Столь наглые претензии возмутили сирийских послов. Принц Антипатр стал настаивать, что недопустимо пересматривать условия договора, который определяет границы державы Антиоха хребтом Тавра. Он действовал столь жестко, что римляне вынуждены были отступить и всё оставить как есть. Чтобы сохранить лицо, окончательное решение свалили на родосцев, которые отказались от претензий на Солы. Однако эта маленькая дипломатическая победа не могла уменьшить горечь от огромного поражения, в результате которого были утрачены все западные завоевания Антиоха. Именно с этого времени, по остроумному замечанию Моммзена, можно говорить о превращении монархии Селевкидов из «Азиатского царства» в «Сирийское». Если быть точным, превращение произошло через пару лет, после гибели Антиоха, о которой мы скажем ниже. Но сути это не меняет. Под Магнезией царство получило страшный удар, от которого так и не оправилось. История Селевкидов покатила под уклон.

7. Триумфаторы и побежденные

После громких побед и полного разгрома Антиоха римляне наслаждались праздниками. Они включали военный парад, демонстрацию пленных и поверженных знамен, а также шествие победоносного полководца в колеснице. Для нас это малозначащая деталь, но для римлян — невероятный почет. Дело в том, что после изгнания царей, произошедшего в глубокой древности, никто в Риме не ездил верхом или в колеснице по улицам. Исключение делалось только для полководцев-победителей. При этом, чтобы отвлечь зависть богов, было принято всячески высмеивать победоносного генерала. Роль шутов выполняли легионеры. Они шли строем и выкрикивали стишки, часто вульгарного содержания, в которых глумились над своим вождем. Например, много позже во время триумфа Цезаря легионеры называли его лысым развратником и гомосексуалистом, который отдавался вифинскому царю как женщина.

После военного парада начинались празднества, возлияния, хлебные раздачи и гладиаторские бои. Всё вместе это называлось «триумф».

Первым делом в Риме отпраздновали триумф Ацилия Глабриона, который разбил этолийцев и Антиоха при Фермопилах. Экс-консул устроил пышное зрелище. Впрочем, впоследствии он попал под суд за то, что присвоил часть добычи. Время римских полководцев-бессребреников уходило в прошлое.

Затем праздновался триумф претора Луция Эмилия Регилла, который разбил при Мионнесе флот Антиоха.

Наконец, из Азии вернулся Луций Корнелий Сципион. Этот никчемный человек начал требовать почестей и среди прочего — прозвища «Азиатик» (Азиатский). Он хотел сравняться в славе со своим братом Публием, который носил прозвище «Африканский» за победу над Ганнибалом.

Хотя многие знали, что вся честь победы над Антиохом в битве при Магнесии принадлежит Агенобарбу, сенат просьбу Луция Сципиона удовлетворил. В конце концов, Агенобарб не был официальным начальником, а Сципион был. И это ничтожество получило прозвище «Азиатский» и смогло отпраздновать пышный триумф.

А что же Антиох? Он выжидал, хитрил, пытался сохранить то, что еще можно. Например, долго не выводил гарнизоны из фракийских городов Эноса и Маронеи. Римляне обошли оба города как незначительные. «Великий царь» наивно полагал, что о них забудут. Не тут-то было. Для таких мелочей как раз и существовала комиссия децемвиров. Она потребовала вывести гарнизоны, и «Великий царь» покорился. Города получили статус свободных. Впоследствии их захватил македонский царь Филипп V, но римляне снова даровали им «свободу» — правда, лишь для того, чтобы впоследствии включить их в состав своей республики как часть провинции Македония.

Единственная проблема, которая оставалась у римлян на Балканах, называлась «Этолийский союз». Но его сочли недостойным полного завоевания. Во-первых, главная римская армия задержалась в Азии. Там нужно было расправиться с галатами, которых считали пособниками Антиоха, установить границы,

собрать добычу. Во-вторых, этолийцы оборонялись отчаянно. Ограничившись взятием города Амбракии, входившего на тот момент в союз, римляне предложили этолийцам мир. Границы союза были ограничены собственно Этолией. После того как этолийцы владели половиной Греции, это было немного, но все же лучше, чем ничего. При этом они потеряли право вести самостоятельную внешнюю политику, то есть становились римскими сателлитами. Наконец, Этолийский союз выплачивал Республике дань в размере пятисот талантов (взносы разбивались на шесть лет).

Этолийское собрание одобрило эти условия, которые можно было счесть сравнительно легкими. Таким образом, люди, которые разожгли войну и втянули в нее Антиоха, отделались легче всех.

Римской армией в Азии командовал новый консул — Гней Маний Вольсон. Верным союзником римлян оставался пергамский царь Эвмен, приславший им в помощь отряд во главе со своим братом Атталом. Пергамцы хорошо знали театр военных действий и выступали проводниками. Без них римляне блуждали бы как слепцы по малоазиатским нагорьям.

Начали с захвата небольших городов и крепостей во Фригии, которые в прошедшей войне частью были верны Антиоху, а частью объявили себя свободными. Самому Антиоху при этом определили позорную роль, обязав его обеспечивать римлян продовольствием. Царь согласился — а что ему еще оставалось?

Обозы с продуктами доставил сын Антиоха, принц Селевк, но их оказалось недостаточно. Возник скандал. Принц утверждал, что по уговору «Великий царь» обязался поставлять продовольствие только для римлян, а пергамцы в договор не входят — пусть кормятся, как хотят. Римский командующий быстро пресек эти препирательства. Он демонстративно разослал по войскам приказ: не принимать от Антиоха хлеб прежде, чем его получают войска Аттала. Селевк смирился и организовал новые обозы.

Римляне считали галлов старыми врагами, поэтому и стремились разбить и уничтожить их везде, где только можно. Причины вражды лежали глубоко. Когда-то галлы разграби-

ли Рим. Потом — незадолго до описываемых событий — помогли Ганнибалу в Италии и даже составили основную часть его армии. Наконец, галлы (точнее, одно из их племен — кельтиберы) упорно воевали против римлян в Испании. Таким образом, мы видим огромное поле битвы между Республикой и галлами от Испании до Малой Азии.

Римляне разбили галлов и отогнали за реку Галис (Кызыл-Ирмак). Захваченные земли были переданы Пергаму. Галис стал границей между Пергамом и азиатскими кельтами. Консул Вольсон отвел свои войска из холодных предгорий Тавра к теплым берегам Эгейского моря, к Эфесу. Здесь он разместил войска на зимние квартиры, а сам принимал послов от азиатских династов. В числе прочих прибыли люди Ариарата IV из Каппадокии. Царь просил извинения за то, что необдуманно связал судьбу с Антиохом Великим. Римляне приговорили Ариарата к штрафу в 600 талантов.

Весной Вольсон со своими легионерами двинулся из Эфеса во фригийскую Апамею (неподалеку от Келен). Через три дневных перехода римляне достигли Памфилии. Сюда сирийцы должны были доставить 2500 талантов серебра и продовольствие. Антиох честно выполнил обещание, хотя ради этого пришлось опустошить казну. Получив деньги и хлеб, римляне двинулись к городу Перга, где оставался единственный в Памфилии сирийский гарнизон.

При появлении римлян начальник гарнизона встретился с консулом и попросил месяц отсрочки: он не мог сдать город без личного приказа царя. Консул должен понять его как военный военный.

Вольсон согласился. Его расслабили роскошь, награбленные сокровища и даровое продовольствие, которое подвозили отовсюду. Торопиться было некуда. Он дождался решения Антиоха. «Великий царь» приказал сдать город, и туда вошли римляне.

Миссия Вольсона в Малой Азии на этом практически завершилась. Он вернулся в Эфес и вызвал туда сирийских послов. Там римляне огласили результаты работы комиссии децемвиров, после чего мирный договор с Антиохом окончательно вступил в силу.

Он содержал следующие пункты:

1. Антиох обязывается не пропускать через свою территорию враждебных римлянам войск и не поддерживать их продовольствием.

2. Антиох не имеет права вести войну с жителями Эгейского архипелага и переправлять войска в Европу.

3. Оставляет малоазиатские земли вплоть до Тавра.

4. Обязуется не принимать перебежчиков от Эвмена.

5. Передает римлянам всех боевых слонов и весь флот. Впредь его морские силы ограничиваются десятью тяжелыми кораблями и небольшим количеством легких (точная цифра утрачена).

6. Выплачивает римлянам 12 000 талантов отступных и сверх того передает 550 000 мер пшеницы.

7. Пергамскому царю Эвмену платит 350 талантов дани и 127 талантов в виде компенсации за зерно с разоренных полей.

8. В качестве гарантии мира Антиох отправляет в Рим двадцать заложников не моложе 18 и не старше 45 лет. Они меняются каждые три года. Таким образом, помимо гарантии мира римляне получали возможность воспитать сирийцев-заложников в нужном ключе, то есть сделать их агентами влияния в Сирии.

В том же договоре записали пункт о выдаче политических эмигрантов, включая этолийца Фоанта и пунийца Ганнибала. Однако Антиох не стал их выдавать, при всех своих недостатках он не был предателем. При попустительстве «Великого царя» оба врага римлян скрылись. Судьба Фоанта неизвестна. Ганнибал бежал сначала в Армению, где втерся в доверие к тамошнему правителю Арташесу и даже спроектировал для него новую столицу — Артаксату. Арташес подчинился Селевкидам до 187 года до н. э. Не известно, раньше или позже этой даты прибыл к нему Ганнибал. Впрочем, прожив в Армении несколько лет, пуниец поссорился со своим покровителем и отбыл к вифинскому царю Пруссию. Но тут ему сильно не повезло: туда как раз прибыл старый римский политик Тит Фламинин. Узнав, что Ганнибал находится при дворе Прусия, Тит потребовал немедленной выдачи карфагенянина. Пруссию пришлось согласиться. Ганнибал, узнав об этом, принял яд

и умер, лишив римлян удовольствия казнить его (183 год до н. э.).

Но вернемся назад.

Консул Вольсон присягнул договору с Антиохом Великим. Затем послали нескольких римлян, чтобы принять присягу Антиоха. Консул отправил также небольшой морской отряд на юг, в Патары, чтобы уничтожить сирийский флот. Легко вообразить горечь морских офицеров и переживания наварха Поликсенида, который воевал на этих кораблях с римлянами несколько лет. Больше у сирийцев не будет флота.

Слонов, полученных от Антиоха, Вольсон передал Эвмену. Тогда же он простил половину дани Ариарату IV. Дело в том, что хитрый каппадокийский царь быстро переориентировался и выдал дочь за Эвмена, сделав таким образом пергамского царя своим заступником. Так, Ариарат сэкономил приличную сумму в 300 талантов.

Уладив все дела, Вольсон с армией и огромным обозом возвратился в Европу через Геллеспонт. Здесь его атаковали фракийцы, изрядно потрепали войско и отняли часть добычи. Это несколько подмочило репутацию римлян, но никак не повлияло на результаты войны с Антиохом, годы которого уже были сочтены.

8. Прощание с Антиохом

Вечный вопрос, что лучше: погибнуть с честью или влачить жалкое существование? Антиох выбрал второе. Однако ни он сам не избежал бесславной гибели, ни царство его не оправилось от разгрома.

Антиоху было 56 лет. По меркам древних греков — это еще далеко не старость. Но он правил уже двадцать шесть лет. Все эти годы были наполнены бурными приключениями, политическими интригами, тяжелыми походами. Царь устал и озлобился. Это не оправдание для политика, но логичное объяснение его поступков.

Правда, он не считал, что его поражение в войне с Римом катастрофично. Да, утрачены владения в Малой Азии. Но все сатрапы на окраинах хранят верность, от Армении до Персиды. Парфяне, бактрийцы, вассальные индийские раджи и Атропа-

тена подчиняются центральному правительству. Это позволит восстановить силы и возобновить борьбу с Римом.

А пока время для этого не пришло, единственным утешением оставалась семья. Но и тут к счастью примешивалась горечь. Один из сыновей, Селевк, был рядом с отцом как верный соратник, но другой — Антиох — находился в Риме в качестве заложника.

О смерти Антиох еще не думал. С ним была любящая женщина — красавица Эвбея. Она воспитывала маленькую дочь, которую царь, наверное, обожал. О судьбе других его жен ничего не известно. При наличии множества городов и обширных дворцовых комплексов они могли вообще не пересекаться друг с другом.

Жизнь царя текла, как и прежде, но все же то тут, то там давали знать о себе происшедшие перемены. Правители отдаленных сатрапий не спешили выполнять приказы царя, задерживали денежные выплаты, а кое-где создавали собственные вооруженные силы, как правители Армении и Софены, то есть готовились отложиться при первом удобном случае. Антиох не мог заставить их повиноваться, это означало бы войну, а для нее не было сил. Все свободные ресурсы уходили на выплату репараций.

Нехватка денег превратилась в острейшую проблему. Они требовались в большом количестве, чтобы финансировать имперский двор, как положено по статусу правителю такого ранга. А еще — чтобы содержать войска и заставить повиноваться окраины. Но самое главное — чтобы платить всё ту же дань римлянам. Требовалось хоть что-то предпринять. Например, отказаться от роскоши. Или сократить войска и бюрократический аппарат. Но Антиох пойти на это не мог. В его глазах это означало распрощаться с идеей великого «Азиатского царства», ради воссоздания которого было потрачено столько сил.

И базилевс сделал еще одну ошибку, которая на этот раз стоила жизни. В поисках денег он начал грабить храмы, причем делал это с небольшими группами негодяев. То ли у него вообще не осталось денег на содержание крупной дружины, то ли не все соглашались участвовать в столь гнусном деле... Одним из самых прославленных храмов в его владениях был храм

Бела (Господа) в области Элимаида, расположенной в горах Загрос между Мидией и Сузианой.

О том, что произошло, согласно пишут Юстин, Страбон и Диодор Сицилийский. В 187 году до н. э. Антиох прибыл в Элимаиду с охраной. Момент был выбран удачно. Окрестные жители как раз несли в храм жертвы и богатые дары. Состоялись празднества. Антиох дождался их окончания, ночью вошел в храм и забрал сокровища. Однако «Великий царь» не смог вывезти их достаточно быстро. Вероятно, жрецы храма сумели поднять народ. Может быть, даже вооружили его, хотя внешне всё имело вид стихийного восстания. Толпа окружила резиденцию Антиоха. Нападение было столь внезапным, что Антиох не успел ничего предпринять. История не сохранила даже, что это было — восстание всей провинции или мятеж горстки жрецов, взбунтовавшей работников, которые стояли при храме.

Итак, «Великий царь» был растерзан толпой. Это всё, что известно нам о жизни и смерти Антиоха Великого — последнего царя из династии Селевкидов, который в лучшие моменты жизни действительно был велик.

Настала пора проститься с Антиохом. Это был опытный политик, сумевший воссоздать державу из ничего. Всю жизнь он руководствовался имперской идеей, которая была передовой для своего времени, хотя и имела массу недостатков. Царь остался ей верен до последнего, несмотря на все поражения.

Вероятно, свое отступление из Малой Азии он расценивал лишь как тактический ход в большой игре. Эту территорию Селевкиды неоднократно захватывали и теряли. Отдав ее римлянам, Антиох сберег остальные земли, которые перешли к его сыну Селевку.

Сыновья и внуки «Великого царя» пытались сохранить державу, но у них ничего не вышло. Эллинизм был чужим для покоренных народов, привить им эллинистический культурный код оказалось невозможно. Антиох был не самым худшим правителем, но задача его была неисполнима. В молодости и зрелости он завоевал огромные территории, возродив погибшую было империю. Инерции этого прорыва хватило на несколько десятилетий. Но сама судьба обрекла царя на поражение.

Обреченность «Великого царя» заключалась не в его нравственном выборе, а скорее — в выборе политическом. Он отстаивал химеру — многонациональную империю, для удержания которой не было сил и средств.

Обладать территориями, которыми владел Антиох, суждено будет совсем другому народу. Героические парфяне будут сражаться с потомками Антиоха и победят примерно в 130-х годах до н. э., когда покорят Персиду, Мидию и возьмут Ва-

вилон. Государство Селевкидов просуществоует еще несколько десятков лет как небольшое Сирийское царство, постоянно сокращаясь в размерах вследствие усобиц и отпадения национальных окраин. В 63 году до н. э., через 134 года после смерти Антиоха, римский полководец Помпей Великий покончит с этим политическим недоразумением: он превратит остатки селевкидских владений в римскую провинцию Сирия.

Идея эллинизма окажется неспособна повести за собой население Древнего Ирана, но на месте сирийских и малоазийских владений утвердится новый этнос, говорящий по-гречески. Он примет христианство в его православной версии и получит от позднейших историков название «Византия». Культурную традицию этой новой империи воспримет Русь. В этом — странная диалектика истории. Без авантюрного похода Александра Македонского, без жестокой борьбы его преемников за власть, без жертвенности Антиоха Великого не было бы феномена эллинизма. А значит, не было бы ни Византии, ни России в ее нынешнем виде. Конечный смысл событий всегда остается неясен их современникам. И в этом — величайшая загадка истории.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. Наследник Александра Великого	
Глава 1. Детство и семья	8
Глава 2. Бюрократы против военных	20
Глава 3. Война с Египтом	40
Глава 4. Война с Ахеем	62
Глава 5. Второй Восточный поход	72
Глава 6. Империя Селевкидов.	85
Глава 7. Реванш в Келесирии	95
Глава 8. Хрупкий мир.	113
Часть вторая. Антиох против Рима	
Глава 1. Вторжение в Грецию	137
Глава 2. Между Грецией и Азией	165
Глава 3. Морские сражения	176
Глава 4. Катастрофа.	194
Послесловие	223

Чернявский С.

Ч-49 Антиох Великий, «царь Азии» / Станислав Чернявский. — М. : Ломоносовъ. — 2016. — 232 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-299-8

В 241 году до н. э. в Вавилоне появился на свет мальчик, названный Антиохом. Много позже, когда он вернет могущество монархии, созданной его прапрадедом, и будет править обширной эллинистической империей, которая раскинется от Босфора до Инда, к его имени присоединят титул «Великий». Империя Антиоха Великого, как ни странно, так и не получит названия. Древние греки называли ее «Азиатским царством», а ученые ныне говорят просто о «державе Селевкидов» — так, по имени основателя, полководца Александра Македонского, звался царский род, к которому принадлежал Антиох. Расширяя свои границы, Антиох неизбежно должен был встретиться с Римом и, когда это случилось, не побоялся бросить вызов величайшему государству Античности, но потерпел крах. О великом царе, чья жизнь была полна внезапных поворотов, тонких интриг, невероятных приключений, чьим соперником был победитель Ганнибала — полководец Сципион Африканский, рассказывает книга историка и писателя Станислава Чернявского.

УДК 94(569.4)014

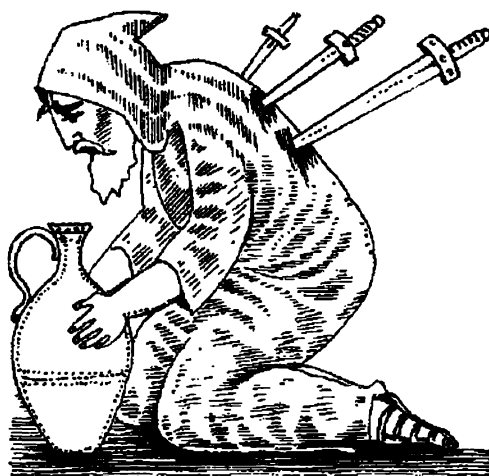
ББК 63.3(0)31

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Станислав Чернявский

Антиох Великий, «царь Азии»

Редактор С. Вавилов
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пуцина

Подписано в печать 18.09.2015.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

Станислав
Чернявский

Антиох
Великий,
«царь Азии»

В 241 году до н. э. в Вавилоне появился на свет мальчик, названный Антиохом. Много позже, когда он вернет могущество монархии, созданной его прапрадедом, и будет править обширной эллинистической империей, которая раскинется от Босфора до Инда, к его имени присоединят титул «Великий».

Империя Антиоха Великого, как ни странно, так и не получит названия. Древние греки называли ее «Азиатским царством», а ученые ныне говорят просто о «державе Селевкидов» — так, по имени основателя, полководца Александра Македонского, звался царский род, к которому принадлежал Антиох. Расширяя свои границы, Антиох неизбежно должен был встретиться с Римом и, когда это случилось, не побоялся бросить вызов величайшему государству Античности, но потерпел крах. О великом царе, чья жизнь была полна внезапных поворотов, тонких интриг, невероятных приключений, чьим соперником был победитель Ганнибала — полководец Сципион Африканский, рассказывает книга историка и писателя Станислава Чернявского.

ISBN 978-5-91678-299-8

9 785916 782998